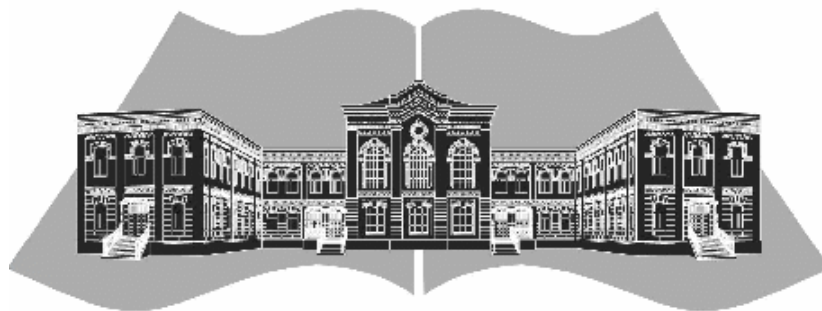

Министерство образования Московской области
Государственное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
“Московский государственный областной гуманитарный институт”

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
ГУМАНИТАРНОГО
ИНСТИТУТА

**СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЛИНГВИСТИКА
И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ**

Научный журнал

№ 2 (2014)

Орехово-Зуево

2014

*Министерство образования Московской области
Государственное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
«Московский государственный областной гуманитарный институт»*

**ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО ГУМАНИТАРНОГО ИНСТИТУТА**

**СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЛИНГВИСТИКА
И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ**

**Научный журнал
№ 2 (2014)**

Главный редактор:

Доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН **Блох М.Я.**

Зам.главного редактора:

Кандидат филологических наук, доцент **Яковлев М.В.**

Ответственный редактор:

Кандидат филологических наук, доцент **Кириллова А.В.**

Редакционная коллегия:

Кандидат филологических наук, доцент **Яковлева Э.Н.**

Кандидат филологических наук, доцент **Букина В.А.**

Кандидат филологических наук, доцент **Лесниковская И.В.**

Кандидат филологических наук, доцент **Блохин А.В.**

Доктор филологических наук, профессор, зав.кафедрой
межкультурной коммуникации МГОУ (Институт лингвистики) **Ощепкова В.В.**

Доктор филологических наук, профессор, зав.кафедрой
фонетики английского языка факультета иностранных языков МПГУ **Фрейдина Е.Л.**

Доктор филологических наук, профессор, зав.кафедрой английского языка
Барнаульского государственного педагогического университета
(Институт лингвистики) **Трунова О.В.**

Доктор филологических наук, профессор кафедры литературы XX века Московского
государственного областного университета (г. Москва) **Алексеева Л.Ф.**

© ГОУ ВО МО «Московский
государственный областной
гуманитарный институт», 2014

© Оформление.

Редакционно-издательский отдел
ГОУ ВО МО «Московский
государственный областной
гуманитарный институт», 2014

Редакционно-издательский отдел Московского государственного областного гуманитарного института.
142611, Московская область, г. Орехово-Зуево, ул. Зеленая, д.22.

E-mail: vestnikmgogi@gmail.com

В сети интернет «Вестник МГОГИ» представлен на сайте:
www.mgogi.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Астафьева О.А.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ
ПАРЦЕЛЛИРОВАННЫХ КОНСТРУКЦИЙ
В РОМАНЕ В.Д. ДУДИНЦЕВА
«БЕЛЫЕ ОДЕЖДЫ» 5

Блохин А.В.

ОБЩЕЕ И ЧАСТНОЕ
В СЛОВООБРАЗОВАНИИ ИМЕН
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
С КОНКРЕТНО-ПРЕДМЕТНЫМ
ЗНАЧЕНИЕМ В НОВГОРОДСКИХ
ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОСТИ
XI–XIV ВЕКОВ 10

Буланкина Н.Е.

ПРОФЕССИОНАЛЬНО
ОРИЕНТИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ
ИНОСТРАННОМУ (АНГЛИЙСКОМУ) ЯЗЫКУ.
ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
СРЕДА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ
ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ 15

Громова А.В.

ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ ЭМИГРАНТА
В ПРОЗЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ПЕРВОЙ
ВОЛНЫ 20

Кияшко Л.Н.

ЭПОПЕЯ «СОЛНЦЕ МЕРТВЫХ»:
ТРАГИЧЕСКОЕ РАЗОБЩЕНИЕ ЛЮДЕЙ
И ПУТИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ 25

Колоскова Т.А.

ОСОБЕННОСТИ ЦВЕТООБОЗНАЧАЮЩЕЙ
ЛЕКСИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
Б.Л. ПАСТЕРНАКА КАК ОТРАЖЕНИЕ
ИДИОСТИЛЯ ПИСАТЕЛЯ 33

Латышко О.В.

ПОНИМАНИЕ Б. ПОПЛАВСКИМ
СУЩНОСТИ ИСКУССТВА 38

Мильруд Р.П.

ПОДГОТОВКА ПЕДАГОГОВ
К ПРЕПОДАВАНИЮ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
В СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЯХ
(С СЕРИЕЙ ПОСОБИЙ “CAREER PATHS”) 41

Рюкина А.А.

О РОЛИ ОБЩЕЭМИГРАНТСКИХ ОБРАЗНЫХ
КОНЦЕПТОВ В КОНСТРУИРОВАНИИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА
ПОЭМЫ В ПРОЗЕ С. ШАРШУНА
«ДОЛГОЛИКОВ» 46

Сантросян Р.

ОДНОВРЕМЕННОСТЬ СОБЫТИЙ
КАК СРЕДСТВО АКТУАЛИЗАЦИИ
КАУЗАЛЬНОСТИ 50

Симачева И.Ю.

А.С. ПУШКИН НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА
«ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ РОССИЯ» 54

Трумпокаис Е.Д.

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ ЯЗЫКА ДЛЯ СОЗДАНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОГО КОЛОРИТА
В ПОЭМЕ-СКАЗКЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ
«ЕГОРУШКА» 56

Чурюканова Е.О.

РОЛЬ ЗАИМСТВОВАНИЙ
В ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ
(ДИНАМИКА МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ
УСТАНОВКИ ПРИНИМАЮЩЕГО
ЯЗЫКОВОГО КОЛЛЕКТИВА) 60

Яковлев М.В.

ОБРАЗ ЕВРОПЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ПРОСТРАНСТВЕ М. ВОЛОШИНА 67

Яковлева Э.Н.

ЭВОЛЮЦИЯ ЗНАЧЕНИЙ
ВЕТХОЗАВЕТНЫХ БИБЛЕЙСКИХ
АНТРОПОНИМОВ В СОВРЕМЕННОМ
ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ 75

Яковлева А.М.

ОБРАЗНАЯ СЕМАНТИКА
В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ НОМИНАЦИИ
КОНДИТЕРСКИХ ИЗДЕЛИЙ 81

CONTENTS

O. A. Astafeva

THE STYLISTIC FUNCTION OF PARSEL
CONSTRUCTIONS IN THE NOVEL BY
V.D.DUDINTSEV «THE WHITE CLOTHES» 5

A. V. Blokhin

PROFESSIONALLY FOCUSED TRAINING
OF FOREIGN LANGUAGE. (ENGLISH).
EDUCATIONAL ENVIRONMENT AS
A FACTOR OF EFFICIENCY EDUCATION..... 10

N.E. Bulankina

PROFESSIONALLY FOCUSED TRAINING
OF FOREIGN LANGUAGE (ENGLISH)
EDUCATIONAL ENVIRONMENT AS
A FACTOR OF EFFICIENCY EDUCATION 15

A. V. Gromova

PROBLEM OF ADAPTATION
OF REFUGEES IN PROSE
OF RUSSIAN LITERATURE ABROAD
OF THE FIRST "WAVE"..... 20

L. N. Kiyashko

EPIC "SUN OF THE DEAD": TRAGIC
DISCONNECTION BETWEEN PEOPLE
AND WAYS OF OVERCOMING IT 25

T.A. Koloskova

FEATURES COLOR DOMINANTS
IN THE WORKS OF B.L. PASTERNAK
AS A REFLECTION OF THE WRITER
IDIOSTILJA..... 33

O.V. Latyshko

UNDERSTANDING OF ART`S ESSENCE
BY B. POPLAVSKY 38

R.P. Milrud

PREPARING TEACHERS TO TEACH
ENGLISH FOR SPECIAL PURPOSES
(WITH A SERIES OF BENEFITS "CAREER
PATHS")..... 41

A.A. Ryukina

ABOUT A ROLE EMIGRANT FIGURATIVE
CONCEPTS IN DESIGNING OF ART SPACE
OF THE S.SHARSHUN`S POEM IN PROSE
«DOLGOLIKOV» 46

R. Santrosyan

SIMULTANEITY OF EVENTS AS A LINGUISTIC
MEANS OF EXPRESSING CAUSATION..... 50

I.J. Simacheva

A.S. PUSHKIN ON THE PAGES
OF ILLUSTRATED RUSSIA
MAGAZINE 54

E.D. Trumpokais

LEXICAL AND STYLISTIC ASPECTS
OF THE LANGUAGE FOR CREATING
NATIONAL COLOUR IN THE POEM-TALE
BY M. I. TSVETAeva "EGORUSHKA" 56

E.O. Churyukanova

THE ROLE OF BORROWINGS
IN THE TRANSFORMATION OF WORLD
OUTLOOK (THE DEVELOPMENT OF THE
OUTLOOK SETTING OF THE BORROWING
LINGUISTIC COLLECTIVE) 60

M.V.Yakovlev

THE IMAGE OF EUROPE IN VOLOSHIN`S
ARTISTIC SPACE 67

E.N. Yakovleva

THE EVOLUTION OF OLD
TESTAMENT BIBLICAL PERSONAL
NAMES IN MODERN FRENCH AND
RUSSIAN 75

A.M. Yakovleva

FIGURATIVE SEMANTIC
IN ENGLISH NAMES OF CONFECTIONERY..... 81

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПАРЦЕЛЛИРОВАННЫХ КОНСТРУКЦИЙ В РОМАНЕ В.Д. ДУДИНЦЕВА «БЕЛЫЕ ОДЕЖДЫ»

Астафьева О.А.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. В статье рассматриваются грамматические особенности и стилистические функции парцеллированных конструкций в романе: экспрессивно-выделительная, информативного углубления, оценочная, резюмирующая, функция имитации естественной разговорной речи героя.

Ключевые слова: парцелляция; парцеллированная конструкция; базовая часть; стилистическая функция; В.Д. Дудинцев; роман «Белые одежды».

Парцелляция – экспрессивный синтаксический приём, заключающийся в преднамеренном структурном и интонационном расчленении единой синтаксической модели предложения на несколько интонационно обособленных отрезков с целью актуализации наиболее важных, с точки зрения пишущего, моментов повествования.

Парцелляция обладает своими, отличными от других синтаксических явлений экспрессивного плана, особенностями:

1) двухкомпонентной структурой: базовая часть и парцеллят(ы) (вне зависимости от количества последних).

2) неизменяемой постпозицией вычленимого элемента, интонационной самостоятельностью парцеллята при тесной грамматической и смысловой зависимости от базовой части.

3) наличием союзов и союзных слов в абсолютном начале парцеллята при расчленении сложных структур, неспособностью самостоятельного функционирования парцеллята в тексте без опоры на базовую часть.

Роман В.Д. Дудинцева «Белые одежды» является ярчайшим примером влияния естественной разговорной речи на речь письменную, отражением действующей в языке тенденции к аналитизму, расчленённости.

Рассмотрим функционально-стилистические характеристики парцеллированных конструкций в романе.

Стилистические функции парцеллированных конструкций (далее – ПЦК) в романе В.Д. Дудинцева неразрывно связаны с многообразием семантико-синтаксических отношений, возникающих между парцеллятом и базовой частью. Стилистический эффект парцелляции зависит не только от выражаемых значений, но также

и от структуры ПЦК, то есть от того, из скольких звеньев она состоит, какие синтаксические единицы составляют парцеллят, как отдалён парцеллят от опорного слова базовой части, находящегося с ним в синтаксической связи.

В романе используются однозвенные и многозвенные ПЦК. С точки зрения выразительности более экспрессивны многозвенные ПЦК. Они создают особый ритм повествования, передают динамику действия или градацию признаков, в то время как однозвенные ПЦК часто только выделяют, подчёркивают какой-либо момент высказывания.

Сравним:

1. – *За счастье, Леночка. Ты – моя жизнь. Что бы ни было в будущем...* И в прошлом. *За тебя. Чтобы отныне, с этой минуты, у нас не было никаких тайн друг от друга. Ни малейших.*

2. – *Ну так и он вас узнал. Сегодня утром у нас беседа была. В его кабинете.*

Многозвенная ПЦК (1 пример) передаёт волнение главного героя, которое он испытывает перед любимой женщиной. Ритм повествования замедлен. Однозвенная ПЦК (2 пример) выделяет лишь место, где происходит событие.

Характер синтаксических единиц, составляющих парцеллят, также влияет на экспрессию повествования. Парцеллят, представленный единичной словоформой (особенно если она является новым по отношению к базовой части членом предложения), минимальными словосочетаниями, чаще всего выполняет в романе экспрессивно-выделительную функцию:

Пусть вся эта братия спокойно работает. Пока.

– *Но за счастье надо выпить. По полрюмки. Давай выпьем за счастье.*

Большую выразительность вносят в текст романа ПЦК с парцеллятом-определением, когда определение является новым по отношению к базовой части членом:

– *Надо молчать и делать что-то.*

Достойное.

Он же действительно и заключение успел написать. **Острое.**

Другая плита была из стали. Из нержавеющей.

В приведённых примерах благодаря интонационной самостоятельности при сильной смысловой зависимости максимально повышается коммуникативная значимость отчленённых отрезков.

Встречаются в романе и ПЦК с парцеллятом-определением, который уточняет смысл определения, находящегося в базовой части:

– *Страшные тридцатые годы. И странные!*

– *Хороший символ. Наглядный.*

– ... *Каждая женщина – необыкновенное явление. Неповторимое.*

Парцелляты, выраженные предикативными частями или сочетанием словоформ, словосочетаний, предикативных частей, позволяют выполнять ПЦК функцию информативного углубления (уточнения, пояснения, развёртывания высказывания). Особенно широко такие ПЦК употребляются в диалогах героев:

– *На его экзамен яотреагирую самым неожиданным образом. Так, что само бытие удивится.*

– *Он... ходит вокруг меня, что-то учуял... То самое, что я тебе хотел бы рассказать, но пока не могу.*

Среди парцеллятов-предикативных частей стилистически наиболее выразительны части сложносочинённого предложения с противопоставлением:

Он всё время помнил о своём лице, способном иногда выходить из повиновения, и несколько механически улыбался. Но мысли его были невеселы.

– *Очень хочу закурить. Но не закурю.*

– *Очень торжественно говорите!* – возразил Хейфец. – *А ведь Колумб не Америку открывать собирался, а Индию. Был уверен в избранном пути. А попал в Америку. А вы говорите, уверенность.*

Данные конструкции приобрели экспрессивность и стилистическую значимость именно благодаря нестандартному представлению на письме сложносочинённых предложений, отчленению части с противопоставлением, то есть акцентуации сопоставительно-противительных отношений

между парцеллятом и базовой частью. Очень интересен последний пример. В нём противительный союз «а» употреблён в присоединительном значении. Факты нанизываются один на другой. Многократное употребление союза «а» в начале парцеллятов подчёркивает разговорный характер речи.

В романе встречаются ПЦК с различной позицией парцеллята: контактной, дистантной, абзацной.

Сравним:

Контактное расположение парцеллята (парцеллят непосредственно следует за базовой частью)	Дистантное расположение парцеллята (парцеллят отделён от базовой части предложением/ями)
– <i>Постучал, и сразу чем-то повеяло, Федяня. Событиями какими-то грядущими. Судьбой.</i>	– <i>Надо же мне что-нибудь на память тебе... Возьми вот скрепки. Коробочку. Ты таких никогда не видел. Заграничные.</i>

Если сопоставить дистантный и контактный парцелляты с точки зрения воздействующих возможностей, то дистантный парцеллят менее экспрессивен как раз из-за своего дистантного положения, которое влияет на ослабление связи парцеллята и базовой части и в определённой степени затрудняет восприятие сказанного. Иногда при дистантной позиции парцеллята возникает необходимость вновь обратиться к базовой части, чтобы восстановить логическую связь между компонентами ПЦК.

Абзацная позиция парцеллята способствует повышению его выразительности:

– *Полагается класть к доске губку. Где мел... – сказал академик.*

И двумя пальцами потащил из кармана платок. Вытянулся длинный пёстрый жгут, и из него на пол посыпалась земля. Академик замер. Прошёл.

Абзацное выделение парцеллята акцентирует внимание читателя на действии героя (академика Рядно). Оно является ключевым в этой сцене. «Фокус» с землёй в кармане отлично продуман заранее, и автору важно подчеркнуть, с каким искусством академик создаёт себе имидж человека, который без связи с землёй не представляет себе своего существования.

Широко используются в романе ПЦК с выделением части высказывания, подчёркивающей деталь, факт, черту характера героя или манеру поведения. В этой функции наиболее употреби-

тельны определения, одиночные и распространённые, а также различные виды обстоятельств:

– *Вы хоть и хорошо отбились, но всё же, Фёдор Иванович, суётесь. Не знаете наших девочек. Отличниц.*

– *Где вера, там больше всего спешат от верящего что-нибудь получить. Авансом. Деньгами.*

– *Ручка как ручка, а как возьмёшь да повернёшь, тут тебя и стукнет. Прямо в ладонь. Навылет...*

Приводимые нами примеры доказывают, что при парцелляции изменяется коммуникативная структура высказывания, а это играет немаловажную роль в процессе восприятия художественного текста. По словам Ю.М. Лотмана, «важным средством информационной активизации структуры является её нарушение. Художественный текст – это не просто реализация структурных норм, но и их нарушение» [5: с. 146].

Значительной экспрессией и выразительностью обладают используемые автором ПЦК, содержащие парцеллят – сравнительный оборот со значением «в качестве» и с частицей-связкой «как» в значении приравнивания к чему-либо или сравнения с чем-либо. Выделение части высказывания сопровождается передачей отношений сравнения:

– *По-моему, он стал большим филологом-фольклористом. Как Даль.*

– *Сначала войска, надев красные и голубые мундиры, выстраивались в колонны и палили друг в друга. Как дуэль.*

В первом примере сравнительный оборот употреблён в значении приравнивания одного лица к другому лицу, а во втором примере – в значении сравнения двух событий (действий).

Приведём ещё один пример:

Чёрт знает этого Фёдку, словёв сколько... Как у луковицы.

В нём представлено сравнение с «усиленной образностью». Нематериальное (внутренний мир героя) сравнивается с материальным (луковица).

ПЦК с парцеллятами-сравнительными оборотами или сравнительными придаточными частями чаще всего неожиданны, потому что конец предложения, формально обозначаемый точкой, не совпадает с концом мысли автора.

Следует отметить, что конструкции рассмотренного типа связаны с выражением актуального членения предложения. Отчленённая часть оказывается более значимой, так как в большинстве случаев является вторичной ремой, поэтому

приём парцелляции можно квалифицировать как одно из дополнительных средств выражения актуального членения предложения.

Посредством парцелляции в романе может быть подчеркнута та или иная оценка говорящим описываемых явлений. ПЦК позволяют выделить субъективную оценку сказанного, передать авторское отношение к тому, о чём он пишет, или отношение героя к тому, о чём он говорит. Богатые интонационные возможности парцелляции помогают автору (герою) передавать гнев, возмущение, удивление, одобрение, сомнение не только лексическими средствами, но и синтаксическими – вычленением авторской оценки в парцеллят и введением частиц, вводных конструкций, выражающих субъективно-модальные значения. В самом парцелляте эта оценка передаётся разными способами:

1) лексическими – с помощью использования слов с оценочным значением:

– *Особенные были люди. Реликты.*

– *Федька, ты молодец. Теперь иди на кухню и бабушек сюда пошли. Моих верных мышек.*

2) синтаксическими, то есть употреблением в парцелляте вводных слов и словосочетаний, имеющих эмоционально-оценочный характер:

– *Говорил. Какая-то, видно, с...чь предупредила. Между прочим, из знающих.*

ПЦК выполняют в романе, кроме экспрессивно-разделительной функции, и функцию информативного углубления (экспрессивно-распространяющую). Данная функция включает в себя две разновидности:

а) восполняющую;

б) развивающую.

ПЦК с восполняющим парцеллятом вносят новую информацию, ещё не представленную в базовой части синтаксическими аналогами:

– *Мы будем действительно двойниками. И в деле. И в личной жизни.*

– *Вопрос решали – премию дать одному... За взрывы.*

ПЦК с развивающим парцеллятом уточняют, поясняют, развивают представленную в базовой части информацию:

– *Я хотел это сказать, – спокойно согласился Фёдор Иванович. – Отвечать надо вместе. И тем, кто непосредственно ведёт работу, то есть нам, и тем, кто наблюдает...*

Подобного рода конструкции употребляются преимущественно в репликах героев романа.

Функция информативного углубления проявляется и в выражении всевозможных смысловых отношений между частями ПЦК.

Отметим частные проявления этой функции:

1) в романе используются ПЦК, в которых одиночные/распространённые, однозвенные/многозвенные парцелляты конкретизируют, поясняют, доказывают, подтверждают, раскрывают содержание предшествующей части высказывания. Некоторые парцелляты – части сложноподчинённого предложения с союзами «когда», «хотя» и подобными, наряду с временными, уступительными значениями, приобретают значение пояснения. В таких конструкциях основное содержание заключено в базовой части, а парцеллят лишь разъясняет какие-то детали, раскрывает смысл сказанного:

– Я чувствую, Лена, сам, дело здесь не простое. Он ходит вокруг меня, что-то учуял... **То самое, что я тебе хотел бы сказать, но пока не могу.**

– Ничего, старик. Я уже написал другое заключение, – сказал Брузжак...

– Когда же ты успел? – удивился Фёдор Иванович.

– Ночью, старик, ночью. **Когда ты спал.**

2) Широко используются в романе ПЦК с разного рода уточнениями, оформленными как парцелляты. При этом происходит резкое повышение информативности, как авторской речи, так и речи персонажей. ПЦК обладают большими стилистическими возможностями распространения какого-либо члена или всего предложения путём уточнения деталей описываемого явления, факта. Уточняющие парцелляты восполняют незаконченность предшествующего высказывания, вносят в него дополнения, поправки:

– Это алкалоид. Его получают из луковиц безвременника. **То есть колхикума.**

– Знаете, когда на шее другого человека сидишь – чувствуется особая сладость... Даже если больного тебя на носилках несут... **Особенно когда женщины.**

ПЦК в тексте могут уточнять:

а) характеристику личности героя, причем в парцелляте может содержаться сообщение о его профессии, социальном положении:

– Там есть такая Шамкова. **Анжелка. Аспирантка.**

– Кассиан Дамианович! Я неудачно пошутил. Это Борис Николаевич Порай. **Механизатор.**

Такие конструкции употребляются, как правило, в тех случаях, когда герой даёт краткую характеристику другому герою или самому себе.

Может также содержаться сообщение о возрасте героя:

– Он мне напоминает одного моего друга у нас во дворе. **Лет шести.** У вас есть дети?

Выделение этой информации в парцеллят вносит иронический оттенок (взрослый человек имеет «друга» шести лет).

б) качество, признак:

Таков здесь был ритуал чаепития. **С фронтальным оттенком.**

– Значит, судьба тебя для другого наказания бережёт. **Пострашнее.**

в) обстоятельства совершения действия:

– ... Побыл бы на моём месте. Один же за другим – так и отходят. **Всё туда, туда. К мушкам. А оттуда только дураки, мелочь.**

Герои романа часто рассуждают о смысле человеческого существования, о «вечных вопросах» человеческого бытия, поэтому значительное количество ПЦК используется как средство выражения итога, вывода, заключения или подтверждения высказанной мысли. Таким образом, они реализуют резюмирующую функцию: обычно выделяется один из однородных членов или однородная придаточная часть, выполняющие обобщающую функцию по отношению к ряду однородных членов или к первой придаточной части высказывания, включённой в базовую часть:

Он старался, готовился к трудностям. **И, конечно же, получил их.**

Об этой чёлке недруг-академик давным-давно, лет тридцать назад, тоже сказал своё слово: эта туманность предвещает рождение сверхновой звезды. **И не ошибся.**

Парцеллят-вывод может вносить эффект неожиданности:

Этот менделизм-морганизм (иные добавляли ещё к этим словам и «вейсманнизм») содержит ведь тезисы, которые можно использовать. **И использовали!**

Для парцеллятов с резюмирующей функцией характерно осложнение вводными словами и словосочетаниями:

Практика – это память о привычной последовательности явлений, Посадил дерево – должно прорасти. **И, действительно, растёт.**

Когда один герой даёт оценку другому герою, используются и особые ПЦК (с союзом «или»). Парцеллят как бы предоставляет оценочную альтернативу:

– Ни черта не понимаешь в женщинах. **Или притворяешься.** Модильяни сидит в каждой красивой женщине.

– Ты синий чулок. **Или страшный притвора.** Скажи мне, кто такой Торквемада?

Подобные конструкции употребляются и в речи героев, ведущих монолог-рассуждение о философских проблемах бытия (таких монологов в романе очень много):

– ...*Добрый порыв чувствуешь главным образом тогда, когда видишь чужое страдание. Или предчувствуешь.*

Добро великодушно и застенчиво. И старается открыть свои добрые мотивы, снижает их, маскирует под морально-отрицательные. Или под нейтральные.

– *Ветхий конус, который уходит в бесконечность, всё время расширяется, Это Вселенная, мир, вмещающий всё, за исключением моего индивидуального сознания. Или вашего.*

Итак, проведённый анализ показал, что язык романа В.Д. Дудинцева «Белые одежды» является ярким образцом синтаксической расчленённости, которая достигается в том числе и с помощью использования парцелированных конструкций. В нём активно используются ПЦК, различные по структуре и значению.

В зависимости от количества парцеллятов ПЦК делятся однозвенные и многозвенные. Парцеллят, находящийся всегда в постпозиции, может быть расположен контактно, дистантно или абзацно. ПЦК выполняют в романе различные функции: экспрессивно-выделительную, информативного углубления, оценочную, резюмирующую, функцию имитации естественной разговорной речи героя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ванников Ю.В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи / Ю.В.Ванников. – М.: Русский язык, 1979. – 296 с.
2. Дудинцев В.Д. Белые одежды. – М.: Современник, 1989. – 611 с.
3. Иванчикова Е. А. Парцелированные конструкции в современном русском языке / Е.А. Иванчикова // Русский язык и советское общество: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка : Сб. статей. – М.: Наука, 1968. – С. 277-302.
4. Крючков С.Е. О присоединительных связях в современном русском литературном языке / С.Е.Крючков // Русский язык в школе. – 1950. – № 2. – С. 74-81.
5. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.
6. Сковородников А.П. О классификации парцелированных предложений в современном русском литературном языке // Филол. науки. – 1978. – № 2. – С. 58-67.
7. Сковородников П.А. О функциях парцелляции в современном русском литературном языке // Русский язык в школе. – 1980. – № 5. – С. 86-91.
8. Сковородников А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка / А.П.Сковородников. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. – 256 с.
9. Формановская Н.И. Стилистика сложного предложения. – М.: Русский язык, 1978. – 240 с.

Summary

THE STYLISTIC FUNCTION OF PARSEL CONSTRUCTIONS IN THE NOVEL BY V.D.DUDINTSEV «THE WHITE CLOTHES»

O. A. Astafeva

Moscow State Regional Institute of Humanities

Abstract. The article deals with the grammatical and stylistic functions of parcel construction in the novel: expressive prominence, informative intensification, evaluating, summarizing, the function of imitation of natural colloquial speech of the character.

Key words: parcelling; parcel construction; basic part; stylistic function; V.D. Dudintsev; the novel «The White Clothes».

ОБЩЕЕ И ЧАСТНОЕ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С КОНКРЕТНО-ПРЕДМЕТНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В НОВГОРОДСКИХ ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОСТИ XI-XIV ВЕКОВ

Блохин А.В.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. В статье рассматривается проблема соотношения словообразовательных возможностей имен существительных с конкретно-предметным значением в различных типах древненовгородских памятников письменности XI–XIV вв. Основное внимание уделяется вопросу определения общего и частного в словообразовании данного круга слов в официально-деловых и берестяных грамотах, отражающих два вида письменно-делового языка: бытового и официального.

Ключевые слова: существительные с конкретно-предметным значением; производное слово; суффикс; словообразовательная модель; продуктивность; письменно-деловой язык; общее и частное в словообразовании.

Существительных с конкретно-предметным значением в новгородских берестяных грамотах (НБГ) несколько больше, чем в официально-деловых грамотах (ОДГ) Великого Новгорода (123:54) – это важный количественный показатель, свидетельствующий об идейно-тематической и коммуникативной направленности обеих групп памятников. Тем не менее удалось выявить круг общих словообразовательных формантов, содержащихся с разной степенью продуктивности как в НБГ, так и в ОДГ. К таковым относятся суффиксы:

высокопродуктивные -**ък(-к/ок)**, -**ьц(-ец)**, -**иц**, -**ни**;

среднепродуктивные -**ьк (-к/-ек)**, -**иц**, -**ьниц(-ниц)**, -**ьник(-ник)**;

– малопродуктивные -**ак**, -**ен'(ь)**;

– единичные -**ьцин**, -**ј**, -**ьцик(-цик)**.

К существительным, засвидетельствованным только в НБГ, относятся производные с суффиксами: -**ьн(-н)**, -**л**, -**ьн**, -**т**, -**ик**, -**лх**, -**в**, -**лчк**, -**оу**, -**ьб(-б)**, -**ьт'(ь)**, -**ар'(ь)**, -**иј(-ьј)**.

Производные с суффиксом -**еж** зафиксированы только в ОДГ.

Таким образом, почти половина словообразовательных формантов (13 из 27) – это общее для производных существительных в НБГ и ОДГ, столько же (13 из 27) засвидетельствовано исключительно в НБГ, и лишь один суффикс отличает производные в ОДГ от производных в НБГ.

Общие и отличительные черты могут быть рассмотрены лишь у тех производных, которые имеют одинаковые словообразовательные суффиксы в НБГ и ОДГ, а таких общих словообразо-

вательных формантов, напомним, 13.

Самая многочисленная группа производных в НБГ и ОДГ – это существительные с суффиксом -**ък(-к/ок)** (28 и 15 соответственно). Производные обеих групп едины в том, что большинство их является отыменными, меньшая часть – отглагольными, пропорциональное отношение отыменных и отглагольных примерно одинаково.

Производные относятся к словам мужского и среднего рода, отыменные производные последовательно сохраняют грамматический род производящего слова, при этом семантико-грамматическое поле производящих в НБГ несколько шире, чем в ОДГ (возможно, сказывается количественное превосходство).

Словообразовательные значения суффикса -**ък(-к/ок)** (модификационное уменьшительное, конкретно-предметное без модификационного, предмет, представляющий собой результат глагольного действия) подтверждаются как в НБГ, так и в ОДГ.

Существительные с суффиксом -**ьц(-ец/-ц)** в НБГ и ОДГ (16 и 15 соответственно), обозначающие названия предметов домашнего обихода, имеют некоторые различия.

Во-первых, в НБГ представлены производные мужского, среднего и женского рода, а в ОДГ – производные мужского и среднего рода (существительных женского рода с суффиксом -**ьц(-ц)** не засвидетельствовано).

Во-вторых, среди слов с суффиксом -**ьц(-ец/-ц)** в НБГ имеется единичное отглагольное производное – «**оковець**», тогда как в ОДГ отглагольных существительных не отмечено. Однако

единство семантико-морфологической структуры производящих слов (существительных и прилагательных), тождественность словообразовательных значений (в большинстве случаев конкретно-предметное без оттенка модификационного и в редких случаях модификационное уменьшительное), единая семантико-функциональная принадлежность производных свидетельствуют об общей судьбе словообразовательной модели с суффиксом **-ьц(-ец/-ц)**.

Существительных с суффиксом **-ин** так же, как и слов с суффиксом **-ък (-к/--ок)**, приблизительно в два раза больше в НБГ, чем в ОДГ (13 и 7). Все производные относятся к словам женского рода, они являются отыменными и имеют в качестве производящих существительные, прилагательное и счетные слова. Однако к кругу словообразовательных значений, что выявлены в ОДГ (конкретно-счетному значению и значению пространства), добавляются значение продукта и материала, изготовленного из того, что называется мотивирующее слово (название тканей, продуктов питания и одежды). Немногочисленные существительные, мотивированные прилагательными, различаются по семантико-функциональному признаку: в НБГ они имеют более конкретный характер, чем в ОДГ (ср. «**голубина**» (голубая ткань) в НБГ и, к примеру, «**пошлина**» в ОДГ).

Количество существительных с суффиксом **-иц** в НБГ значительно (в несколько раз) превосходит количество слов с тем же формантом в ОДГ (14 и 3). Поэтому не представляется возможным из-за количественных показателей проводить скрупулезный сравнительный анализ обеих групп производных и делать какие-либо выводы. Однако нужно отметить следующее. Производные с суффиксом **-иц** обеих групп едины в том плане, что имеют только субстантивные и адъективные производящие. Однако конкретно пространственно-временное значение производных в ОДГ не находит подтверждения в НБГ, где засвидетельствованы конкретно-предметные значения функционального или внешнего сходства с мотивирующим, модификационного подобия тому, что обозначает мотивирующее значение «сделанный из того или предназначенный для того, что называется мотивирующее слово». Значение «носитель признака, названного мотивирующим прилагательным», отмеченное у производных «**ровница**» (ОДГ) и «**ловница**» (НБГ), выделяется у слов разной лексико-семантической отнесенности.

Необходимо отметить и то, что «**вербница**» (вербное воскресенье, церковный праздник) – единственный семантический церковнославя-

низм из обеих групп производных с суффиксом **-иц**. Получается, что существительные с суффиксом **-иц** в НБГ и ОДГ как по количественным, так и по семантико-словообразовательным показателям имеют больше различий, чем сходств.

Существительных, образованных при помощи суффикса **-ък(-к/-ек)**, в НБГ и ОДГ немного (7 и 3 соответственно), и они уже составляют группу производных со среднепродуктивным формантом. Сравнить среднепродуктивные модели сложнее, поскольку не вырисовывается общая картина совокупности значений и особенностей словообразования. Тем не менее можно выделить следующее. Производные с суффиксом **-ък(-к/-ек)** в НБГ и ОДГ обозначают пространственно-географические, обиходно-бытовые и счетно-измерительные реалии. В ОДГ относятся к словам женского и мужского рода, а в НБГ – женского, мужского и среднего рода. В ОДГ являются только отыменными производными, тогда как в НБГ отмечено единичное отглагольное образование.

Словообразовательное значение суффикса в ОДГ может быть квалифицировано как модификационное уменьшительное и конкретно-предметное без модификационности, в НБГ к этому перечню добавляется модификационное значение с оттенком субъективной оценочности («**коннѹекъ**»). Дифференциация производных с суффиксом **-ък(-к/-ек)** на словообразовательном уровне как бы проходит по принципу наличия или отсутствия в слове модификационного значения, и все производные с данным суффиксом разделяются на две группы: имеющие конкретно-предметное и имеющие модификационное значение.

Такое положение справедливо только по отношению к отыменным производным, отглагольные образования демонстрируют только значение конкретного предмета, являющегося результатом глагольного действия.

Существительные со среднепродуктивным суффиксом **-иц** в НБГ и ОДГ показывают иные отношения.

Во-первых, их больше засвидетельствовано в деловых документах, чем в берестяных грамотах (8 и 5 соответственно), что противоречит сложившейся традиции количественного преобладания любых производных в НБГ по сравнению с ОДГ. К тому же общее численное меньшинство всех производных в ОДГ (54 против 123) придает существительным с суффиксом **-иц** дополнительный вес и силу, что выводит данный словообразовательный формант в число высокопродуктивных в официально-деловых грамотах. Существительные с суффиксом **-иц** в НБГ де-

монстрируют большее единство в том плане, что в четырех из пяти случаев обозначают названия видов тканей и являются отыменными производными. В ОДГ существительные с суффиксом **-иц** наделены целым комплексом словообразовательных значений. Самым распространенным является значение географического пространства, занимающего большее место, чем производящее (4 из 8). Далее можно отметить значение предмета с размерами, превышающими размеры производящего, а также значение неконкретной предметности, возникает в результате глагольного действия, то есть среди производных с суффиксом **-иц** есть отглагольные, чего не наблюдается в НБГ. Таким образом, существительные с суффиксом **-иц**, находящиеся в численном меньшинстве в НБГ, демонстрируют большее семантико-словообразовательное единство по сравнению с ОДГ, это, однако, не ведет к обособлению в отдельную замкнутую группу, а лишь является результатом развития общего словообразовательного значения в сторону продуктивности.

Производные с суффиксом **-ьн(-н)**, отмеченные в неравном количестве в НБГ и ОДГ (8 и 2 соответственно), существенно отличаются друг от друга. Различия касаются, прежде всего, грамматической оформленности: слова, зафиксированные в ОДГ, относятся к женскому роду и первоначально изменялись по склонению на **ā* мягкого варианта, тогда как существительные в НБГ – это слова трех разных родов и разных склонений. Значение производных и их функциональная характеристика в ОДГ такова, что слова, образованные посредством суффикса **-ьн(-н)**, можно отнести к отдельному словообразовательному функциональному семантико-грамматическому типу, отличающемуся от той модели, что представлена в НБГ. Однако объединительным началом производных и в НБГ и в ОДГ является то, что они образованы посредством суффикса, который является по происхождению адъективным, указывающим на постоянный признак по отношению к мотивирующему. Семантические, функциональные и грамматические различия производных с суффиксом **-ьн(-н)** дают возможность говорить о проявлении словообразовательной маркированности существительных в письменно-деловом языке при сравнении с живым народно-разговорным, который служит своеобразным нейтральным словообразовательным фоном.

Существительные с суффиксом **-ьниц(-ниц)** по продуктивности занимают почти равные позиции в НБГ и ОДГ (5 и 3 производных). Но если в ОДГ производные с этим суффиксом обозначают

пространственно-географические реалии, то в НБГ спектр значений расширяется до юридическо-правовой и счетно-измерительной сферы.

Существительные с суффиксом **-ьниц(-ниц)** в НБГ, несмотря на широкий круг значений, являются отыменными образованиями, тогда как среди производных в ОДГ имеется единичное слово, мотивированное глаголом. Если абстрагировать обобщенное словообразовательное значение суффикса **-ьниц(-ниц)** в обеих группах производных, то его можно сформулировать как «предмет, предназначенный для того или содержащий в себе то, что называет мотивирующее слово». Это общее значение находит свое частное выражение в производных суффиксальных существительных, что, с одной стороны, сближает их, а с другой – придает каждому индивидуально-неповторимый оттенок, не дающий группироваться по какому-либо единому семантико-словообразовательному признаку. Производные с суффиксом **-ьниц(-ниц)** едины своей индивидуальностью.

Существительные с суффиксом **-ьник(-ник)** различаются в НБГ и ОДГ как по количеству отмеченных производных (4 и 2 соответственно), так и по значению. Различия касаются, прежде всего, наличия конкретно-собирательного значения, выявленного в производном «**сосонникъ**» (сосняк) в ОДГ, чего не наблюдается у слов с суффиксом **-ьник(-ник)** в НБГ. Да и второе зафиксированное производное в ОДГ «**межьникъ**» имеет слишком широкое лексическое значение по сравнению с конкретно-предметными существительными в НБГ. Обобщенно значение производных с суффиксом **-ьник(-ник)** в ОДГ можно определить как наименования пространственно-географических реалий. Существительные с суффиксом **-ьник(-ник)** в НБГ более конкретизированы в том отношении, что имеют чисто предметное значение (название одежды, травы и меры веса).

Однако общим словообразовательным показателем в обеих группах производных является отыменный характер.

Существительные с малопродуктивными суффиксами также могут выявить определенные показатели общего и частного в словообразовании имен существительных с конкретно-предметным значением. Одной из таких групп слов в НБГ и ОДГ являются существительные с суффиксом **-ен'(ь)** (два и одно производное соответственно). Значение производного в ОДГ представляет собой конкретизированное выражение отвлеченного понятия, существительное при этом относится к женскому роду и является отыменным. В НБГ два производных мужского рода обозначают

конкретные предметы, одно из которых имеет модификационное уменьшительное значение, а второе – значение предмета, предназначенного для выполнения действия, названного мотивирующим глаголом, то есть является отглагольным. Сравнительно-сопоставительный анализ приводит к выводу, что существительные с суффиксом **-ен'ь** в НБГ и ОДГ имеют разные семантико-морфологические производящие основы и разные словообразовательные значения, что обуславливает различную функционально-семантическую закрепленность производных.

Другим примером различных словообразовательных отношений являются существительные с суффиксом **-ѹтѣі(-тѣі)**, засвидетельствованные как единичные в НБГ и ОДГ. Производные имеют разные с точки зрения морфологической принадлежности мотивирующие основы: прилагательное в НБГ и существительное в ОДГ. Существительные с суффиксом **-ѹтѣі(-тѣі)** обозначают разные реалии (обиходно-бытовую и имущественно-правовую). Рассматривая ситуацию шире и принимая во внимание, что суффикс **-ѹтѣі** возник в результате перераспределения двух суффиксов **-ѹѣ** и **-ѣі**, легко заметить, что словообразовательный формант унаследовал традиции, особенности и значения суффикса **-ѣі**. Это заключается в том, что он может присоединяться к субстантивным и адъективным основам и обозначать название видов тканей (ср. **голѹбина**) или реалии имущественно-правовой сферы (ср. **отѹина**, **дѹдина**). Иными словами, различия между двумя производными с суффиксом **-ѹциин(-циин)** идентичны различиям между производными с суффиксом **-ин** и обусловлены

генетическим родством с последним.

Существительные с суффиксом **-ак** отличаются в НБГ и ОДГ тем, что среди двух производных первой группы имеется слово, обозначающее не живое существо (**лошакъ**), а предмет – «**ѹиѹакъ**» (остроконечный шлем с шишкой наверху). Словообразовательные значения производных **лошакъ** (ОДГ и НБГ) и **ѹиѹакъ** (НБГ) близки: предмет, который содержит в себе в малом, недостаточном количестве то, что называет мотивирующее. К тому же оба производных имеют субстантивные производящие.

Таким образом, словообразование существительных с конкретно-предметным значением в НБГ и ОДГ представлено как общими, так и частными словообразовательными моделями (13 общих из 26 засвидетельствованных). Единые словообразовательные модели имеют в большинстве случаев общие черты и закономерности, касающиеся морфологической структуры производящего и характера словообразовательного значения форманта. Наибольшая близость словообразовательных характеристик (значение производного и производящего, морфологическая структура производящего) наблюдается у слов с суффиксами **-ѹк(-к/ок)**, **-ѹц(-ѣц/ц)**, **-ѹк(-ѣк/к)**, **-ин**, **-ѹниц(-ниц)**, различаются производные с суффиксами **-ищ**, **-ѹциин(-циин)**, **-ѹник(-ник)**, **-ен'ь**. Последние в совокупности с элементами, зарегистрированными только в каком-либо одном типе памятников, составляют комплекс частных и единичных особенностей в словообразовании имен существительных с конкретно-предметным значением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – 91с.
2. Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.). – М., 1963.
3. Арциховский А.В. Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 154 с.
4. Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). – М., 1958.
5. Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). – М., 1963. – 328 с.
6. Арциховский А.В., Тихомиров М.Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). – М.: Изд-во АН СССР, 1953.
7. Арциховский А.В., Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). – М.: Наука, 1978. – 192 с.
8. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. – М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. – 408с.
9. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 720 с.
10. Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977-1983гг.). – М.: Наука, 1986. – 308 с.
11. Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984-1989гг.). – М., 1993.
12. Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990-1996гг.). Т.Х.– М.: Русские словари, 2000. – 432 с.

Summary

**PROFESSIONALLY FOCUSED TRAINING
OF FOREIGN LANGUAGE. (ENGLISH). EDUCATIONAL ENVIRONMENT
AS A FACTOR OF EFFICIENCY EDUCATION**

A. V. Blokhin

Moscow State Regional Institute of Humanities

Abstract. The article considers the problem of correlation between morphological features of nouns with specific substantive value in different types of ancient written monuments of the XI-XIV centuries. The focus is on determining the General and the particular in the formation of this circle of words in official business and birch bark, reflecting the two types of writing-business language: every day and formal.

Key words: nouns with specific subject value; a derived word; suffix, word-formation model, productivity, writing-business language, the General and the particular in the formation.

ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ (АНГЛИЙСКОМУ) ЯЗЫКУ. ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Буланкина Н.Е.

Новосибирский институт повышения квалификации
и переподготовки работников образования
(ГАОУ ДПО НСО НИПКПРО)

Аннотация. Основное назначение дисциплины «Иностранный язык» состоит в формировании коммуникативной компетенции, то есть способности и готовности осуществлять иноязычное межличностное и межкультурное общение. В статье рассматривается специфика информационно-образовательной среды при обучении иностранному языку, идет речь об ее эффективном использовании, что предполагает компетентность сотрудников образовательного учреждения в решении профессиональных задач.

Ключевые слова: профессионально ориентированное обучение; преподавание английского языка в специальных целях; информационно-образовательная среда.

Профессионально ориентированное обучение иностранным языкам предполагает комплексное развитие коммуникативной компетенции обучающихся, а также развитие их профессиональных компетенций. Роль информационно-образовательной среды (ИОС) в этом вопросе сложно переоценить.

Информационно-образовательная среда, в нашем понимании, это не просто хорошо написанный авторский учебник и методическое пособие для преподавателя, DVD, CD и аудиообеспечение, как это было когда-то еще в 90-е годы прошлого столетия. Это, прежде всего, целостная развивающаяся и оперативно обновляющаяся *архитектоника учебного информационного пространства* с использованием многообразных и разнообразных культурных средств, имеющихся в распоряжении авторского коллектива разработчиков учебно-методического комплекта по тому или иному предмету. Это своего рода *авторская философия, авторское видение* динамики природы профессиональной культуры личности обучающегося, обогащенной культурой иноязычного общения.

Иными словами, *философия информационно-образовательной среды профессионала* в рамках того или иного УМК по иностранным языкам – это и концептуальные положения развития личности обучающихся через иноязычное общение, и система заданий развивающего характера, сопровождающихся целостностью язы-

ковых и речевых упражнений, направленных на постепенное поэтапное функционирование профессионально ориентированной «бизнес-речи», и динамичная организационная работа, позволяющая включаться, наряду с учебным общением (учебные диалоги), в реальное (игровое и проектное) общение «партнеров по бизнесу» через разнообразие средств и способов формирования навыков коммуникативной культуры с первых же уроков (юнитов).

К этим средствам можно отнести весь комплекс возможностей и индивидуальных интересов человека, и, прежде всего, его индивидуальный интеллект, который позволяет использовать способности искусственного интеллекта, в частности, возможности Интернет-ресурсов. Последние, несомненно, помогают успешно и оперативно обновлять информацию, получаемую из печатной учебной литературы, и одновременно заполнять «пустоты» в культурной среде личности обучающегося.

Как известно, «информационный бум» не имеет границ ни для поглощения, ни для проникновения в сознание человека. К великому сожалению, и в сознание обучающегося (в школе, техникуме, колледже, институте, университете). От этого, как сейчас наблюдается в мире, страдает позитивное общение, уступая место *информационному терпору*.

Мировая система ценностей XIX–XX веков, как известно, основанная на находящейся в цен-

тре устойчивости и рациональности общественно-экономической формации, пережила свое время. В связи с этим встает вопрос: так ли разумен человек, что и дальше будет жить по разуму?

Но и мир разума разрушился, потому что оказалось «выбитым» его организующее начало. Без центра вся *социальность* начинает качаться. В этой кризисной ситуации зашаталось и образование. В нестабильном мире образовательная среда, сопряженная с информационной средой через различные каналы связи, стала меняться, возросла роль эффективности образования, оперативной профессиональной подготовки и переподготовки специалистов и неспециалистов в области иностранных языков.

Проанализированные и апробированные в свое время в реальном образовательном процессе теоретико-методологические аспекты позитивной динамики гуманитарного знания и профессионального образования в контексте кризисных ситуаций, вставших перед всем миром в конце XX – начале XXI века, позволили по-новому рассмотреть:

а) содержание и функции информационно-образовательной среды в целом;

б) пути и способы повышения эффективной доступности современного иноязычного образования;

в) средства создания целостного образовательного пространства, ключевой аспект которого полиязыковой и поликультурный, и образа цельной профессионально ориентированной успешной личности;

г) культурное самоопределение личности в полиязыковом образовательном пространстве как цель, способ и результат эффективной доступности отечественного поликультурного образования;

д) современные подходы к повышению методологической образованности и культурологической компетентности личности, прежде всего, Учителя (школы, педагога вуза и колледжа) как носителя высокой языковой культуры, который призван помочь Ученику обрести свой образ, облик еще в школе, и стать *языковой личностью*, способной вписаться в *многомерный и поликультурный мир*;

е) гуманитарные культурно-ориентированные образовательные практики, нацеленные в первую очередь на гуманитарную самоорганизацию и самореализацию человека в гуманитарном универсуме, позволяющие ему оперативно и достойно войти в глобализирующийся профессиональный мир.

Как показали результаты системного анализа образовательной ситуации и практики в мире и в России, в частности, образование, находясь в поиске новых источников своего развития, начинает стремиться успевать, спешить за изменением запросов общества и личности, разрабатывать все новые педагогические культурно ориентированные практики с привлечением положительного зарубежного опыта в том числе [4; 5; 6].

Перед системой образования возникает новая постановка вопроса, как научить человека адаптироваться и жить успешно в современном глобальном мире. Педагогическая наука и практика в целом, находясь в сложной ситуации, так как не понятно, чему учить: «авторитету истины или истинам авторитета», сталкивается с первой необходимостью для системы образования, а именно: с необходимостью повышения его жизнеспособности. Под жизнеспособностью в этом конкретном случае будем понимать гибкость и ориентацию образования на вызовы современного общества и потребности конкретного человека в постоянно и быстро меняющейся информационно-образовательной среде.

Понятие информационно-образовательной среды появилось в терминосистеме педагогической науки и практики не так давно. Его можно признать несомненным нововведением в *концептосферу* языка образования и учителя, одновременно позволяющим более презентабельно и прозрачно рассматривать обновление элементов отечественного образовательного пространства. Данный концепт системно и последовательно уточняется в педагогической науке, расширяясь за счет включения тех или иных понятий и терминов в применении к учебно-воспитательному процессу в современной школе (средней и профессиональной).

В свою очередь, общеизвестный факт – становлением и развитием ИОС занимаются многие субъекты этой среды – участники масс-медиа и интернет-ресурсов, непосредственные участники образовательного процесса, авторские коллективы разнообразных научно- и учебно-методических материалов для образования и некоторые другие. О резонансе влияния (позитив/негатив) глобальной информационно-образовательной среды всем также известно. Это не предмет рассмотрения в рамках данной статьи, хотя не учитывать эту современную реалию при решении содержательно-организационных вопросов, связанных с образованием личности в целом, нельзя.

В нашем случае, учитывая целевую установку научно-методической статьи, этот концепт будем

связывать с вопросами научно-методического обеспечения учебно-воспитательного процесса в современной российской профессиональной школе. В частности, нас будет интересовать роль и функции УМК (и все что в них включается в настоящее время авторскими коллективами) как одного из важнейших условий оптимально эффективного средства обогащения ИОС. И в первую очередь подходы авторов УМК к решению задач подготовки и *языковой готовности* обучающихся к сдаче квалификационных экзаменов, предусматривающих владение языковыми средствами (терминсистемой в той или иной области профессионального знания) в условиях учебной иноязычной речевой деятельности на функциональном профессиональном уровне.

Роль специально организованной информационно-образовательной среды в образовательной практике (средняя и профессиональная) видится в корректном отборе эффективных позитивно ориентированных способов наблюдения за *языковой палитрой / полиязычием* как неотъемлемой части отечественной и мировой культуры, а также средств использования полученной информации, которая по своей природе полифонична и полиязычна.

Осознание актуальности разработки современного оптимально эффективного учебно-методического сопровождения и поддержки профессионального образования в целом, и, в частности, в рамках иноязычного образования, пришло к преподавателям иностранного языка в системе профессионального образования достаточно давно. Проблематизация этой реалии педагогической практики стала очевидной, когда необходимость реализации принципов профессионально ориентированного обучения и воспитания обучающихся на всех этапах становления специалиста-профессионала стала очевидной в условиях развивающихся контактов с зарубежными специалистами [7].

Однако грамотно и профессионально составленной учебно-методической литературы и эффективной организации информационно-образовательной среды как таковой до недавнего времени не было. Преподаватели в основном занимались самодеятельностью – составляли рукописные методички и разрабатывали методические и учебные указания и пособия, выполненные на низком полиграфическом и содержательно-технологическом уровне.

Автор данной статьи также предпринимал попытки (это входило в его функциональные обязанности преподавателя колледжа, вуза) созда-

ния учебных пособий. Естественно, они не могли полностью удовлетворять ни педагогов, ни обучающихся, ни сравниться с теми дидактическими материалами, которые могут быть выполнены авторскими коллективами на высоком профессиональном уровне.

Некоторый опыт работы автора с учебно-методическими комплексами издательства (Просвещение – Express Publishing) свидетельствует, что книги серии “Career Paths” по более чем тридцати направлениям профессиональной карьеры обучающихся полностью соответствуют требованиям, разработанным в педагогической науке и перечисленным выше, заполняя значительный пробел в профессионально ориентированной коммуникации на английском языке и одновременно выгодно отличаясь от многих методических разработок, которыми долгое время пользовались российские преподаватели.

Обратимся непосредственно к рассмотрению информационно-образовательной среды учебно-дидактических материалов “Career Paths” [8-9]. Что дает педагогу и студентам их использование в учебном процессе и в профессиональном совершенствовании?

Прежде всего, профессиональную иноязычную терминологию по разнообразным направлениям, работа с которой в системе позволяет расширить границы использования иностранного языка и сохранить устойчивый познавательный интерес к дальнейшему совершенствованию навыков и умений общаться на языке. Каждое направление “Career Paths” охватывает тот необходимый для профессиональной коммуникации понятийный минимум (over 400 terms), который позволяет увидеть реальную динамику в развитии профессиональной коммуникации (для этого в УМК дается не только текст с четким тематическим и поурочным распределением языкового и текстуального материала, но также и таблицы для оценки и самооценки).

Этому способствует и структура книги, в которой можно выделить несколько разделов, каждый из них рассчитан на работу в течение семестра, что идеально отвечает условиям подготовки обучающихся по тому или иному направлению. Как уже говорилось, издано более 30 курсов, все они имеют единую концептуальную основу, прежде всего, нацеленность на целостное восприятие образовательной информации в системе **профобразования**.

Содержательно-технологический компонент “Career Paths” (текстуальный материал, разнообразные упражнения языкового и речевого ха-

рактера) позволяет успешно активизировать иноязычную речевую деятельность, построенную в основном на диалоге, предполагающем обмен мнениями о путях решения разнообразных проблем, связанных с профилем обучения. Это и туризм, и логистика, и отельный бизнес, и информационные технологии, и финансы, и некоторые другие направления, чрезвычайно важные в современном мире.

Неотъемлемой частью образовательного процесса становятся ролевые и деловые игры, проектная деятельность, дискуссии, лекции проблемного характера, стимулирующие обсуждения. Информационно-образовательная среда того или иного курса, построенная по такому принципу, открывает широкие возможности для использования современных технологий.

В частности, в нашей практике педагогическая технология «Развитие критического мышления через чтение и письмо» также стала важным этапом на пути овладения содержанием и технологией профильно ориентированного обучения иностранному (английскому) языку в рамках «Career Paths» по направлениям *Business English, Secretarial, Tourism, Beauty, Hotels Catering* в условиях практических занятий курсов повышения квалификации преподавателя английского языка, профессиональной подготовки и переподготовки неспециалистов в области иностранных языков.

Полученную информацию о содержании, целях и задачах перечисленных профильных курсов (в частности, основы профессии, качества и требования, предъявляемые к специалистам) педагоги использовали в обучении, позитивно отзываясь о полученных результатах работы и о соответствии заявленных в пособиях требований, предъявляемых к выпускникам профессиональных образовательных учреждений.

В частности, в процессе обучения студенты в обязательном порядке представляют и защищают не менее четырех профессиональных проектов с использованием профильно ориентированных текстов, предлагаемых в УМК «Career Paths» по самостоятельно выбранному или рекомендуемому преподавателем учебным курсам.

Таким образом, проводимая автором статьи в апробационном режиме работа по учебно-методическому комплексу «Career Paths» показывает, что в них значительное внимание уделяется отбору и обучению профильной/специальной лексике и грамматике, обладающих оптимально выверенной частотностью в соответствующих профессиональных областях. Материалы курсов УМК «Career Paths» включают информацию

о различных аспектах деятельности специалиста в профессии (обязанности работника отеля, специфика деятельности сотрудников банка, техническое устройство современных бытовых приборов и оборудования, работа менеджера в коммерческой компании и другие специалисты). При этом учебное языковое содержание интегрируется с профессиональным, то есть обучающиеся системно и целостно овладевают языковой и деятельностной сторонами своей профессии. Такова специфика обучения иностранному языку в перечисленных курсах профессиональной направленности. Это, несомненно, может привлечь преподавателей различных профильных курсов к апробации и внедрению рассмотренной стратегии и тактики, представленной в серии учебных пособий «Career Paths».

Выражаем надежду, что представленный научно-методический материал поможет современному педагогу по-новому взглянуть на актуальные проблемы становления информационно-образовательной среды России через призму динамики развивающегося отечественного профессионального образования, его интеграции с помощью методических средств в иноязычную культуру. В частности, надеюсь, что предлагаемые в статье ориентиры при выборе того или иного учебно-методического комплекса станут реальным сопровождением и поддержкой в процессе анализа и систематизации разнообразных аспектов использования уникальных для сегодняшнего российского профессионального образования учебно-методических комплексов издательства «Express Publishing» издательства, целевая установка которых – гуманитарные образовательные практики.

В рамках создания информационно-образовательной среды очень важным представляется вот какой аспект: все пособия серии «Career Paths» имеют интернет-поддержку на сайте «Издательство «Express Publishing» в России»: ресурс содержит видеолекции авторов учебно-методических комплексов и преподавателей, записи вебинаров, методические статьи ученых-методистов, педагогов-практиков и многое другое.

Необходимость совершенствования всех элементов современной информационно-образовательной среды России как никогда ранее актуальна для решения многообразных проблем системы профессионального образования в целом (оптимизация обучения культуре речи, выбор средств и способов совершенствования иноязычной речевой деятельности, эффективная реализация государственных стандартов с помощью существующих учебно-методических комплексов,

разработка и выбор методических материалов и другие проблемы).

В свете изложенного выше от преподавателя требуется целевая установка на теоретическое и практическое осмысление методологии образования личности в условиях внедрения учебно-методических комплексов нового поколения. Это и понимание самим педагогом целостности информационно-образовательной среды, и необходимости применения принципов деятельностного подхода к организации культурных педагогических

практик в системе профессионального образования. Наряду с этим от педагога потребуются переосмысление существующих границ собственного опыта овладения языковыми средствами культуры и осознание необходимости постоянного расширения палитры общей и профессиональной культуры за счет освоения иноязычной культуры в сочетании с собственной культурой во имя сохранения всего положительного, накопленного в передовом опыте отечественной теории методики и практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буланкина Н.Е. Проблема эффективного культурного самоопределения личности в полиязыковом образовательном пространстве. – М.: АПКИПРО, 2002.
2. Буланкина Н.Е. Методологические основы гуманизации полиязыкового образовательного пространства. – Новосибирск: НИПКИПРО, 2004.
3. Теория и практика культурного самоопределения личности в полиязыковом образовательном пространстве / под ред. Н.Е.Буланкиной. – Новосибирск: НИПКИПРО, 2004.
4. Буланкина Н.Е., Соколов Е.А. Проблемы поликультур и полиязычий в гуманитарном образовании. – М.: Университетская книга, 2008.
5. Буланкина Н.Е., Соколов Е.А. Методология культурного самоопределения формирующейся личности специалиста-гуманитария. – М.: Университетская книга, 2010.
6. Буланкина Н.Е. Гуманитарная самоорганизация личности. – Новосибирск: НГТУ, 2013.
7. Государственные требования к минимуму содержания и уровню подготовки выпускника для получения дополнительной квалификации «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» (третий уровень высшего профессионального образования). Приложение к приказу Минобрнауки России от 4 июля 1997 г. № 1435 // Российское образование. Федеральный портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_97/1435-1.html
8. Издательство “Express Publishing” в России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://expresspublishing.ru>.
9. Учебно-методические комплекты серии “Career Paths” («Английский для специальных целей»). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://expresspublishing.co.uk/eltesp.php?Country=uk&Category=12>

Summary

PROFESSIONALLY FOCUSED TRAINING OF FOREIGN LANGUAGE (ENGLISH). EDUCATIONAL ENVIRONMENT AS A FACTOR OF EFFICIENCY EDUCATION.

N.E. Bulankina

Novosibirsk Institute for Advanced Studies Education and Retraining
(GAOU DPO NIPKIPRO VAT)

Abstract. The main purpose of discipline «Foreign Language» is the formation of communicative competence, that is, the ability and willingness to implement foreign language interpersonal and intercultural communication. The article deals with the specifics of educational environment for teaching foreign language in question on its effective use, which implies competence of employees of educational institutions in solving professional problems.

Key words: professionally oriented education; Teaching English for special purposes; informational and educational environment.

ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ ЭМИГРАНТА В ПРОЗЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ

Громова А.В.

Московский городской педагогический университет

Аннотация. В статье дан обзор произведений русской зарубежной литературы 1920–1930-х годов, затрагивающий проблему адаптации русского беженца на чужбине. На примере произведений Н. Берберовой, Б. Зайцева и А. Куприна выявлены основные варианты адаптации эмигранта в инокультурной среде и возможные стратегии сохранения этнокультурной идентичности.

Ключевые слова: Литература Русского Зарубежья; эмиграция; этнокультурная идентичность.

Культурно-исторический феномен «русского зарубежья» стал интенсивно изучаться в России только с середины 1980-х годов, когда массовому читателю были возвращены произведения ранее запрещенных или незаслуженно забытых писателей: Б.К. Зайцева, И.С. Шмелева, А.М. Ремизова, В.В. Набокова, Г.И. Газданова, Н.Н. Берберовой. В данной статье объектом изучения стала русская зарубежная художественная проза 1930-х годов, а предметом – проблема осмысления писателями эмиграции возможности русского человека интегрироваться в инокультурную среду, сохраняя свою этнокультурную идентичность. Для анализа выбраны произведения писателей первой волны, нашедших пристанище во Франции: Н.Н. Берберовой, А.И. Куприна и Б.К. Зайцева.

Первая волна эмиграции из России сформировалась после Октябрьской революции 1917 года и разразившейся в стране Гражданской войны. Эта волна была самой массовой и одновременно самой представительной, поскольку из России уехали многие известные деятели политики, науки и культуры.

Эмиграция 1920–1930-х годов не могла смириться со своей горестной изгнаннической судьбой, интерпретируя её как особое историческое предназначение – сохранение русской культуры за пределами России.

Вследствие этой установки русские за рубежом стремились сохранить родной язык, религию и культуру. Они ревностно держались за старую орфографию, юлианский календарь, создавали в странах рассеяния русские издательства, школы, университеты. Такое положение было особенно характерно для «латинских» стран. Если в Англии

молодежь очень быстро теряла свою «русскость» [2: с. 387], то во Франции – самом крупном центре русского рассеяния в Европе – эмигранты стремились сохранить свою идентичность.

М. Ковалевский в своей книге «Зарубежная Россия», со ссылкой на данные о проведенном в 1945 году опросе Национального института демографии Франции, называет следующие причины, препятствующие ассимиляции: «Национальное чувство русских и их убежденность в своей принадлежности к великой нации, русские общества и объединения, приводящие к тому, что русские мало общаются с окружающей средой <...> и, наконец, принадлежность большинства русских к религиозным общинам» [3: с. 35].

Несмотря на то, что оптимальным выходом для улучшения правового и материального положения беженцев была натурализация, эмигранты избегали её. Как отметил историк Русского Зарубежья М. Раев: «...Сами русские считали, что натурализация является предательством по отношению к их русским корням и возложенной на них миссии являть собой альтернативу Советскому Союзу. <...> Raison d'être эмиграции состоял в ожидании возвращения на родину, а страх “денационализации”, как они называли ассимиляцию, являлся характерной чертой Русского Зарубежья» [5: с. 60].

Надежды на скорое возвращение домой были свойственны большинству беженцев на протяжении первых десяти лет изгнания. Однако к концу 1920-х годов, когда Советский Союз отметил 10-летие большевистской власти и был официально признан отдельными европейскими государствами, надежд у изгнанников почти не осталось. В этот период остро встал вопрос о необходимости адаптироваться в новой среде, которая ранее воспринималась, как чуждая, и в которой теперь предстояло пребывать не временно, а по-

стоянно.

Литература чутко откликнулась на изменение настроений эмиграции, и в конце 1920-х – начале 1930-х годов в зарубежье появился целый ряд произведений, посвященных вопросу адаптации эмигранта в инокультурной среде.

Первым художественным произведением, затронувшим проблему сохранения этнокультурной идентичности, стал роман молодой писательницы Н.Н. Берберовой «Последние и первые» (1931), посвященный жизни простых русских эмигрантов во Франции. Автором исследовался вопрос, как русским адаптироваться в зарубежной жизни, не потеряв при этом национальной самобытности. Под национальной самобытностью Берберова понимает не этнографические детали, воспроизвести которые на чужбине было легче всего, а нравственно-психологические черты, сформированные в русских людях их богатой многовековой культурой.

На примере истории одной семьи – 25-летнего Ильи Горбатова, его мачехи Веры Кирилловны, сводного брата Васи и сводной сестры Марьянны – Берберова обозначает несколько возможных для русских эмигрантов вариантов судьбы, но только один представляется ей приемлемым, остальные же воспринимаются как ложные, а в некоторых случаях губительные.

Первый вариант проигрывает 19-летний Вася Горбатов. Он убежден, что русский человек может жить только в России и не способен сохранить свою русскость в чужой стране. Вася мечтает вернуться в Москву, где, как он думает, остался его отец. Письмо от отца и деньги на дорогу ему передает некий Адольф Келлерман – вербовщик, зарабатывающий деньги возвращением эмигрантов. Берберова разоблачает этот путь, будучи уверена, что по возвращении в СССР их ждет неминуемая гибель.

Второй возможный вариант эмигрантской судьбы – полная адаптация к новым условиям. По этому пути идет сестра Васи, 16-летняя Марьянна. Привыкнув к жизни в Провансе и фермерскому труду, она выходит замуж за молодого француза, сына мясника.

Главным героем романа является Илья Горбатов, который считает наиболее приемлемым в сложившихся условиях выходом для русских эмигрантов труд на земле. Он перевозит свою семью на юг Франции, в крестьянский Прованс, где занимается сельским хозяйством. Илья начал работу батраком у французских фермеров, затем сам стал фермером, а после занялся устройством других русских в Провансе. Берберова вводит в

роман эпизод, когда Илья посещает русских эмигрантов в Париже. Показывая подвалы, в которых обитают несчастные беженцы, ужасающую нищету, голод, болезни, страдания детей, автор убеждает читателя в правоте Ильи, в правильности избранного им пути.

В романе Берберовой господствует почвенническая идея о необходимости сохранить русскость в инокультурных условиях. По мысли автора, в иноязычной среде возможно даже возрождение русского фольклора. Символичен образ слепого странника, скитающегося по дорогам Франции и поющего современную былинку о судьбе изгнанников. Странник умирает, но в доме Горбатовых остается его поводырька, сиротка Анюта, символизирующая новую Россию, которой предстоит возродиться на чужой почве. Финал романа оптимистичен: свой дом и душевный покой обретают все персонажи.

Заглавие романа допускает многозначную трактовку. Бинарная оппозиция «последние – первые» прочитывается как противопоставление плохих и хороших, старых и молодых, уставших от жизни и не сдающихся в трудных условиях. Но это еще и отсылка к евангельской притче о последних, которые станут первыми, то есть бедных и гонимых, которых Господь не оставит своей милостью. В этой притче Иисус уподобляет Царство Небесное винограднику, хозяин которого нанимал работников утром, затем в третий, шестой и одиннадцатый час. Когда закончился день, все работники получили одинаковую плату. Первые из нанятых возмутились: «Эти последние работали один час, и ты сравнял их с нами, перенёсшими тягость дня и зной. Он же в ответ сказал одному из них: друг! я не обижаю тебя; не за динарий ли ты договорился со мною? возьми своё и пойди; я же хочу дать этому последнему, что и тебе; разве я не властен в своём делать, что хочу? или глаз твой завистлив от того, что я добр? Так будут последние первыми, и первые последними, ибо много званых, а мало избранных» (Мф. 20:12-16).

Существуют различные толкования этой притчи. Феофилакт Болгарский считал, что хозяин виноградника – это Иисус Христос, который «нанимает всякого человека возделывать виноградник, то есть совершенствовать во благом собственную душу». Под работниками, нанятыми в различное время, следует понимать людей разного возраста: «Он нанимает одного утром, то есть в детском возрасте, другого – около третьего часа, то есть в отроческом возрасте, иного около шестого и девятого часа, на двадцать пятом или тридцатом году,

вообще, в мужском возрасте, и около одиннадцатого часа – старцев, ибо многие уверовали, будучи уже старцами» [6].

Для большинства писателей эмиграции было характерно критическое отношение к европейскому обществу: прагматичному, расчетливому, зараженному обывательской психологией. На фоне рядовых французов русские изгнанники выглядят как люди, не утратившие духовных запросов вопреки своему бедственному положению. В литературе Русского Зарубежья нередко ставится проблема невозможности полноценной коммуникации между русскими и французами.

В романе А.И. Куприна «Жанета: принцесса четырех улиц» (1934) показана непреодолимая пропасть между французами и русским эмигрантом, бывшим профессором Симоновым. Единственное близкое ему существо – приبلудный черный кот, которому профессор дает «говорящее» имя Пятница, подчеркивая тем самым собственный статус одинокого «робинзона» в чуждом мире.

Отчуждение героя от французской жизни показано с помощью стилистического приема остранения (В.Б. Шкловский). Обычные житейские ситуации, в которые попадает Симонов, изображаются как неестественные, лишённые здравого смысла. В упрощенной фонетической передаче или искусственном калькировании французских слов и выражений проявляется авторская ирония по отношению к «средним» французам. Например, стандартное французское приветствие-вопрос «Ça va?», которое соответствует русскому «Как дела?», буквально переводится: «Это идет?» и допускает ответ-дублирование: «Ça va», то есть: «Это идет». На русский слух подобные речевые клише воспринимаются как сугубо формализованные шаблоны, заменяющие подлинную коммуникацию, демонстрирующие отсутствие содержательного диалога между людьми.

Вот типичный пример: «Профессор входит в лавку. Левую руку протягивает через стойку хозяйину для пожатия, правой издали посылает приветствие хозяйке и бодро здоровается со всеми присутствующими:

– М'сье, да-ам!

– М'сье! – произносит несколько голосов из-за газет.

Порядок непременно требует справиться у патрона: идет ли? Оказывается – идет. Теперь профессору нужно сделать самое неожиданное открытие:

– Но какой прекрасный день!

Или:

– Ах, какой дождь!

– О да! – убедительно подтверждает патрон и, в свою очередь, с неизменной улыбкой осведомляется у Симонова: – Тужур промнэ?» (Все прогугливаетесь? – А. Г.) [4: с. 461-462].

Для русского профессора французы – люди, живущие слишком размеренной и замкнутой жизнью и не нуждающиеся в душевном сближении с другими людьми. Однако Куприн не отрицает возможности контакта с чуждой средой, скорее, напротив, ведь центральная коллизия романа – дружба старого профессора с маленькой парижанкой Жанеттой. Писатель возвращается к своей излюбленной теме «естественного человека», в роли которого в данном случае выступает еще не искалеченный прогрессом и мещанством ребенок. Встреча с Жанеттой раскрывает в душе Симонова запас нерастраченной нежности и дает лирическое примирение с тяжелой судьбой: «Радости и наслаждения мира ничего не стоят в сравнении с этим самым простым, самым чистым, божественным ощущением детского доверия» [4: с. 480].

Тему жизни эмигрантов во Франции продолжает роман Б.К. Зайцева «Дом в Пасси» (1935), описывающий населенный русскими беженцами дом в одном из парижских кварталов. Предметом художественного исследования в романе становится отношение русских к европейской жизни, их способность адаптироваться в чуждых условиях.

Зайцев тенденциозно противопоставляет «средних европейцев», французских обывателей, живущих повседневными бытовыми заботами, русским, которые, пребывая в нищете, устремлены к духовности. По мысли Зайцева, русским людям трудно привыкнуть к планомерности и здравомыслию французской жизни.

Париж изображается как «людская пустыня» [1: с. 241], царство благообразных «усредненных парижан»: это старички «с почетным легионом», «элегантные, чуть подсушенные пассийские дамы», «вечный тип французского юноши» в роговых очках [1: с. 243]. Жизнь их размеренна, а сами они неотличимы один от другого: «Наступил полдень, midi, знаменитый час, когда банки, конторы и магазины по таинственному значку выливают бойкое и живое человечество <...> Жоржи ждали Жюльет, нежно целовались и бежали к ближайшему поезду. В людском множестве все Жоржетты казались похожи на всех Жюльет и все Эрнесты на Жюлей» [1: с. 222].

Значимую роль в романе играют образы-символы. Город рисуется как чудовище, дракон, дьявол: «...Замерцал золотистой чешуей Париж. Мрак синел и туманел. Но дракон шевелился в

нем, отливая бесчисленными, огнезлатистыми точками» [1: с. 260]; на Эйфелевой башне «грозно мерцал красный глаз. Спят все, кроме ночи да дьявола» [1: с. 219].

В этой реальности должны жить русские беженцы, обитатели дома в Пасси. Все эти люди пережили драму, боль утраты родины и близких людей, и каждый из них должен определить отношение к новым условиям жизни, приспособиться к ним. Кому-то это сделать легче, а кому-то – невозможно. Зайцев конструирует своеобразную «шкалу» оценки человеческих характеров, критериями которой выступают нравственные и духовные качества. Зайцев как писатель глубоко религиозный не ограничивается только категориями доброты и порядочности, он исследует внутреннее духовное ядро каждого героя, его способность (или неспособность) к духовному росту. Не случайно поэтому, что высшую ступень на этой лестнице характеров занимает монах Мельхиседек, легкий, светлый, почти лишенный телесности, превратившийся в чистый дух (прототипом этого героя стал афонский монах, архимандрит Кирик, с которым писатель познакомился во время своего паломничества на Афон в 1927 году). О. Мельхиседек постоянно устремлен к Богу, но не уходит из мира и не забывает о людях, которым стремится помочь словом и молитвой.

Основное внимание писателя устремлено к простым людям. Несмотря на то, что в Пасси жили многие известные писатели (сам Зайцев, Мережковские, Тэффи, Ремизов), среди персонажей романа нет выдающихся политиков или знаменитых деятелей искусств. Бывший генерал Вишнеvский, массажистка Дора Львовна и ее сын Рафа, подруги Капа и Людмила, водитель Лева и его соседка Валентина Григорьевна – люди в разной степени добрые и душевные, но равно одинокие и стремящиеся как-то обустроить свою жизнь.

Труднее всего приходится Капе. Эта молодая девушка, пережив ужасы гражданской смуты, не смогла изжить боль и обиду на весь мир. Обрести душевное равновесие ей мешает неверие в добро, убежденность, что в мире царит ложь, и она принимает непоправимое решение уйти из жизни. С точки зрения христианской этики, Капа совершила грех, но ее добровольный уход можно рассматривать как своеобразный протест, принципиальное нежелание принять навязываемые средой условия.

Ее подруга Людмила, напротив, демонстрирует повышенную приспособляемость к обстоятельствам. Она богатеет, получив патент на изобретение, и выходит замуж за французского ин-

женера. Но этот путь не по душе Зайцеву, ведь ценой материального благополучия становится не только забвение национальных корней, но и обман: открытие сделала вовсе не она, а Рафа, но Людмила не считает необходимым делиться с семьей ребенка, присваивая себе патент. Устраивая свою жизнь, она отрывается от дома в Пасси, от своих страдающих и неприкаянных соотечественников.

Лева и Валентина Григорьевна, хотя и не сливаются с французами, но их жизнь строится на таком же мелком обывательском расчете. Характерны рассуждения Левы во время обустройства на новом месте: он планирует поставить в квартире колыбель только после смерти тещи. Их мещанское счастье столь же убого, по мнению Зайцева, как благополучие рядовых французских «Жоржей и Жюльет».

Единственный персонаж романа, у которого намечается внутренний рост, – это генерал Вишнеvский. Этот несчастный человек потерял все: родину, жену, дом. Он с нетерпением ждет свою дочь, которая должна приехать к нему, однако ей неоднократно отказывают в праве выезда. Получив, наконец, разрешение, дочь Вишнеvского скоростно умирает, он остается совершенно один. Не имея надежды создать семью и обрести свой дом, он уезжает в сиротский приют богословского института, где становится сторожем.

Итогом художественного исследования Зайцева становится убежденность в необходимости для русского изгнанника сохранять свою национально-культурную идентичность, основанную на православной духовности.

Таким образом, в связи с изменением социально-политической ситуации, в конце 1920-х – начале 1930-х годов в Русском Зарубежье актуализировались проблемы адаптации русского эмигранта в европейской среде и сохранения русскими своей этнокультурной идентичности. Писатели Зарубежья исследовали эту проблему в своих художественных произведениях и выделили несколько возможных, хотя и неравноценных, по их мнению, путей.

Возвращение на родину как единственный путь сохранения идентичности был желаемым для всех представителей Русского Зарубежья, но он мыслился возможным только при условии падения советской власти. Возвращение в Советский Союз в реальных условиях рассматривалось как опасный и неприемлемый шаг.

Полная ассимиляция, как правило, также отрицалась, оценивалась как невозможный (А. Куприн) или негативный (Б. Зайцев) исход судьбы, исклю-

чение составляет роман Н. Берберовой, где юная героиня Марьянна сливается не с парижской, а с крестьянской средой Прованса.

Большинство писателей стремилось показать возможность для русского человека выстроить

свой «русский мир» внутри иноэтнокультурной среды, будь это крестьянская община в Провансе, «русский дом» в Париже или внутренне духовное пространство традиционной русской культуры и религиозности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зайцев Б.К. Собрание сочинений. – Т. 3. Звезда над Булонью. – М.: Русская книга, 1999. – 576 с.
2. Казнина О.А. Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века / О.А. Казнина. – М.: Наследие, 1997. – 416 с.
3. Ковалевский П. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970) / П. Ковалевский. – Paris: Librairie des cinq continents, 1971. – 347 с. (Etudes russes; Vol. 3).
4. Куприн А. И. Собр. соч.: в 9 тт. / А. И. Куприн. – Т. 8. – М.: Художественная литература, 1973. – 624 с.
5. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939 / М. Раев. – М.: Прогресс-Академия, 1994. – 296 с.
6. Феофилакт Болгарский. Толкование на Евангелие от Матфея [Электронный ресурс]. URL: http://azbyka.ru/otechnik/?Feofilakt_Bolgarskij/tolkovanie-na-evangelie-ot-matfeja=20; дата обращения 30.09.2014.

Summary

PROBLEM OF ADAPTATION OF REFUGEES IN PROSE OF RUSSIAN LITERATURE ABROAD OF THE FIRST “WAVE”

A. V. Gromova

Moscow City Teacher’s Training University

Abstract. In the article there is a review of the works of the Russian foreign literature of the 1920-1930th years touching on an issue of adaptation of the Russian refugees in the foreign land. On the example of N. Berberova, B. Zaytsev and A. Kuprin’s works the author reveals the main options of adaptation of the emigrant in the foreign culture environment and possible strategy of preservation of ethno-cultural identity.

Key words: Russian Literature Abroad; Emigration; ethno-cultural identity.

ЭПОПЕЯ «СОЛНЦЕ МЕРТВЫХ»: ТРАГИЧЕСКОЕ РАЗОБЩЕНИЕ ЛЮДЕЙ И ПУТИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

Кияшко Л.Н.

ГБОУ УМЦ ПО ДОГМ
(учебно-методический центр профессионального образования
Департамента образования города Москвы)

Аннотация: В статье анализируется повесть И.С. Шмелева «Солнце мертвых» – одно из первых произведений, созданных им в эмиграции. Не месть, но желание сказать миру правду о произошедшей в России трагедии руководило писателем в создании эпопеи. Шмелев стремится понять, что случилось с Россией, почему пробудились в людях самые низменные инстинкты, и как в условиях террора и голода остались праведники, сохранившие чистоту души.

Ключевые слова: И.С. Шмелев; эпопея «Солнце мертвых»; революция; Гражданская война; эмигрантская проза.

Одна из важных тем в творчестве И.С. Шмелева периода эмиграции – трагедия Гражданской войны: мысли о постигшей Россию катастрофе, стремление понять, что же произошло со страной, погрузившейся в кровавую смуту братоубийства, не оставляют художника долгое время, находя отражение и в художественной прозе, и в публицистике.

В свое время И.С. Шмелев с воодушевлением принял Февральскую революцию, видя в ней подтверждение мечтаниям о будущей сильной и справедливой России. Однако события октября 1917-го года существенно повлияли на мировосприятие и творчество писателя. Моральное неприятие, родившееся у Шмелева при первом соприкосновении со стихийным разгулом толпы, было скорее инстинктивным, чем продуманным. Но уже в начале 20-х годов он формулирует свое отношение к происходящему в России: «Я ездил в далекую Сибирь за политическими каторжанами, и видел многое, – и понял, что именно таким и представлял я себе народ. Мне приходилось и говорить перед толпами, и с первых же дней я знал, что будет страшное: знал я народ, знал и деятелей, какими они будут» [15: с. 61-62].

К моменту вступления в ноябре 1920 года в Крым войск Красной армии И. Шмелев уже более двух лет живет там. Его сын Сергей, воевавший в Первую мировую, с началом Гражданской войны был мобилизован в Добровольческую армию. После 1919 года его признали негодным к строевой службе из-за начавшегося туберкулеза – сказалось ранение и отравление газами на фрон-

те; приехав в отпуск к родителям, он остался в местной караульной роте. Поверив в обещанную Советской властью амнистию, Сергей Шмелев отказался эмигрировать с врангелевскими войсками. Но в декабре 1920 года его арестовали – «для некоторых формальностей», как на распросы и протесты Шмелевых ответили чекисты, и через некоторое время расстреляли без суда и следствия. Точная дата и место смерти Сергея Шмелева неизвестны до сих пор.

Судьба сына писателя была только «эпизодом» в страшной картине террора, охватившего Крым и унесшего более 120 тысяч жизней. И.С. Шмелев, пережив крымский голод 1921 года, возвращается с женой в Москву и, все еще не веря в гибель сына, обращается то в правительство, то в ВЧК, требуя расследования. Однако все тщетно.

Позже Шмелев писал: «На мои просьбы, поиски и запросы, что сделали с моим сыном, мне отвечали с усмешками: “Выслали на Север!” Представители высшей власти давали мне понять, что теперь поздно, что самого “дела” ареста нет. <...> На хлопоты в Москве мне дали понять, что лучше не надо “ворошить” дела,- толку все равно не будет» [16: с. 170].

Несмотря на все усилия, Шмелевы ничего о сыне узнать не смогли, и в конце 1922 года они едут за границу: сначала в Берлин, а затем и в Париж.

Из Берлина Шмелев пишет И.А. Бунину: «После долгих хлопот, – ибо без определенных целей, как пушинки в ветре, проходим мы с же-

ной жизнь, – пристали мы в Берлине 13-го ноября. Почему в Берлине? Для каких целей? Неизвестно. Где бы ни быть – все одно. <...> Когда душа мертва, а жизнь только известное состояние тел наших, тогда все равно. Могли бы уехать обратно хоть завтра. Мертвому все равно. 1/4% остается надежды, что наш мальчик каким-то чудом спасся. Но это невероятно» [13: с. 37].

В первых своих произведениях, написанных в эмиграции, И.С. Шмелев говорит о пережитом, о жестокости Гражданской войны, об униженной России.

По мнению Б.К. Зайцева, «революция и ее муки обострили, повысили у него религиозное чувство и чувство Родины, Руси. Тут написал он одно из самых страстных своих произведений – “Солнце мертвых”» [5: с. 366].

Т. Манн, передавая свои впечатления от книги Шмелева, писал: «Не приходится говорить о том, что должны были перенести эти люди физически; какие ужасы они видели своими глазами. Но последним состраданием, последним благословением пронизывает нас лишь представление об их идейном бедствии, о том дьявольском уничтожении и искоренении революционного идеализма, которым был преисполнен каждый мыслящий русский и который был затоптан в грязь переживанием бесчеловечно-скотской действительности. Невозможно отделаться от горчайшего скептицизма, от кровавой насмешки над febris revolutions молокососов, которая сказывается на некоторых страницах “Солнца мертвых”...» [10: с.318]

Автор ведет рассказ от первого лица, и это вплотную приближает читателя к биографии И.Шмелева, пережитому им реальному крымскому бытию. Время действия в произведении – с ноября 1920 года по февраль 1922-го. Эти два года показаны как история гибели некогда благодатного края. Художник описывает «беленький городок с древней башней», намеренно не указывая точного места действия, и за трагедией городка видится трагедия России. Факты, о которых рассказывается в эпопее, в большинстве своем документальны, но И.С. Шмелев придает им обобщающее значение. Он изображает город, окутанный атмосферой страха, разобщенности и одиночества. Здесь действуют не обычные человеческие законы и принципы, а изменчивые механизмы противостояния жизни и смерти. Мир, о котором повествует автор, в своей страшной обыденности, вымороченности предстает безжизненной пустыней. И даже красоты Крыма преображаются в напоминание о Дантовом аде. Человек не может приспособиться к царящей жестокости. Он не живет, он всего лишь физически не умер.

«Солнце мертвых» – это «история гибели жизни», как выразился сам писатель. Происходит подмена нравственного и религиозного начал «правом сильного», когда люди попирают всяческую мораль. Для Шмелева, те, кто бесконтрольно правит в замершем от ужаса городке, словно отмечены печатью разрушения и ненависти: *«Спины у них – широкие, как плита, шеи – бычачьей толщи; глаза тяжелые, как свинец, в кроваво-масляной пленке, сытые, руки-ласты, могут плашмя убить. Но бывают и другой стати: спины у них – узкие, рыбы спины, шеи – хрящевый жгут, глазки востренькие, с буравчиком, руки – цапки, хлесткой жилки, клещами давят...»* [17: с. 528-529], и оттого они все на одно лицо: пьяные, помятые, грязные. Миру людей противопоставляется мир нелюдей: *«тупорылый парень с красной звездой на шапке», «мелкий стервятник», «оголтелые матросские орды», «вихлястый и завидующий, курокрад недавний и словоблуд».*

Шмелев не случайно подчеркивает безбожие *«тех, что убивать ходят».* Диктатура абсолютной власти, *«лозунги и программы, требующие неумолимо крови»* принципиально отвергают христианское милосердие: *«Разные, конечно, и вожди эти самые бывали... были и такие, что и в России-то никогда не живали... бывали и такие, что... собственную мамашу удавят ради “прямолинейности”-то и “стройности” системы своей-чужой»* [17: с. 534].

Следование классовым законам приводит к искажению реальности, данной Богом: утверждаются ценности, принципиально чуждые христианскому милосердию, исключают милость как к поверженному врагу, так и к своему ближнему. Собственно говоря, мир реальный, существовавший ранее, словно переворачивается, и жизнь намеренно подменяется ирреальностью: *«Мы теперь можем создать новую философию реальной ирреальности! новую религию “небытия помойного”... когда кошмары переходят в действительность, и мы так сживаемся с ними, что было нам кажется сном»* [17: с.549].

Средоточие несправедливого мира – тюрьма, которая словно в насмешку над христианскими заповедями находится рядом с домом Божиим – церковью: *«Не церковный сторож сидит у двери: сидит тупорылый парень с красной звездой на шапке, зыркает-сторожит подвалы»* [17: с.500].

Даже церковь перестала быть защитой. Страшный в своей реальности мир «Солнца мертвых» – уродливый сдвиг естественного мира. Для И. Шмелева полуразрушенная церковь, рядом с которой находится тюрьма, – не художественный

образ, но реальность, говорящая неизмеримо больше, чем все метафоры. Шмелев рисует картину, выразительно свидетельствующую о драме богозабвения: «Теперь нет души и нет ничего святого. Сорваны с человеческих душ покровы. Сорваны-пропиты кресты нательные. На клочки изорваны родимые глаза-лица, последние улыбки-благословения, нашаренные у сердца... последние слова-ласки втоптаны сапогами в ночную грязь, последний призыв из ямы треплется по дорогам... – носит его ветрами. <...> В Проповеди Нагорной продают камсу ржавую на базаре. Евангелие пустили на пакеты...» [17: с. 563, 557].

Церковь, которая должна быть заполнена людьми, пуста, и так же пусто в душах людей, повергнутых в Хаос: «Отныне мой храм?.. Неправда. У меня теперь нет храма. Бога у меня нет: синее небо пусто» [17: с. 504].

Сама природа словно умирает. При всей красоте крымский пейзаж поражает однообразием, мертвенностью: яркость красок кажется ненатуральной. Солнце, встающее над городком, – бесстрастный свидетель, оно равнодушно к происходящему. Многозначный образ-символ солнца у Шмелева обращает нас к прозе Ф.М. Достоевского: «Взойдет солнце и – посмотрите на него, разве оно не мертвец? Все мертво, и всюду мертвецы. Одни только люди, а кругом них молчание – вот земля» [4: с. 501]. Свет этого солнца – это свет смерти, от него ничего не родится, он безысходен. В «Солнце мертвых» есть как бы две самоубийственных войны, связанных между собой: люди против людей и люди против природы, против вселенской жизни тем, что убивают друг друга. И природа словно мстит им. Состояние медленной смерти, охватившее обитателей городка, словно тянется бесконечно. Это впечатление достигается приемом противопоставления: автор рисует крымские пейзажи, но новые хозяева жизни не замечают ни земли, по которой они ходят, ни гор, ни моря, будучи объятами безумной жаждой уничтожения. «Солнце мертвых» – это повествование о разрушении, о гибели веры, о катастрофе самой жизни.

Самые страшные страницы повествования посвящены жизни, нет – медленному умиранию – детей в Крыму: «Я сидел на бугре и думал. И вдруг – шорох за мной, странный, подстерегающий. За мною стоял, смотрел на меня... смертеньш! Это был мальчик лет десяти-восьми, с большой головой на палочке-шейке, с свалившимися щеками, с глазами страха. На сером лице его беловатые зубы присохли к деснам, а сине-

ватые зубы выставились – схватят. Он как будто смеялся ими и оттопыренными ушами летучей мыши. Я глядел в ужасе на него – на видение из больного мира. А он смеялся зубами и качался на тонких ножках, как на шарнирах» [17: с. 681].

Эта жуткая, почти мистическая сцена переключается со сном Дмитрия Карамазова: «И вот недалеко селение, виднеются избы черные-пречерные, а половина изб погорела, торчат только обгорелые бревна. А при выезде выстроились на дороге бабы, много баб, целый ряд, все худые, испытые, какие-то коричневые у них лица. Вот особенно одна с краю, такая костлявая, высокого роста, кажется, ей лет сорок, а может, и всего только двадцать, лицо длинное, худое, а на руках у нее плачет ребенок, и груди-то, должно быть, у нее такие иссохшие, ни капли в них молока. И плачет, плачет дитя и ручки протягивает голенькие, с кулачками, от холоду совсем какие-то сизые...» [3, с. 279]. Но ужас в том, что встреча со «смертеньшем» – не сон, да и никакой кошмарный сон не сравнится с горестной реальностью, показанной Шмелевым в «Солнце мертвых». Дети здесь – словно воплощение вселенской беды. И все же голодные, умирающие они зачастую оказываются много нравственнее обезумевших в злобе и ненависти взрослых: «Стоит босоногая Ляля за кипарисом – восьмилетка, косит глазом. На ней – единственное ее – белая кофточка и красная юбка, с весны самой. Прозрачная она, хрупкая, беленькая, хоть и всегда на солнце. Светлые глазки ее стреляют – русские глазки, умные. <...>

– Вот что... Вот тебе маленькая лепешка... поделишься с Володей.

Она вся вспыхивает и пятится, а глаза не могут оторваться от лепешки. Она даже отмахивается в испуге:

– Ай, что вы... да не надо, что вы... Ну зачем же... не надо. У нас же есть же...

Ее надо поймать за плечо и дать насильно.

– Ну зачем это... у самих мало... Ну, спасибо вам... ба-льшое спасибо! ба-а-льшое... – смущенно захлебывается Ляля, разглядывая лепешку, и все пятится, пятится, пятится к кипарисам.

Сначала она отходит тихо, сдерживает себя, – и вдруг, помчится-помчится» [17: с. 509-511].

Эта трогательная порядочность голодного измученного ребенка делает возможным возвращение духовности, дарует надежду на милость Божию. Среди обезумевшего мира дети святы как ангелы Божии, свидетельствующие своим ликом своим о красоте души, о Царстве Божием,

сокрытом «внутри» человека. Дети в «Солнце мертвых» – олицетворенная боль и совесть. Его, художника, **со-весть**: весть о беде этих детей, весть о своей вине перед ними, об ответственности за них, крик о помощи.

Наряду с людьми героями книги являются животные, птицы и даже деревья: корова Тамарка, «красавица-симменталка, белая в рыжих пятнах», ручной павлин, индюшка, три курочки – Торпедка, Жемчужка, Жаднюха, черный дрозд, умирающие кони, брошенные «ушедшей за море армией добровольцев», коза Прелесть, козел Бубик, «выкормок Прелести, козел-великан, стриженный, сизый, крутобокий», грецкий орех, старый миндаль. Одна за другой умирают от голода кроткие курочки рассказчика, он не может их убить и съесть – для него эти птицы, с которыми делились последней крошкой, – такие же живые существа, как и люди, и смерть их – такая же трагедия: «Счастливая ты, Торпедка, – на добрых руках уходишь! Я пошепчу тебе, скажу тебе тихо: солнце мое живое, прощай! А сколько теперь больших, которые знали солнце, и кто уходит во тьме!.. <...> Полдень высокий был. Я взял лопату. Ушел на предел участка, на тихий угол, где груды камней горячих, выкопал ямку, положил бережно, с тихим словом – прощай. И быстро засыпал ямку» [17: с. 519].

Автор – герой «Солнца мертвых» в этих нечеловеческих условиях голодного, полуразрушенного Крыма ведет себя как свободный человек. Свободу дает ему вера. В ней сосредоточены противостоящие злу и насилию вечные ценности, на которые опирается человек, черпая силы для сопротивления, пусть молчаливого, но несогласия. Именно об этом писал И.А. Ильин: «Победил не тот, кто временно осилил в борьбе, ибо грубая сила, одолевая, творит сама свое поражение, и рок увлечет ее в пропасть. Победил тот, кто своим деянием явил силу духа и воли; кто показал, что умеет любить нечто больше жизни и больше себя; кто показал, что страх не влечет его к покорности; кто своим делом проявил и пробудил в душах непоколебимую волю к грядущей полной победе (выделено автором – Л.К.)» [7, с.192]. Эта мысль истинно христианская, поскольку успех борьбы со злом измеряется не внешней победой, а мужественным стоянием в истине до конца: «Претерпевший же до конца спасется» (Мк. 13, 13).

Один из символов в картине мира, который характеризуется противостоянием христианской веры как упорядоченного космического начала и новой идеологии, выступающей деструктивной хаотичной стихией, – это море, то есть вода. Здесь

оно предстает как граница, отделяющая мир живых от мира мертвых, место обитания душ умерших и нечистой силы: «Мертвое море здесь: не любят его веселые пароходы. Не возьмешь ни пшеницы, ни табаку, ни вина, ни шерсти... Съедено, выпито, выбито – все. Иссякло» [17: с. 502].

В повести голодный, мертвый Крым – земля, окруженная водой, показан как пространство вне спасающей мир сакральности в экстремальной ситуации на грани жизни и смерти. С мотивом воды как первоначала соотносится ее значение в очищении от скверны и варварства. В христианском сознании крещение, то есть омовение водой, – это как бы второе рождение, возвращающее человека к первоначальной чистоте – безгреховному бытию. Однако не случайно в «Солнце мертвых» внимание сосредоточено на морской воде – горько-соленой, непригодной для питья – для жизни. Тем самым в художественный мир произведения вписано и соответствующим образом трансформируется библейское повествование об Иоанне Крестителе.

В христианской культуре Иоанн Креститель предстает как ревностный защитник праведности, обличитель власть имущих, то есть зла, творимого ими, и проповедник покаяния. Внешним знаком покаяния и духовного обновления было омовение в воде – крещение. Но в «Солнце мертвых» И. Шмелев обращает внимание не на крещение, которое вместе с другими принимает Иисус Христос, как обретение Благодати, а, напротив, на казнь Иоанна Предтечи как результат отступничества от законов нравственности. В повести Шмелев соединяет путь, мученическую смерть – духовный подвиг Иоанна Крестителя и старого профессора Ивана Михайловича. Он, старый человек, находясь на грани жизни и смерти до последнего момента – пока были силы – пытался спасти других (кого от гибели, кого от страшного греха убийства), не думая о себе:

– Хорошо, братцы... Один Господь Бог и в смерти и в животе волен, а ты только Его орудие... помни и не гордись! Может, для твоего вразумления так дано... каяться потом будешь! <...> А зачем вот трудового человека, почтальона, убить хотите? У него детки малые, на руках мозоли... Креста на вас нету... <...>

– Да ты чего лаешься-то, не боишься ничего, старый черт?!

– <...> А чего мне бояться-то, милой! Я уж одной ногой давно в гробу стою...» [17: с. 586-587].

Библейскому Иоанну Крестителю, обличителю и пророку, отрубили голову – это была месть

Иродиады за правду. В «Солнце мертвых» Иван Михайлович – живой укор совести, который власти нужно уничтожить. Причем и в евангельской легенде и в повести И. Шмелева, убийство производится чужими руками. Казнь одного из провозвестников прихода Мессии, непосредственного предшественника Иисуса Христа – первый шаг наступления на веру. Жестокое, глумливое убийство Ивана Михайловича, больного, голодного старика, есть первый шаг к уничтожению веры, уничтожению милосердия: *«Умер старик вчера – избили его кухарки! Черпаками по голове били в советской кухне. Надоел им старик своей миской, нитьем, дрожаньем: смертью от него пахло»* [17: с. 681]. Голос Ивана Михайловича, который, казалось бы, умирает вместе с ним, на самом деле звучит все настойчивее, больнее, и никуда от него не деться: *«Христовым именем собираюсь! Не стыдно мне это, старику, а хорошо... Господь сподобил меня принять подвиг: в людях Христа бужу»* [17: с. 617]. Образ старого профессора видится Шмелевым в своей изначальности: он предстает как пророк-мученик Иоанн Креститель, обличающий своими речами власть имущих, и в то же время юродивый странник, поскольку имеет свои архаические корни в образах «мудрых безумцев», отвергающих жестокий мир и делающих все невпопад. Евангельское предание, где трагически контрастирует пиршество потерявших человеческое лицо властителей и казнь страдальца и праведника, воспроизводится в «Солнце мертвых».

Имя персонажа несет в себе и символ судьбы: так же, как и юродивые – извечные печальники русского народа, он – Иванушка-дурачок, Иоанн Блаженный, Иоанн Многострадальный – принимает страдания во имя Христа, а значит, во имя веры и милосердия. И слова его остаются звучать в душе, надолго врезаются в память как пророчество: *«Крошечки собираю... Хлебушко в татарской пекарне режут... крошечки падают... вот, набрал с горсточку, с кипятком поплюю... Чайком бы согреться... Комодиком топлюсь, последним комодиком... Ящички у меня есть, изпод Ломоносова... с карточками-выписками... хороших четыре ящичка! Нельзя, материалы по истории языка... Последнюю книгу дописываю... план завершаю... Каждый день работаю с зари, по четыре часа. Слабею... На кухню хожу советскую, кухарки ругаются... супцу дадут когда, а хлебушка нет...»* [17: с. 648].

Об Иване Михайловиче И.С. Шмелев писал К. Тренёву в Симферополь, где последний работал в Наркомобразе: *«Решительно заклинаю*

Вас! Спасите умирающего с голоду старика Ивана Михайловича Белоруссова, автора многих руководств по русской словесности, большого труда о Ломоносове... Позор! Старика выгоняли из Наробраза! Издевались! Старик побирается по базару. Собирает с пола в булочной крошки и варит! <...> И все еще слабеющей рукой работает над Ломоносовым» [11]. Старый профессор был директором Орловской гимназии, учителем Леонида Андреева, занимался изучением языка сочинений Ломоносова. Шмелев хлопотал за него, желая помочь и надеясь на поддержку коллег-писателей.

Шмелев подчеркивает, что старик побирается на советской кухне, и забывают его те самые кухарки, которые когда-то были несоветскими, тихими и исполнительными, а здесь обрели власть. Здесь еще и мотив классовой ненависти, в которой пролетарий был не в состоянии отличить истинного притеснителя от интеллигента. Сам принцип революции был неверным, пробуждение шло не через духовность, а через классовую ненависть. Об этом позже писал И.А. Ильин: *«Не подлежит никакому сомнению, что революция была срывом в духовную пропасть, религиозным оскудением, патриотическим и нравственным помрачением (выделено автором – Л.К.) русской народной души. <...> Это была эпоха окаянства, когда <...> народ, вместо того, чтобы молитвенно примкнуть к московскому Церковному Собору и внять отлучению и заклятию Святейшего Патриарха Тихона, разучился молиться и внимать совести, помышляя только о кровавой мести и темном прибытке»* [8: с. 313].

Действие в «Солнце мертвых» происходит словно на пороге бытия и небытия. И здесь наблюдается горестный парадокс: невежество, наглость и изворотливость оказываются условием бытия физического. Но лишь честность и милосердие – единственное условие спасения души. Смерть нравственная и небытие физическое зачастую разделены, а иногда и прямо противоположны. Шмелев, побывавший (не просто побывавший, а пробывший несколько лет) в реальном земном аду, потрясенный пережитым, беспредельность высот человеческого Духа и беспредельность же духовного падения. Ясно, что и – *«беленький городок с древней, от генуэзцев башней»*, и весь Крым – лишь часть общей картины России. Обмирщение духовной жизни привело к тому, что библейское пророчество стало реальностью: люди еще живы, но **мир** рухнул. Космос вопреки естественному ходу развития преобразовался в Хаос.

До «Солнца мертвых» жесткая нормативность, пожалуй, была несвойственной природе Шмелева-художника. Но здесь он уже непримирим: «Солнце мертвых» – драматическая, даже трагедийная нота разрушенной жизни, обманутых надежд и бессилия веры: *«Здесь отнимают соль, повертывают к стенкам, ловят кошек на запад-ни, гноят и расстреливают в подвалах, колючей проволокой окружили дома и создали “человечьи бойни”. На каком это свете делается? Здесь звери в железе ходят, здесь люди пожирают детей, и животные постигают ужас»* [17: с. 507].

Один из героев «Солнца мертвых» – почтальон Дрозд, *«праведник в окаянной жизни»*, мечтавший дать маленьким сыну и дочери образование. Он не разбирался в партиях и уверен был в том, что нужна *«нравственная мораль»*. Однако когда пришли большевики и стали хватать по доносам всех подряд, взяли и ни в чем неповинного смиреннейшего почтальона, посадили *«в сарай вместе с калекой нотариусом и Иваном Михайлычем, профессором»* [17: с. 585]. Не избежал страшной участи молодой писатель Борис Шишкин. Он был на германском фронте, попал в плен, три раза бежал и три раза его ловили. Вернулся в Россию при обмене пленных и не захотел покидать ее с отступающей Белой армией. Бориса Шишкина и его брата Дмитрия расстреляли без суда в Ялте. Расстреляли старую женщину – княгиню Барятинскую. Ослабевшая, она не могла идти, ее толкали прикладами. Об их судьбах Шмелев рассказывает в «Солнце мертвых».

О своем горе – гибели сына – И.С. Шмелев не говорит практически ничего. Он настойчиво гонит от себя мысль о том, что не увидит больше Сережу. Для Шмелева написать о смерти сына – значит, признать то, что его дорогого мальчика нет больше на свете. В «Солнце мертвых» есть лишь несколько слов – полунамеками, с затаенной болью и невероятным страданием – о судьбе сына и всех погибших за Россию, воевавших в Белой армии: *«Недавно бились они открыто. Родину защищали. <...> Теперь, замученные, попали они в подвалы. Их засадили крепко, морили, чтобы отнять силы. Из подвалов их брали и убивали. <...> Усталые, тихие шаги. Ты это... Мы сидим с тобой плечо к плечу и молчим. Думаем... Подумала ты, я знаю... но это не может сбыться»* [17: с. 517, 561].

«Страшно читать», – эти слова звучат рефреном в отзывах на книгу современников Шмелева [1; 6]. Да, конечно, страшно прочесть даже несколько страниц из «Солнца мертвых».

А жить в этом страхе несколько лет?

А всю жизнь помнить о пережитом, о смерти друзей, знакомых, более того – единственного сына?

После двух лет бесправия, испытания голодом и холодом, лишением надежды И.С. Шмелев в подлинном смысле воскресает из мертвых, воскресает как писатель, повествующий о бремени страданий, которые выпали на долю безвинных жертв. Это желание сказать миру правду, высказаться за годы вынужденной немoty руководило им в создании «Солнца мертвых». Не случайно А.В. Амфитеатров, откликнувшись на выход шмелевской книги, писал: «Никогда еще не было в русской литературе книги, с которой так необходимо ознакомить весь культурный мир, как с этой. Вот, я сказал: “в литературе”. А, между тем, сомневаюсь, не погрешил ли. Не знаю: “литература” ли “Солнце мертвых”? Ее общественное и общечеловеческое значение поглотило в ней “литературу”, ибо более страшной книги не написано в русском языке. Шмелев не пугает, а только рассказывает день за днем, шаг за шагом “эпопею” своего крымского, обывательского существования в голодный год, под большевистским гнетом, – и... страшно! За человека страшно!..» [1: с.8].

«Солнце мертвых» – не политическая программа, не идеологическая декларация, каких было предостаточно в среде русской эмиграции 20-х годов. Это – прямое обращение художника к людям со словом Добра и Веры, с надеждой быть услышанным. Эта книга из тех, что призваны спасти *мир*. Самое горькое, черное произведение Шмелева написано во имя жизни и для жизни.

В самом деле, что такое «Солнце мертвых»? Беспросветность?

С первого взгляда, несомненно. Однако рядом с тринадцатью главами-очерками об Антихристе во всех обличьях, о нелюдях есть двенадцать – о мучениках, о «праведниках-подвижниках». Именно эти главы – основа книги.

В том же 1923 году, когда в свет вышло «Солнце мертвых», русский ученый А.А. Ухтомский, размышляя о судьбе России, писал: «Все тщание врага в том, чтобы из творения Божия сделать безобразия. Вернуть Красоту Красоте, убить красоту карикатурой – вот что значит воскресить Бога. Вот что значит “Воскресни Боже, в покой твой, ты и кивот святыни твоя”. Вся христианская догматика есть попытка возратить красоту ужасу Креста Христова!» [14: с.64]. И.С. Шмелев в своем произведении – зачастую вопреки рассудку, вопреки обстоятельствам – верит в спасение, спасение подвигом – жизнью «подвижников». Все они – и старая барыня, ради чужих «нянькиных»

детей продающая остатки вещей, и учительница Прибытко, ее мать Марина Семеновна, и татарин Гафар, приславший автору муку, яблоки, сушеные груши, «подвижница» Таня, что ходит «за горы» – ради детей, чтобы не умерли с голоду, безымянные неизвестные люди в горах, один из которых ей «сала кусок сунул <...> говорит – снеси детям... у меня, говорит, тоже дети», и многие другие, которые «не поклонились соблазну, не тронули чужой нитки – бьются в петле», дают автору надежду, что «Жива человеческая душа! жива!!» [17: с. 658].

У Шмелева нет никаких иллюзий насчет страшной реальности, но он верит до конца, хотя бы остался один-единственный шанс на спасение. И действительно, какие бы гонения не претерпевали люди, как бы ни старалась безбожная власть уничтожить душу человеческую, оставались те, кто не поддавался «всесокрушающему камню», не убил в себе «животворящий дух».

«В самые тяжелые минуты вспыхивало сознание обладания неоцененным сокровищем – Верой Православной, сознание обладания Истиной, только и дающей смысл жизни. И это сознание давало силу ВСЕ перенести, – писала в своих воспоминаниях современница Шмелева Н. Китер. – Какие люди были среди рядовых членов Церкви! Чистая золотая пшеница, отвеянная на гумне Господнем, горящие души первых веков. Мы себе казались перенесенными на зарю христианства... Перед нашими глазами осыпалось как цветок от дуновения ветра, все, что стояло незыблемо веками. Дорогие, близкие души, по зову Господа, уходили одна за другой, но тем крепче ощущалась связь с миром иным, тем очевиднее его реальность» [9: с. 45-46].

Эпопея создавалась Шмелевым за границей, и в ней художник не только повествует о Гражданской войне, но и говорит о реакции (вернее – **не-реакции**) европейских стран на происходящее. Самое ужасное в братоубийственной войне в России – и об этом И. Шмелев свидетельствует, – может быть, то, что, когда она началась, человечество не было ею потрясено. В статье «Христос воскрес!», опубликованной через год после выхода в свет «Солнца мертвых», он пишет: «Дни наши – черные. Народы на распутье. Чувствуется тревога всюду – куда идем? Ждут перемен и потрясений. Падает сила права, бесстыдство уже не прячется под маской. Узнали мы много-много; повидали, можно сказать, историю: цену международной нравственности знаем, “братство народов” знаем... – чего только мы не знаем» [18: с. 64]. «Оловянное солнце мертвых» он видит и в

равнодушных глазах далеких европейцев. К 1923 он его уже ощутил там, за границей», – напишет про Шмелева через 75 лет А.И. Солженицын [12].

Равнодушие, нежелание понять чужую боль, по мнению И.С. Шмелева, не допустимы для верующего человека. Совесть для него – это весть о боли, о судьбе Отечества, отклик на весть об этой беде. Но, несмотря на усилия русских писателей раскрыть глаза Европе на происходящее в России, их призывы о помощи оставили равнодушным общественность Запада. И.А. Бунин, откликаясь на присланное из России письмо группы писателей, которое появилось во всех крупных газетах Русского Зарубежья, безуспешно пытался воззвать «к писателям мира»: «Семь лет, прожитых мною в Европе, целых семь лет с несказанным изумлением и ужасом восклицаю я внутренне: да где же вы, “совесть мира, прозорливцы”, что же молчите вы, глядя на то, что творится рядом с вами, в цивилизованной Европе, в христианском мире? Мы, писатели-изгнанники, не раз пытались своими воплями заставить очнуться европейский мир, обезумевший и окаменевший в своих материальных расчетах» [2: с. 1]. То, что было очевидным для Бунина и Шмелева изначально, стало понятно многим спустя значительное количество времени, когда исторические события и общественные отношения дали достаточное количество информации для подобных размышлений.

Любому народу, любой стране нужен взгляд на себя со стороны, взгляд другими глазами. И уже из эмиграции художник видит *свою Россию* – теперь разрушенную и обескровленную. И этот взгляд *оттуда* сделал его одним из правдивейших художников XX столетия. Более четверти века – до самой своей смерти Шмелев будет жить с непреходящей болью об Отечестве. Поиск истины, веры он переводит из реального мира в мир духовный, уходит в себя, стремясь во внутреннем самосовершенствовании найти путь к правосудию небесному. По убеждению Шмелева, воинствующее безбожие, циничное отношение к Горнему миру привело к оскудению человеческого духа и уничтожению любви. Посему, отчаявшись в России земной, писатель стремится показать в своем творчестве Святую Русь, Град Божий. На этой почве расцветает проза «позднего» Шмелева, автора «Богомолья», «Лета Господня», «Истории любовной», «Няни из Москвы», «Путей небесных». И именно на эту милость надеется писатель, вступая в новый этап своего земного бытия. Его поздние произведения – верное тому подтверждение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амфитеатров А.В. Страшная книга // Возрождение.– Париж. – 1926.– 17 ноября (№ 533).
2. Бунин И.А. К писателям мира // Возрождение.– Париж.– 1927. – 17 июля (№ 775).
3. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы / Ф.М. Достоевский Собрание сочинений: В 12 т. Т.12. – М., 1982. – 544 с.
4. Достоевский Ф.М. Кроткая / Ф.М. Достоевский Собрание сочинений: В 12 т. Т.12. – М., 1982. – 544 с.
5. Зайцев Б.К. О Шмелеве / Борис Зайцев Собрание сочинений: В 5 т. Т. 6 (доп.). Мои современники: Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – М., 1999. – 554 с.
6. Зензинов В. И.Шмелев. Солнце мертвых // Современные записки.– Париж. –1927.– № 30.
7. Ильин И.А. Ушедшим победителям / И.А. Ильин Собрание сочинений: В 10 т. Т.9–10. – М., 1999. – 506 с.
8. Ильин И.А. Когда же возродится великая русская поэзия / И.А. Ильин Собрание сочинений: В 10 т. Т.2. Кн.II. – М., 1993. – 480 с.
9. Китер Н. Православная Церковь в СССР в 1930-е годы // Церковно-исторический вестник.– Москва. – 1998. – № 1.
10. Переписка И.С.Шмелева и Томаса Манна. Публ. Ю.А.Кутыриной // Мосты. – Мюнхен. – 1962. – № 9.
11. Письмо И.С. Шмелева К.А. Трёневу от 24 января 1922 года // РГАЛИ, Ф.1398, оп.1, ед.хр.7.
12. Солженицын А.И. Иван Шмелев и его «Солнце мёртвых». Из «Литературной коллекции» / Александр Солженицын Дневник писателя // Новый мир. – 1998. – № 7. Журнальный зал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1998/7/dnpisat.html
13. Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы. Под редакцией Милицы Грин: В 3 т. Т.2. – Франкфурт-на-Майне, 1981.
14. Ухтомский А.А. Материалы из архива // Начала. – Москва. – 1993. – № 3.
15. Шмелев И.С. Глаза открываются / Шмелев И.С. Душа Родины: Сборник статей от 1924-1950 г. – Париж, 1967.
16. Шмелев И.С. Господину Оберу, защитнику русского офицера Конради как материал для дела / Шмелев И.С. Душа Родины: Сборник статей от 1924-1950 г. – Париж, 1967.
17. Шмелев И.С. Солнце мертвых / Шмелев И.С. Собрание сочинений: В 6 т. Т.1. Солнце мертвых: Повести. Рассказы. Эпопея. – М., 2010. – 688 с.
18. Шмелев И.С. «Христос воскрес!» / Шмелев И.С. Душа Родины: Сборник статей от 1924-1950 г. – Париж, 1967.

Summary

EPIC “SUN OF THE DEAD”: TRAGIC DISCONNECTION BETWEEN PEOPLE AND WAYS OF OVERCOMING IT

L. N. Kiyashko

ГБОУ УМЦ ПО ДОГМ
(Educational-methodical center of professional education).

Abstract. In this article, narrative “Sun of the dead” by I.S. Schmelyov – one of the first of his tales created in emigration – is analyzed. The writer, in creation of this epic, was guided not by revenge but a desire to tell the truth about the tragedy which befell Russia. Schmelyov attempts to comprehend what happened to Russia, why base instincts awoke in people and how among the terror and hunger remained righteous people who maintained the purity of their souls.

Key words: I.S. Schmelyov; epic “Sun of the dead”; revolution; Civil war; emigrants’ prose.

ОСОБЕННОСТИ ЦВЕТООБОЗНАЧАЮЩЕЙ ЛЕКСИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Б.Л. ПАСТЕРНАКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ИДИОСТИЛЯ ПИСАТЕЛЯ

Колоскова Т.А.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. Исследование цветовой лексики в произведениях Б.Л. Пастернака раскрывает ее роль в формировании мировоззрения автора. Найдены прямые и переносные цветовые доминанты, которые характеризуют идиостиль писателя.

Ключевые слова: цветовые доминанты; идиостиль писателя; функции цветовой лексики.

Во многих лингвистических исследованиях каждый писатель, поэт рассматривается как самобытная языковая личность, носитель и создатель собственного идиостиля, поэтому анализ цветообозначений, характерных для текстов его произведений, открывает путь для понимания всего творчества автора. Заметим, по Ю.Н. Караулову, идиостиль – это индивидуальный авторский стиль писателя или поэта, специфика речи художественных произведений [3: с. 18].

Одна из самых интересных и сложных задач художественной речи состоит в передаче цветовых оттенков во всем их многообразии. Каждый писатель создает индивидуально-авторские коннотации цветообозначений.

В художественном произведении цвет выполняет две принципиально различные функции. Цвет-описание **является частью неповторимой** поэтики произведения, цвет-характеристика служит как средство раскрытия образа, а, следовательно, идеи произведения. В связи с этим цветообозначение признается одной из черт, отражающих идиостиль писателя.

Б.Л. Пастернак в своих произведениях отразил многие события XX века. Судьба его, так же, как и судьба многих поэтов этого поколения, складывалась очень тяжело. Ему пришлось пережить взлеты и падения, победы и поражения. Поэтому, может быть, для Пастернака творчество стало спасением и выходом, может быть, даже бегством от окружавшей его действительности [8].

В произведениях Б.Л. Пастернака главный герой – человек, его душа, его судьба, сочувствие и понимание. По мнению академика Д.С. Лихачева, «Доктор Живаго» даже не роман, а род автобиографии, «биографии времени»: «В романе главная действующая сила – стихия революции».

Глазами героя мы видим разгул убийства и беззакония, разруху и голод, воодушевление простых людей, их надежду на лучшую жизнь и кровь, кровь, кровь...

Герой бежит от этой вакханалии насилия. Ему хочется покоя, обычной жизни в кругу семьи, примитивнейшего счастья. Но и на это у него нет права. Господствуют только два цвета времени. Третьего не дано. Этот путь ведет в тупик.

А почему надо выбирать? Почему нельзя просто жить, радоваться солнцу и любви, покою и бесконечному счастью? Всегда находятся люди, которым дана власть, некое право вмешиваться в чужую жизнь и кроить ее по неким стандартам, в угоду себе, времени, обстоятельствам.

Философский итог всему подводит героиня романа:

«Лара шла вдоль полотна по тропинке, протоптанной странниками, и сворачивала на луговую стежку, ведущую к лесу. На одно мгновение смысл существования опять открывался Ларе. Она тут, – постигала она, – для того, чтобы разобрататься в сумасшедшей прелести земли и все называть по имени, а если это будет ей не по силам, то, из любви к жизни, родить себе преемников, которые сделают это» [8].

Роман «Доктор Живаго» был опубликован в России в девяностые годы, и читатели его приняли восторженно. Многие находили его стиль похожим на тургеневский или даже бунинский с подробным и многословным описанием. Пастернак, несомненно, наследник традиций русской классики, в лексике, манере излагать свои мысли. И эта связь намного сложнее, чем может показаться на первый взгляд.

Пастернак – писатель-гуманист, продолжающий традиции русской литературы в основном:

нести людям добро, любовь, справедливость. Будучи гениальным поэтом, он прекрасно чувствует слово. Отсюда отточенность его фраз, их лаконизм и неподражаемая красота богатейшего русского языка.

Б.Л. Пастернак как подлинный художник слова интегрирует в тексты своих произведений «приемы живописи», цветопись, колоризацию описания. Чтобы понять, как цветообозначения отражаются на общей характеристике идиостиля писателя, необходимо проследить проявление репрезентативных единиц цвета в его текстах на лексическом и морфологическом уровнях, выявить цветовые доминанты в творчестве писателя, установить их художественные функции.

Лексические единицы, объединенные семьей цвета, в произведениях Б. Пастернака можно разделить на две большие тематические группы: «описание внешности человека» и «описание предметов и явлений окружающей действительности».

В составе каждой группы можно выделить обширный ряд подгрупп. Для первой группы характерны такие подгруппы, как «описание лица», «описание фигуры», «описание одежды» и так далее.

В составе второй группы выделяются следующие подгруппы: «описание природы», «описание обстановки и предметов интерьера», «описание элементов архитектуры и предметов экстерьера» и прочие.

Рассмотрим примеры из группы «описание внешности человека» в тексте романа Б. Пастернака «Доктор Живаго».

Внешность человека – это описание лица, волос, глаз, губ, зубов, цвета кожи, фигуры.

В описании человеческого лица преобладает явно красный цвет в различных его оттенках: *собственно красный, румяный, багровый, краска стыда, маков цвет*. Покраснение лица практически во всех случаях связано с чувством стыда: «Они *краснеют* и бледнеют, когда произносят это слово!» [5: с. 62]; «*Краска стыда густо залила ей лицо, у неё покраснели лоб и шея*» [5: с. 84].

В других случаях лицо приобретает красный цвет от усталости: «Она *раскраснелась* и *утирала платком разгорячённое ходьбою лицо*» [5: с. 140].

Или от злости: «*Шея его напружинилась, лицо побагровело, он заорал во всё горло*» [5: с. 420].

Цветовые лексемы, сочетая прямые и переносные значения, становятся яркими метафоричными эпитетами и сравнениями в характеристике лица: «У *библиотечных служащих были такие*

же опухшие, книзу удлинённые, оплывшие лица, как у половины читающих, та же дряблая, обвислая кожа, землистая с прозеленью, цвета солёного огурца и серой плесени» [5: с. 286].

В описании лица особое место писатель отводит глазам. Спектр оттенков для их характеристики у Пастернака достаточно высок: «*Миша Гордон, одиннадцатилетний мальчик с задумчивым лицом и большими чёрными глазами*» [5: с. 76]; «*Худолеев и Тиверзин стояли, нагнув головы и почти касаясь друг друга лбами, бледные с налившимися кровью глазами*» [5: с. 93]; «*Доктора встретил хозяин квартиры, вежливый молодой человек с матовым смуглым лицом и тёмными меланхолическими глазами*» [5: с. 197]; «*На её краю, натянув одеяло выше подбородка, лежала маленькая женщина с большими чёрными глазами*» [5: с. 198]. Преобладание черного цвета очевидно. Словосочетание «с налившимися кровью глазами» не обозначает какого-то определённого постоянного цвета глаз. Здесь важна динамика, изменение обычного цвета на красный. Для передачи этой динамики используется причастие, а не прилагательное.

Цветовую лексику использует Б.Л. Пастернак в прямых и переносных значениях и при описании внешности человека, и при описании окружающей действительности. При этом доминирующими цветами у писателя являются оттенки черного, синего и белого.

На морфологическом уровне цветообозначения в его текстах традиционно реализуются в прилагательных, глаголах и существительных.

Количественно преобладают имена прилагательные, что подтверждает картотека: имена прилагательные (580 единиц), глаголы (74 единицы) имена существительные (11 единиц).

В распоряжении каждого художника слова богатейшая палитра красок и всевозможных оттенков. Выбор цветов, которыми писатель «раскрашивает» свое произведение, зависит от его идейного содержания, мироощущения и взглядов автора. Определенный спектр цветов может быть характерен не только для одного произведения, но и для всего творчества писателя в целом. В этом также заключается проявление авторского идиостиля.

В речи художественных текстов Б.Л. Пастернака отмечаются цветовые доминанты с холодной гаммой цветов: черный, белый с примесью серого, серый с черным, оттенки синего и тому подобного.

Приведем примеры из произведений автора, объединенные лексемой «черный»:

*По мере смены освещенья
И лес меняет колорит.
То весь горит, то **черной** тенью
Насевшей копоти покрыт.*
(«Когда разгуляется», 1956) [6: с. 43]
*И, глядя в эти **черные** провалы,
Пустые, без начала и конца...*
(«Гефсиманский сад») [5: с. 538]
*Поезд ушел. **Насыпь черна**...*
(«Опять весна», 1941)

Черный цвет навеивает ощущение мрачности, страха, тревоги, но у Б.Л. Пастернака этот цвет может быть иным. Например, в стихотворении «Февраль. Достать чернил и плакать» он знаменует победу весны над зимой.

Белая гамма проявляется у писателя при описании картин окружающей действительности – метели, облаков, снежной мглы:

*...К **белым** звездочкам в бурене
Тянутся цветы герани...*
(«Снег идет», 1957)
*За ним – скопленье облаков,
Нагромождённых **белой** грудой
Суровых горных ледников.*
(«Когда разгуляется», 1956) [6: с. 43]
***Седые, серебристые** маслины
Пытались вдаль по воздуху шагнуть.*
(«Гефсиманский сад») [5, с.538]
*И все терялось в снежной мгле,
Седой и белой.*
(«Зимняя ночь») [6: с.48]

Именно с черным и белым цветами связаны богатые традиции человеческой культуры. Но некоторые аспекты значения темы белого и черного в произведениях Б.Л. Пастернака индивидуальны.

Для древнего мифологического восприятия цвета характерна ассоциация черного как некоего зловещего. С этим цветом связывались все отрицательные явления мироздания, в то время как белый цвет издревле считался олицетворением доброго, положительного начала. Еще одним свойственным мировой культуре параллелизмом в противопоставлении положительного и отрицательного начал является антагонизм времен года. Зима традиционно выступает как нечто злое, символ умирания, в то время как весна – время радости, возрождения, обновления. Пастернак впитал такой дуалистический мифологизм и воплотил его в цветоорганизации своих произведений.

Из контекста всех произведений поэта ясно, что зима, в соответствии с мифологическими воз-

зрениями, означает статику, сон, смерть, темное время.

В романе «Доктор Живаго» находим частое употребление эпитета «черный» по отношению к зиме, зимнему небу, снегу, льду. И в поэзии у Б.Л. Пастернака присутствует образ зимы, данный через черный цвет: «*Вмерзшие бутылки голых, **черных** льдин...*». Этот же образ в трансформированном виде мы находим и в романе «Доктор Живаго», где он разворачивается полнее, и читателю становится ясным основание для сопоставления льдин и бутылок: «*Улицы покрывал **черный** лед, толстый, как стеклянные донышки толстых пивных бутылок*» [5: с. 78]. В день похорон Анны Ивановны траур по ушедшей передаётся от людей окружающему пространству, и это ощущение помогают выразить эпитеты и сравнения с метафорическим значением черного цвета: «День был полон недвижной тяжести, день, самой природой как бы созданный для погребения. **Погрязневший** снег словно просвечивал сквозь наброшенный креп, из-за оград смотрели **тёмные, как серебро с чернью**, мокрые ёлки и походили на траур».

Что касается весны, то Пастернак уделял особое внимание этому времени года как в лирических произведениях, так и в своем романе. С этой темой связаны объемные парадигмы образов «черной земли», «черных ручьев», «черных туч» или «черного неба».

Образ черной весенней земли в произведениях Пастернака принимает неоднозначное толкование: прах, продукт распада и разложения, сгорая и очищаясь, становится основой новой жизни.

Черные гроззовые тучи, клубы черной гари и дыма, с которыми борется Юрий Живаго, устраивая семейный быт, столб черной пыли, вставший между Юрием и Ларой, можно считать сходными по своей метафорической природе явлениями.

Частотны случаи, когда эпитетом «черный» определяется лес, бор, запущенная часть парка, ельник, даже калина и береза нарисованы черным цветом: «*Ото всего парка с его прудами, лужайками и барским домом садик управляющего был отгорожен густой живой изгородью из **черной** калины*» [5: с. 9]; «***Чернеют** сержки берез»; «**Зачернели** порывы елей...*»; «*...Юра <...> представлял себе эти пять тысяч десятин векового, непроходимого леса, **черного** как ночь...*»; «*По светлой заре вычерчивались **черные** верхушки берез...*» [5: с. 27].

В романе встречается прямое противопоставление черных и белых сил стихии: «*Резкий порыв*

*вистый ветер нес низко над землей рваные ключья туч, **черные**, как хлопья летящей копоты. Вдруг из них начинал сыпать снег, в судорожной поспешности какого-то **белого** помешательства.*

*В минуту даль заволакивалась **белым** саваном, земля устилалась **белой** пеленою. В следующую минуту пелена сгорала, истаявала дотла. Выступала **черная** как уголь земля, **черное** небо... <...>. В минуты просветления тучи расходились, точно, проветривая небо, наверху растворяли окна, отливающие холодною стеклянной **белизной**» [5: с. 325].*

Глубоким философским, даже христианским, восприятием в творчестве Б.Л. Пастернака проникнут мотив покрова черного цвета белым. Образы «белой вьюги», окутавшей землю, «белой земли» (в значении «покрытой снегом»), «белой пены» над чернотой волн связаны с символикой белого савана смерти, белого покрова невесты и тому подобного. Та же тенденция прослеживается и в описании мира вещей. Антонина Александровна, боясь «**черной** неблагодарности», дарит женщине, которой поручается охранять оставленное имущество, ткани. «*И все материи были **темные** в **белую** клетку или горошком, как в **белую** крапинку была **темная** снежная улица, смотревшая в этот прощальный вечер в незанавешенные, голые окна*» [5: с. 207].

Цветоорганизация романа не обошла и социальный вопрос разграничения общества на людей «белой кости» и «чернь». Пастернак был противником такого неравенства. В романе он утверждает смерть «белой касты», как на событийном, так и на образном уровнях. Так, в ночь после похорон матери Юру поражает неестественно белый цвет, сопровождающий бурю, причиной самоубийства отца называют «**белую** горячку», Паша Антипов, «**черная** кость», заканчивает университет по двум специальностям, его друг, сын дворянина, татарин Галиуллин, становится белым офицером, наступили «**времена черные, страшные, тревожные**».

С белым цветом связано женское начало, носителем которого в романе является Лара. Она белокура, автор подчеркивает белизну ее рук. Эпитетом «белая» наделяются и другие женские образы: мама Васи, Тягунова, первая жена Микулицына. Белизну женского образа оттеняет мгла, темная сила: «*Под той **белой** полосой дождливого уличного неба. Там он опять получит в дар из рук творца эту богом созданную **белую** прелесть. Дверь отворит в темное закутанная фигура*» [5: с. 118].

Оттенки синего связаны с описанием синего неба, синего пространства и представлены у Б.Л. Пастернака в следующих примерах:

*Когда в исходе дней дождливых
Меж туч проглянет **синева**...*

(«Когда разгуляется», 1956) [6: с. 63]

*И так неистовы на **синем***

Разбеги огненных стволов...

(«Сосны», 1941) [6: с. 41]

С намеренным однообразием,

*Как мазь, густая **синева***

Ложится зайчиками наземь...

(«Сосны», 1941) [6: с. 41]

Раскрывая в романе «Доктор Живаго» один из философских вопросов, на котором «помешан» главный герой Юрий Андреевич, вопрос о мимикрии, внешнем приспособлении организмов к окраске окружающей среды, Пастернак использует цветовые лексемы в виде лексического повтора: «Цветным складывающимся и раскрывающимся лоскутком пролетела с солнечной стороны **коричнево-крапчатая бабочка**. <...> Она села на то, что больше всего походило на её окраску, на **коричнево-крапчатую кору сосны**, с которой она и слилась совершенно неотличимо. Бабочка незаметно ступевалась на ней, как бесследно терялся Юрий Андреевич для постороннего глаза под игравшей на нём сеткой солнечных лучей и теней. Привычный круг мыслей овладел Юрием Андреевичем. Он во многих работах по медицине косвенно затрагивал его. О воле и целесообразности, как следствии совершенствующегося приспособления. О мимикрии, о раздражительной и предохранительной окраске. О выживании наиболее приспособленных, о том, что, может быть, путь, откладываемый естественным отбором, и есть путь выработки и рождения сознания.

Что такое субъект? Что такое объект? Как дать определение их тождества?

В размышлениях доктора Дарвин встречался с Шеллингом, а пролетевшая бабочка – с современной живописью, с импрессионистическим искусством. Он думал о творении, твари, творчестве и притворстве».

Все эти понятия – творение как создание всего мира Творцом, любая тварь (человек ли, бабочка ли), творчество как мир, созданный человеком, и притворство – оказываются для Живаго связанными между собой. И все они всплывают в его сознании в связи с мимикрией. Возможно, потому, что само творчество, по Пастернаку, приспособляется к действительному миру, мир же,

в свою очередь, входит в искусство. Таким образом, оба мира – мир настоящий и мир вымышленный – мимикрируют один под другого [9].

Таким образом, Б.Л. Пастернак – писатель, виртуозно владевший искусством создания цветового образа. Цвет у Пастернака – это целая цветовая гамма, отражающая особенность описываемого, это часть души, внутреннего мира того, что изображает поэт. В произведениях Б.Л. Пастернака отразились существенные стороны действительности той исторической эпохи, современником которой он был, но наряду с этим явно просматривается поразительный прорыв в век двадцать первый. В качестве цветовых доминант в произведениях Б.Л. Пастернака, характеризующих идиостиль писателя, можно выделить

оттенки черного, синего и белого. Самым объемным микрополем является микрополе *черного* цвета. Доминанта – *черный* (94). Ближняя периферия: темный (55); дальняя периферия: пасмурный (32), тусклый (20), погрязневший (12), мрачный (23), кофейный (5).

Черный цвет (около 90 словоупотреблений) в контексте произведений Б.Л. Пастернака доминирует, и среди лексики, указывающей на яркость и насыщенность цвета без указания на основной тон, также лидируют слова со значением “темный”, “мутный”, “сумрачный”, “тусклый” и подобные. В связи с этим можно сделать вывод о том, что в языковой картине мира Б.Л. Пастернака воплощается трагическая направленность мировосприятия художника слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. – М.: Наука, 1975.
2. Бер У. Что означают цвета. – Ростов–н/Д., 1997. – 224 с.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987.
4. Макеев И.В. Семантика цвета в разнотипных языках /Автореф. дис. канд. филол. наук. – Саратов, 2006.
5. Пастернак Б.Л. «Доктор Живаго». – М.: АСТ: Астрель, 2011.
6. Пастернак Б.Л. Сборник стихотворений. – М.: АСТ: Астрель, 2011.
7. Шелепова Н.В. Особенности функционирования цветообозначений в структуре художественного текста – Астрахань, 2012.
8. Сайт <http://kartravel.ru/pasternak>
9. Сайт <http://lit.1september.ru>

Summary

FEATURES COLOR DOMINANTS IN THE WORKS OF B.L. PASTERNAK AS A REFLECTION OF THE WRITER IDIOSTILJA

T.A. Koloskova

Moscow State Regional Institute of Humanities

Abstract. Investigation of color vocabulary in the works of Boris Pasternak reveals its role in shaping the world of the author. Found figuratively and dominant color that characterize idiostyle writer.

Key words: color dominants; idiostyle writer; function color vocabulary.

ПОНИМАНИЕ Б. ПОПЛАВСКИМ СУЩНОСТИ ИСКУССТВА

Латышко О.В.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. В статье показано участие Поплавского в общей эмигрантской полемике о кризисе искусства, понимание поэзии как духовной реальности, откровения, мистического делания в преодолении распада Единого и приближения к Царствию Небесному

Ключевые слова: Б. Поплавский; музыка; единство; религия; кризис искусства; духовная реальность.

В работе А.Ф. Лосева «Строение художественного мироощущения» определен принцип зарождения искусства. Первичное, не тронутое мыслью бытие, которое характеризуется непрерывной творческой текучестью (у Поплавского музыкальная онтология), преобразуется в духовном мире художника в форму красоты. Чистое бытие, чистое настроение («дух музыки» – Поплавского) «представляется в искусстве как нечто, надо прямо сказать, религиозное» [1].

Почти религиозную природу творчества отстаивал и Поплавский: «...создается мелодия, если поэт умеет ее изолировать и развить, развертывается в стихотворении, то есть спасти от исчезновения хочет поэт некое ощущение; причем понял он это, может быть, только через музыку, то есть используя магическую эвocationную силу музыки, подобно заклинанию, ибо рассказать ее невозможно, ибо область лирической поэзии есть область особого рода беспричинных переживаний» («тихих чувств») [2]. Интересно, что желанием сохранить, остановить какой-то миг Поплавский объяснял и живопись: «Может быть, жалость от духа живописи, а трагедия (жертва формой) от духа музыки» [2: с. 97]. Не повторяя мысль Ницше о рождении трагедии из духа музыки, Поплавский пришел к своему выводу: «Искусство рождается из разговора музыки с живописью». («Проявленного духа со сферой отражения и замирания») [2: с. 97]. Поэт далеко не всегда мог выдержать собственные требования к творчеству, нередко разъединяя постулированное им единство мотивов.

Так, например, цикл «Над солнечную музыкой воды» пронизан в основном радостью подчинения духу музыки, солнечному, светлomu (сб. «Снежный час»). А ряд стихотворений, скажем, «Напрасная музыка» (сб. «Дирижабль неизвестного направления»), – продиктованы такой болью, что музыке отказывается в наличии смысла, она

именуется «напрасной». Но оба духовных состояния все же продиктованы одним – восприятием музыкального начала. «Дух музыки есть дух мятущийся, дух хаоса» [1: с. 320], – писал А.Ф. Лосев, но обосновывалась и мысль о «чувстве некоего метафизического утешения, которое дает душе даже самая трагическая музыка» [1: с. 320].

В спасении себя, умирающего, своих ощущений, настроений, Поплавский позже находил и утешение, не только собственной жалости. Искусство многое определило в его раздумьях о мировом зле.

Положение эмигранта, разлука со своей «суженой (Родиной)» [2: с. 224] (блоковская реминисценция) породили убеждение: «...самое большое зло мира это разлучение! Разлука в пространстве и во времени. Первичное распадение Единого» [2: с. 206]. Поэтому высшим благом для автора «Аполлона Безобразова» стало преодоление этого состояния. Устами героини этого романа, Терезы, выражено эмоционально окрашенное представление о счастье: «...мне все кажется, что Царство Небесное – это после долгого ожидания под дождем увидеть вдруг быстро идущего любимого человека. Ад же – вечно ждать и чувствовать, что делается все позднее и позднее, и что он уже не может прийти и, вместе с тем, не мочь сойти с места» [3].

Такое мироощущение сближает, считал Поплавский, поэзию и религию: «Человек настолько хитер, что единственные два настоящие свои страдания: страдание от разлуки с человеком и от разлуки с Богом – сумел превратить в два вида самоистязания: Поэзию и Религию» [2: с. 123]. Сугубо личные, казалось бы, переживания подняты здесь до бытийного уровня. Этот принцип положен и в основу искусства. Поэзия для Поплавского – «рассказ о том, как Бог (жизнь, сущность времени) пронизывает человека, религиозный опыт со стороны индивидуального в нем»

[2: с. 123]. Художник ясно видел разницу между таким искусством и сходной с ним областью метафизики и мистики, которая «есть рассказ о проникновении Богом вселенной, людей вообще, жизни вообще, со стороны общности» [2: с. 123].

Именно мистическим измерением жизни, литературы, эмиграции отличается лирика, проза Поплавского от творчества других представителей «парижской ноты», которые шли за Г. Адамовичем, проповедовавшим глубокую «человечность» и «простоту» формы как цель и характер искусства. Общим для все этой группы (Б. Поплавского, Г. Адамовича, А. Штейгера, Л. Червинской и других) было обращение к вечным вопросам бытия (одинокости, смерти и прочего) и «дневниковый» вид произведений, ставших «документом» души. Поплавский нашел определение «парижская нота» («О мистической атмосфере...») [2: с. 256-259]. Однако как главное выделил в ней метафизическую сущность, религиозное назначение творчества. Оно и противостояло мировому злу – разлучению.

В 1927 г. в журнале «Звено» появилась статья К. Мочульского о «кризисе воображения» (название статьи) в литературе русской эмиграции. Он сетовал на то, что к вымыслу относятся как к «материалу недоброкачественному», творчество диктуется памятью, а не воображением [4]. К этому времени за границей еще не было опубликовано ни одного произведения Поплавского. Однако уже через три года на страницах «Чисел» он как бы спорил с К. Мочульским, отстаивая противоположный взгляд на литературу как на «частную переписку», значение «только документа», отрицая возможность «совать с выдумкой в искусство» («По поводу...») [2: с. 273]. В таких воззрениях Поплавский ориентировался на сторонников сакрального знания: «...разве святые и мистики выдумывали? Их ангелы и их путешествия в астральных мирах были для них абсолютной реальностью, как те черти, хотя бы, за которыми гонялись с кочергами наши национальные алкоголики» («По поводу...») [2: с. 273]. Для Поплавского тоже невыдуманной была «вторая реальность», рожденная напряженной жизнью духа.

Истинно-поэтическое он призывал находить (ссылаясь на опыт других художников) в своем обыденном, «домашнем»: «...поэзия должна быть личным, домашним делом; только тот, кто у себя дома в старом рваном пиджаке принимает вечность и с ней имеет какие-то мелкие и жалостно-короткие дела, хорошо о ней пишет» [2: с. 94].

Домашнее, спасенное, из жалости к себе, умирающему, ощущение близости кому-то или чему-

то преодолевает «разлуку, распадение Единого»: «Искусство есть частное письмо. Посылаемое неудачу неведомым друзьям и как бы протест против разлуки любящих в пространстве и во времени» [2: с. 283]. В этом священном акте жалость к себе перерастает в жалость к «высшему человеку», рождается «желание защитить» его «от его собственной доброты, укрыть его, найти ему убежище (в эгоизме)» [2: с. 256]. Искусство как мистическое общение с абсолютным Добром (высшим человеком) и противостоит мировому злу – «распадению Единого». Поэтому Поплавский хотел написать «голую мистическую книгу» («Ответ на литературную анкету журнала «Числа»)» [2: с. 277] и не ощущал принципиальной разницы между дневниками, романами, стихами, письмами.

Недостигаемым образцом такого творчества для Поплавского были, конечно, Священное Писание, пророческие книги, Откровение Иоанна Богослова, Апокалипсис. С. Булгаков объяснил разницу между пророчеством («озарением, где встречается творческое вдохновение с вдохновением божественным») и откровением («односторонним актом Бога в человеке и над человеком») [5]. Поплавский мечтал быть тайнозрителем, свидетелем Слова Божьего. Он понимал этот путь как чудо и благодать, хотя и срывался, отчаивался, шел иногда магическим путем. Главное условие такого искусства, считал Поплавский, – безмолвие, тишина, в которой сердце слушающего может воспринимать тайное, небесное.

Поплавский считал искусство «наиболее predetermined, наименее свободным родом творчества» («Среди сомнений и очевидностей») [2: с. 283]: «Художник прав, лишь когда пифически, пророчески импульсивен, но как личность – внешне пассивен относительно своего духа» [2: с. 284]. Как показал С. Булгаков: «Духовная сравнительная пассивность отличает апокалипсисы от пророчества» [5: с. 12]. Следует подчеркнуть: писатель уповал не на подсознание, а на усыпление рационального начала с целью высвободить музыкальную жизнь духа.

Поплавский понимал, что откровение может быть и не от Бога, но утверждал необходимость и этой участи художника (развивая известные мысли А. Блока): «Обреченный на изображение своих навязчивых тем, непрестанных своих кошмаров и жертва непостоянного своего демона, он несчастнее всего в несвободном мире, ибо он не может себя сделать чем-то иным и переделать» [2: с. 284].

Нарушением этики художника Поплавский, тоже вслед за А. Блоком, считал иронию («все

смеющиеся будут в аду» («О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции») [2: с. 287]. Именно поэтому он не без исключений воспринимал А.С. Пушкина, который, по его мнению, максимального совершенства достиг в ироническом жанре («Евгений Онегин») [2: с. 257]. Благодаря подобным высказываниям о Пушкине Г. Струве публикации Поплавского в «Числах» определил как «своеобразную писаревщину» [6]. А М.Ю. Лермонтова назвал «первым русским христианским писателем», так как он «омыт слезами» («По поводу...») [2: с. 273]. Здесь видна ориентация на Священное Писание; Апостол Иаков говорит: «Сокрушайтесь, плачьте и рыдайте; смех ваш да обратится в плач, и радость – в печаль» (Иак. 4:9).

Многие суждения Поплавского такой направленности были включены в общую ситуацию, сложившуюся в эмиграции. Самой «модной», как писал В. Смоленский [7], темой была – кризис поэзии, кризис искусства. Этой теме были посвя-

щены статьи в журналах и газетах. Ее обсуждали на литературных собраниях и в литературных салонах. Каждый пытался высказаться на этот счет. Развернулась полемика, в которой приняли участие Г. Адамович, Н. Бердяев, И. Лукаш, Г. Раевский, В. Ходасевич и другие [8].

Участие Поплавского в спорах о кризисе поэзии чрезвычайно любопытно. Он не написал ни одной статьи по этой теме, хотя в дневниках, публицистике отражено (что рассмотрено выше) его мучительное ощущение границ искусства и попытки осознать новый тип творчества, новые задачи художника. Участие Поплавского в полемике заключалось в действии против кризиса – и самим Словом, и определением духовных запросов личности. Подлинный талант лирика и романиста был отдан «жреческому» служению светлой цели – оживлению связей человека с Богом. Поплавский, как многие его предшественники и современники, полностью отстранился от чистого эстетизма во имя высоких религиозных устремлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лосев А.Ф. Строение художественного мироощущения / Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение. – М.: Мысль, 1995. – С. 300.
2. Поплавский Б.Ю. Неизданное: Дневники, статьи, стихи, письма. – М: Христианское издательство, 1996. – С. 99.
3. Поплавский Б. Аполлон Безобразов / Поплавский Б. Собрание сочинений : В 3 т. Т.2: Аполлон Безобразов. Домой с небес: Романы. – Согласие. – 2000. – С. 185.
4. Мочульский К. Кризис воображения / Роман и биография // Звено. – Париж. – 1927. - № 2. – С. 75-81.
5. Булгаков С.Н. Апокалипсис Иоанна. Рпыт догматического истолкования. – М., 1991. – Репр. Париж: УМКА-PRESS, 1948. – С. 18.
6. Струве Г. Своеобразная писаревщина /еще о «Числах» // Россия и славянство. – Париж. – 1930. - № 98. – С. 2.
7. Смоленский В. О кризисе и Поэзии // Меч. – Варшава. – 1934. - № 1-2. – С. 8.
8. См. Адамович Г. Невозможность поэзии // Опыты. – Нью-Йорк. – 1957. - № 9. – С. 35-51; Бердяев Н.А. Спасение и творчество // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры, искусства. В 2-т., Т.1. – М.: Искусство, 1994. – С. 343-366; Лукаш И. Заметки на полях: О литературном движении // Возрождение. – Париж. – 1930. - № 1906 (21 августа). – С. 3-4; Раевский Г. О «конце» искусства // Возрождение. – Париж. – 1930. - № 1794 (1 мая). – С. 3-4, Ходасевич В. Книги и люди. Кризис поэзии // Возрождение. – Париж. – 1929. - № 1458. – С. 3.

Summary

UNDERSTANDING OF ART`S ESSENCE BY B. POPLAVSKY

O.V. Latyshko

Moscow State Regional Institute of Humanities

Abstract. The article covers Poplavsky`s participation in general emigrant polemic about the crisis occurring in art, understanding of poetry as spiritual reality, revelation, mystical doing to overpass disintegration of The All and reach The Kingdom of Heaven.

Key words: B. Poplavsky; music; The All; religion; art`s crisis; spiritual reality.

ПОДГОТОВКА ПЕДАГОГОВ К ПРЕПОДАВАНИЮ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЯХ (С СЕРИЕЙ ПОСОБИЙ “CAREER PATHS”)

Мильруд Р.П.

Тамбовский государственный технический университет

Аннотация. В статье рассматривается подготовка педагогов к преподаванию английского языка в специальных целях с серией учебных пособий “Career Paths” (издательство Просвещение – Express Publishing). Разграничивается анализ познавательных нужд и целевых ситуаций в преподавании английского языка, предлагаются «одиннадцать шагов» подготовки педагога к образовательному курсу, дается характеристика пособий и обосновывается их выбор.

Ключевые слова: преподавание английского языка в специальных целях; анализ познавательных нужд; анализ целевых ситуаций.

Постановка проблемы

Одной из ключевых задач при подготовке современного конкурентоспособного выпускника профессионального образовательного учреждения является развитие у него иноязычной компетентности в выбранной профессиональной деятельности. Сегодня изучение английского языка носит прикладной профессионально ориентированный характер, неотделимый от профессионального развития в целом. Будущие профессионалы осознают необходимость в расширении знаний, поэтому изучение иностранного языка в специальных целях – это очевидный ответ на запрос времени. Иностранный язык становится языком профессионального общения.

Традиционно подготовка педагогов к преподаванию английского языка в специальных целях включает создание условий, для того чтобы преподаватель овладел специальным языком будущей профессии учащихся, включая, прежде всего, терминологию отрасли. Вместе с тем, для будущих производителей или иных специалистов важно, чтобы преподаватель английского языка одновременно владел как коммуникативными / обучающими компетенциями, с одной стороны, так и представлениями о будущей профессиональной деятельности своих учащихся. Одним из путей решения проблемы является подготовка педагогов к образовательному курсу английского языка в специальных целях с серией “Career Paths” [1].

Серия пособий «Английский для специальных целей» (издательство Просвещение – Express Publishing) решает задачу формирования и развития профессиональных иноязычных компетен-

ций у студентов колледжей, техникумов, неязыковых вузов, развития уже имеющихся языковых знаний и навыков в рамках выбранной профессии, получения междисциплинарных лингвистических знаний и овладения специальной профессиональной лексикой.

Серия книг предназначена для учебных заведений среднего и высшего профессионального образования (СПО, ВПО) и включает пособия по таким специальностям, как авиация, банковское дело, бухгалтерия, нефтедобыча, спорт, медицина, финансы, строительство, электроника, туризм, право, сельское хозяйство и другие – всего тридцать восемь профессиональных направлений.

Серия “Career Paths” входит в Федеральный перечень учебников, рекомендованных и допущенных Министерством образования и науки РФ, а также имеет гриф «Рекомендовано Экспертным советом при ГБОУ УМЦ ПО ДОГМ для использования в образовательном процессе профессиональных образовательных организаций города Москвы».

Все пособия серии «Английский для специальных целей» имеют интернет-поддержку, к учебникам имеются рабочие программы, которые в свободном доступе находятся на методическом интернет-ресурсе «Express Publishing в России» (Режим доступа: <http://expresspublishing.ru>).

Профессионально ориентированный подход в обучении иностранному языку предполагает обучение в соответствии с конкретными профессионально значимыми целями и задачами на основе тематически и грамматически отобранного материала, отражающего современные профессио-

нальные проблемы и способы их практического решения, а также ситуации возможного коммуникативного взаимодействия с иноязычными представителями. Изучаемый материал обязательно включает профильную терминологию. Основное внимание уделяется моделированию ситуаций в аудитории и процессу коммуникации как двустороннему явлению, направленному на взаимопонимание и взаимодействие участников, стремящихся к социальному партнерству, диалогу и сотрудничеству для достижения практической цели приобретения профессиональной квалификации и повышения профессиональной компетентности.

Содержанием обучения становится не просто языковой, но профессиональный материал, в котором моделируется профессиональный контекст деятельности. Овладение иностранным языком в специальных целях понимается не как овладение речевой деятельностью, а как овладение профессиональной деятельностью.

Обучение английскому языку в специальных целях подразумевает, что образовательный курс английского языка может ориентировать учащихся на продолжение образования и осуществление профессиональной деятельности в иноязычной среде, приобретение новых и востребованных на рынке труда специальностей и достижение других лично значимых перспектив.

Анализ учебных нужд и целевых ситуаций

Преподаватели английского языка не всегда готовы к тому, чтобы перестраивать свою работу в зависимости от анализа запросов учащихся (needs analysis). Типичная ошибка заключается в том, что учащимся, вместо вопроса «В чем будет заключаться Ваша будущая профессиональная деятельность и какое место в ней займет английский язык?», задают вопрос «Почему Вы хотите / не хотите изучать английский язык?» Иными словами, постановка образовательного курса английского языка в специальных целях как бы «перевернута с ног на голову» – фундаментом курса становятся языковые средства, а не профессиональная деятельность.

В действительности же анализ познавательных предпочтений и нужд учащихся далеко не всегда приближает образовательный курс к необходимому уровню адекватности. Намного более эффективным является анализ целевых ситуаций (target situations analysis), в ходе которого устанавливается соответствие задач и форм образовательного курса реальным потребностям будущих специалистов в разнообразных ситуациях их профессиональной деятельности. В зависимости

от содержания профессиональной деятельности выходят на первый план такие формы учебной деятельности, как технический перевод для инженеров или подготовка презентаций на профессионально важные темы для менеджеров, обобщение результатов исследований в статьях или докладах на иностранном языке для аспирантов, написание деловых писем для секретарей или проведение экскурсий для гидов, ведение международной переписки учреждения для референтов или разработка рекламных проспектов для PR-специалистов, оказание медицинских услуг для домашних медсестер или ремонтных технических услуг для сантехников, выполнение обязанностей домашней няни в англоговорящей семье для будущих «au pair», а также осуществление иной профессиональной деятельности, для которой нужен английский язык.

Технический перевод является одной из самых распространенных форм преподавания английского языка в специальных целях.

С одной стороны, перевод является эффективным способом введения, закрепления и применения программного языкового материала.

С другой стороны, переводческая деятельность далеко не всегда реально включается в круг профессиональных задач, решаемых специалистами-инженерами. Формирование у педагога умения анализировать целевые ситуации является одним из важных шагов в процессе его профессиональной подготовки для преподавания английского языка в специальных целях.

Иерархия одиннадцати шагов

Шаги на пути к формированию педагога-профессионала, готового к преподаванию английского языка в специальных целях, можно расположить в следующей иерархической последовательности:

- Гибкая организация обучения;
- Выстраивание учебных заданий;
- Структурирование речевых умений;
- Классификация понятий и терминов;
- Моделирование ситуаций в профессии;
- Выделение тематических разделов;
- Создание реестра компетенций;
- Разработка содержания курса;
- Сравнение культур деятельности;
- Анализ целевых ситуаций профессии;
- Изучение контекста деятельности.

Предлагаемая иерархия шагов имеет в своей основе изучение контекста деятельности будущих специалистов. Далее через анализ целевых ситуаций профессии и сравнение культур дея-

тельности в разных странах разрабатывается содержание образовательного курса. Это позволяет создать реестр формируемых у учащихся компетенций, объединяющих коммуникативные и профессиональные компоненты. После этого в содержании образовательного курса выделяются тематические разделы, классифицируются понятия и термины, структурируются речевые умения в зависимости от их нужности конкретным специалистам (слушание, говорение, чтение и письмо с разной степенью важности грамматической правильности речи). Завершающим шагом служит разработка и выстраивание учебных заданий, включая контрольно-измерительные материалы.

Опыт реализации одиннадцати шагов

Попытка реализации одиннадцати шагов подготовки преподавателей к преподаванию английского языка для специальных целей была принята на кафедре «Международная профессиональная и научная коммуникация» Тамбовского государственного технического университета в рамках методологического семинара кафедры.

Для более полной реализации пошаговой подготовки преподавателей необходимо было использовать в учебном процессе разветвленную систему учебно-методических пособий, в которых был бы наиболее полно представлен спектр деловых интересов будущих специалистов – выпускников технического вуза. Этому требованию полностью соответствовала серия пособий по английскому языку для специальных целей – “Career Paths” (Просвещение – Express Publishing).

Общая характеристика серии “Career Paths”

В начале работы методологического семинара преподаватели познакомились с различными пособиями из серии “Career Paths”, включая следующие комплекты, состоящие из книги для учащихся и книги для преподавателя, а также компакт-диска: Tourism, Hotels & Catering, Law, Engineering, Information Technology, Business English, Accounting, Secretarial, Nursing, Beauty, Salon, Banking, Agriculture, Medical, Mechanics, Finance, Construction I – Buildings, Plumbing, Architecture, Petroleum I, Petroleum II, Civil Aviation, Electronics, Electrician, Merchant Navy, Environmental Science, Sports, Command & Control, Air Force, Police, Navy, Flight Attendant, Environmental, Engineering, Management I, Management II, Call Centers, Art & Design, Computing, TAXI Drivers, Construction II - Roads & Highways, Cooking, Software Engineering, Logistics и др.

Был составлен список этих пособий и подготовлена выставка материалов для студентов, которым было дано право выбрать для учебного процесса пособия, представлявшие для них специальный интерес.

Тематическая структура учебных пособий серии “Career Paths” (на примере учебно-методического комплекта “Management”)

Тематическая структура учебных пособий серии “Career Paths” объективно отражает аспекты профессиональной деятельности в соответствующей сфере, что способствует интегрированному решению задачи формирования у учащихся, как коммуникативной компетенции, так и профессиональных представлений.

Покажем на примере тематическую структуру УМК “Management”, который, как и другие издания серии “Career Paths”, включает книгу для обучающихся (условно разделенную на три книги в одном переплете), книгу для преподавателя и компакт-диск с аудиозаписями: Office Supplies, Office Equipment, Computers and Accessories, Parts of the Office, Types of Businesses, Using Money, Bank Accounts, Corporate Governance, Telephone Interactions, Correspondence, Delegating Tasks, Motivating Staff, Networking, International Clients, Business in Different Cultures, Hiring New Employees, Scheduling, Meetings, Presentations, Time Management, Team Building, Negotiating и другие.

Подобная тематическая структура каждого учебного пособия серии “Career Paths” полезна студентам в процессе их овладения профессией, а также преподавателям для профессиональной подготовки к обучению студентов средних и высших профессиональных образовательных организаций.

Язык пособий серии “Career Paths”

Подчеркнем, что каждая из книг серии “Career Paths” содержит тщательно отобранный языковой материал, полностью соответствующий языку той или иной профессиональной сферы, включая термины и профессиональный жаргон.

Например, в учебнике “Taxi Drivers” содержатся такие слова и выражения, как *compass rose, digital dashboard, drop off a passenger, fender, hack license, brake pad, to cruise for passengers, power steering, right-of-way, traffic jam*. Все слова подробно объясняются в глоссариях, прилагаемых к каждой книге.

Уровень трудности языка пособий варьируется. Если в Книге 1 языковой уровень допороговый

(A2) и соответствует возможностям выпускника 9 класса основной школы, то в книге 3 он превышает пороговый уровень (B2) по градации Всеобщих европейских компетенций и соответствует знаниям выпускника 11 класса с углубленным изучением английского языка. Это позволяет вовлечь в активное обучение обучающихся с разным уровнем языковой подготовки.

Тематический, а также лексический материал пособий оказался полезным для языковой подготовки преподавателей, готовящихся к преподаванию английского языка в специальных целях на разных уровнях.

Выбор пособия из серии "Career Paths"

Для выбора учебного пособия из серии "Career Paths" необходимо не только учитывать требования Федеральных государственных образовательных стандартов среднего и высшего профессионального образования по каждой специальности, но также принимать во внимание результаты *анализа целевых ситуаций и образовательных нужд студентов*. Такой подход обеспечивает полное соответствие материала, как структуре требуемых профессиональных компетенций обучающихся, так и перспективам применения английского языка в будущей деятельности, а еще позволяет учитывать их актуальные познавательные запросы в период обучения, поскольку большинство студентов хотело бы связать свою карьеру с английским не столько для того, чтобы читать и переводить со словарем, но ездить за границу и там свободно общаться. Современные молодые люди, изучающие иностранный язык, отличаются осознанностью своего выбора, желанием успешно конкурировать на рынке труда и соответствовать современным тенденциям, требованиям профессии и стремятся использовать языковые знания в своей практической профессиональной деятельности.

Интересно в этой связи мнение сотрудников языковых школ и курсов, которые особенно чутко реагируют на запросы своих клиентов-учащихся. По результатам опроса специалистов по маркетингу и методистов языковых школ, самыми популярными являются курсы Business English, Accounting, Banking, Finance и Management.

У банковских служащих специалисты по мар-

кетингу отметили реальную потребность в изучении языка. Они подчеркнули также, что многим клиентам из руководящего звена компаний английский язык очень важен, так как необходим для работы.

Вторая категория учебников, которая особенно востребована, – это Information Technology и Computing. Клиентам языковых школ часто недостаточно информации, и им приходится обращаться к англоязычным сайтам, что создает потребность в изучении языка в выбранном направлении.

Третья категория – Nursing и Medical. Некоторые клиенты, работающие в медицинской сфере, посещают сейчас конференции и проходят стажировки за рубежом. Их число тоже растет. Наконец, отмечается недостаток материалов при подготовке военных, полицейских и тех, чья работа связана с сельским хозяйством, то есть книги Command & Control, Police и Agriculture также бывают востребованы. В крупных городах английский язык нужен водителям такси, и для них в серии "Career Paths" имеется соответствующее пособие.

Полученные рекомендации специалистов по маркетингу оказались полезными для преподавателей в процессе их подготовки к преподаванию английского языка в специальных целях.

Поддержка педагога

Существенную поддержку педагоги, обучающие английскому языку в специальных целях с серией "Career Paths", получают в книге для преподавателя. Книга помогает начинающим преподавателям овладеть современными технологиями преподавания, дает ключи к заданиям книги для учащихся, подсказывающих правильное решение *специфических профессиональных проблем*, облегчает задачу ориентироваться в языковых трудностях учебного материала.

Опыт работы с учебными пособиями из серии "Career Paths" показал, что эти материалы могут быть полезными не только для обучения студентов английскому языку в системе среднего и высшего профессионального образования, но также для подготовки педагогов к преподаванию английского языка в специальных целях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Express Publishing в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://expresspublishing.ru>.
2. Иностранные языки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inyaz.prosv.ru>.
3. Просвещение. Иностранные языки. Интернет-издание для учителя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iyazyki.ru>.

Summary

**PREPARING TEACHERS TO TEACH ENGLISH
FOR SPECIAL PURPOSES
(WITH A SERIES OF BENEFITS “CAREER PATHS”)**

R.P. Milrud

Tambov State Technical University

Abstract. The article discusses the preparation of teachers for teaching English for special purposes with a series of tutorials “Career Paths” (publishing house Enlightenment - Express Publishing). Delimited analysis of cognitive needs and target situations in teaching English, offered “Eleven Steps” training of the teacher to the educational course, describes the benefits and justify their choice.

Key words: teaching English for special purposes; Analysis of cognitive needs; analysis of target situations.

О РОЛИ ОБЩЕЭМИГРАНТСКИХ ОБРАЗНЫХ КОНЦЕПТОВ В КОНСТРУИРОВАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА ПОЭМЫ В ПРОЗЕ С. ШАРШУНА «ДОЛГОЛИКОВ»

Рюкина А.А.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. В статье исследованы художественные возможности образных концептов «зеркала» и «рая-ада» в деле формирования художественного мира поэмы в прозе С. Шаршуна «Долголиков». Показана функция отражений как форм неомифологического постулирования главного героя в художественном пространстве поэмы. Выявлено художественное переосмысление устойчивой эмигрантской метафоры «рая-ада» как отражения жизни в эмиграции и на родине в тексте поэмы С. Шаршуна.

Ключевые слова: метафора; личина; тема родины.

Несмотря на безусловную оригинальность творческой манеры Сергея Шаршуна, он всегда оставался продолжателем мощной эстетической традиции литературы Русского Зарубежья. А любая литература – это единое множество не столько имен и названий, а сколько идей, сюжетов, образов, метафор.

Литература Русского Зарубежья также характеризуется набором литературных образов, мотивов, тем, составляющих «изгнаннический комплекс» в русском словесном искусстве XX века. Они перекликаются, стилистически продолжают друг друга или, наоборот, противоречат, исключают остальные. Это способствует созданию единого стиля, отличающего ту или иную литературу. От этой некоторой общей художественной составляющей возникает чувство причастности писателя к общей литературной традиции, благодаря которому уходит ощущение одиночества его положения и случайности его творчества, столь характерных для младоэмигрантской эстетики. Появляется возможность вписать в определенный контекст забытые или утраченные имена, как мы стремимся это сделать в случае с Шаршуном.

Действительно, в образной структуре его поэмы в прозе «Долголиков» основополагающими являются такие общеэмигрантские образные концепты, как метафоры зеркала и рая-ада как индизонного противопоставления положения на родине и в эмиграции.

По наблюдениям Л.М. Грановской, в эмигрантской образной системе зеркало – «символ пустоты, беспредельности и бессмысленности отражений» [2: с. 80]. В его светлом бездонном пространстве предстает мир, недоступный созерцанию, фрагмент ограниченного, лишённого связей

с окружающим, искаженного мира. Так, языковед отмечает, что зеркало у В. Ходасевича, – это асфальт и мокрый тротуар, в которых отражается светлое и высокое небо, противопоставленное грешной земле. В творчестве А. Присмановой «мир уподоблен аквариуму, в котором изломанность отражений трансформирована стеклом и водной поверхностью» [там же]. По наблюдениям Ю. Левина, зеркало и как предмет действительности, и как метафорически нагруженный образ неоднократно используется В. Набоковым. Именно в таком же качестве образ зеркала фигурирует и в произведении С. Шаршуна «Долголиков».

С первой фразы поэмы в прозе на призрачность происходящего указывает мотив отражения, когда во вступлении описывается не портрет Долголикова, а представлена только «фотография героя». Если в начале текста в объектив попадает сам герой, то к концу его роль меняется на противоположную, и он зовется «наш знаменитый кинооператор» [с. 130]. Сначала зеркала как основной элемент оптических приборов выступают в качестве реального предмета, являясь составной частью окуляров бинокля, с помощью которого Долголикова на берегу реки разглядывают двое незнакомцев. В 9-й главе под недвусмысленным названием «Русский Нарцисс» мы становимся свидетелями момента разглядывания собственного отражения в водной глади водоема, так что прямое значение слово «зеркало» меняется на переносное.

Этимологически слово «зеркало» родственно диалектному глаголу «зеркать – «смотреть, видеть» [8: с. 79]. В тексте Шаршуна слово «зеркало» также связано с процессуальной характеристикой момента разглядывания. На это указыва-

ют различные общекультурные образы, которые прочитывает в своем отражении главный герой: Нарцисса, Наполеона, Мефистофеля и других.

Стоит заметить, что эти образы возникали в сознании главного героя поэмы в моменты разглядывания себя в зеркале. Эти отражения являются полной противоположностью той высокой духовной сущности Долголикова, разработанной в концепции «внутреннего человека».

Михаил Долголиков является характерным «героем эмигрантской молодой литературы», который соединяет в себе черты «внутреннего человека» и «подпольного человека», по мнению И. Каспэ [3: с. 68]. Возможно, выведение слова «клик» в качестве словообразующего корня его фамилии актуализирует именно духовную ипостась образа главного героя Шаршуна. Первые упоминания о «внутреннем человеке» как о начале бессмертном и духовном в противоположность «внешнему человеку», представляющего собой личину, отягощенную мирской суетой и грехами, мы находим в библейских текстах: «но еще и внешний наш человек тлеет, обаче внутренний обновляется» (2 Кор. 4, 16); «потаенный сердца человек» (1 Пет. 3, 4) [7: с. 85]. Богослов Н.Е. Пестов в книге «Современная практика православного благочестия» замечает, что «внутренний» человек бежит развлечений, в какой-то мере ему всегда необходимо уединение, чтобы уйти из внешнего мира, <...> погрузиться в свой внутренний мир» [4: с. 253]. Так и Долголиков стремится посредством факторов внешнего воздействия, в качестве которых рассматриваются созерцание картин природы, прогулки вдоль рек, прослушивание музыки, в творчестве погрузиться в глубины своего «Я».

С. Шаршун в поэме творит свою неомифологию. По мнению А.Ф. Лосева, миф представляет собой творческое пространство личности, которое состоит из плодов ее деятельностного осмысления мира. История личности с точки зрения мифа может быть представлена бесконечным числом оформленных новообразований, разнообразие которых будет расти в зависимости от выбора пространственно-временного ориентира. Этим объясняется рассмотрение образа Михаила Долголикова в тексте поэмы на фоне широко историко-литературного контекста. Так, помимо включения его в пространство литературного мира Достоевского, в главе «Русский Нарцисс», Долголиков становится похож на «микельанджеловского Моисея», Мефистофеля, Люцифера, Наполеона, колдуна из «Страшной мести» Гоголя и других.

Процесс наблюдения за отражениями героя в зеркалах мифологизируется и становится достоянием не только героя, но и автора. Являя собой не божественное, а демоническое начало, в поэме они выступают в качестве «личин» главного героя. Согласно эстетической концепции М.М. Бахтина, зеркальное отражение демонстрирует наши маски, а не истинное лицо.

Интересно отметить, что возникающие зеркальные образы-отражения Долголикова представляют собой шаржи с выделением каких-то наиболее характерных особенностей внешнего облика их носителя. Так, наблюдение за тем, как герой «простоял <...> со спокойным и важным видом, с широко расставленными, для равновесия, попирающими ногами» [с. 48–49] вызвало в памяти картину В. Орчардсона «Наполеон на Беллерофонте 23 июля 1815 г.» (1880), тогда как приставленные усики на лице сделали его похожим на «микельанджеловского Моисея, <...> Мефистофеля, Люцифера» [с. 49].

В связи с этим можно предположить, что лейтмотив «зеркала» выполняет стиливую задачу по созданию живописного портрета главного героя в тексте поэмы. Автор усиливает отмеченный мотив констатацией фактов из жизни своего героя, у которого с детства процесс разглядывания себя в зеркале являлся одним из любимых. Проводя в таком положении иногда «добрую четверть часа», он пытался найти ответ на один-единственный вопрос: «Что такое – Я?» [с. 48]. Но вот Долголиков «погружает лейки в воду. Зеркало разбилось. Небо – разорвано» и, как результат, «Долголиков погиб в хаосе, перестал существовать» [с. 49]. Но, вернувшись к водоему, «Долголиков снова перед зеркальным кинематографическим аппаратом», «но очередь не его» [с. 51].

Таким образом, с мотивом отражения тесно связан процесс наблюдения за происходящим, что выводит нас на ведущую черту характера главного героя, который является не активным участником, а пассивным наблюдателем событий. Он предпочитает созерцать, мечтать, строить прожекты, вспоминать, но никогда не доводит свои душевные и духовные порывы до материального воплощения в действительности.

На отмеченном в начале противопоставлении зеркальной глади воды и прозрачности зеркала строится во второй половине поэмы в прозе контрастное описание России и Франции: «Россия – океан мути, неунываемой скуки, сумасшедшего горя, хамства, садизма, мазохизма; Франция – зеркало мелкой ясности, трезвости, сухой веселости» [с. 127] (Курсив наш. – А.Р.). Но в «зеркале»

Франции видна Россия. Возможность объединения целого и его части благодаря использованию единой метафоры объясняется творческой концепцией Шаршуна, для которого «исконное знамя России не серп и молот и не двуглавый орел, а Обломов», по мнению Н. Ровской [6: с. 121]. В его представлении Россия ассоциируется не с государственностью, а с индивидуальностью, которая сохраняет самобытные национальные черты вопреки усиливающемуся западному влиянию на формирование славянской культуры. Европейскому практицизму и бездушию Шаршун противопоставляет русскую мечтательность и задумчивость. Для эмигранта Россия всегда ассоциируется с чем-то необъятным, вечно живым и одухотворенным, а чужбина всегда останется лишь бледным подобием жизни.

Контраст усиливается введением в роман второй метафоры рая-ада. Мотив невыносимости жизни в эмиграции, которая приравнивается к аду, звучит в творчестве М. Цветаевой, И. Одоевцевой. Мотив ада, жизни как ада, проходит через произведения Бунина. Б. Поплавский в своей статье «Вокруг «Чисел» (1934) пишет о том, что Родина «спасает эмигрантского молодого человека от холодного люциферического ада» [5, с. 206]. При этом максимально ретушируется религиозно-символический аспект рассмотрения. Б. Поплавский подчеркивает символический смысл одного из центральных образов в поэтике младоэмигрантских текстов, указывая на то, что «эмиграция есть разлука с любимой, а жена – публика – аудитория в России, то есть сама Россия жена, разошедшаяся со своим мужем, разлучница, изменившая с талантливым проходимцем, но все же любимая» [там же]. Мы видим, как литератор обыгрывает центральный образ России – «жены» А. Блока из цикла «Родина» (1907–1916).

Однако Поплавский заключает, что «в эмиграции Россия есть Русская женщина» [там же], тем самым вписывая этот образ в реалистическую образную концепцию. Снимается религиозно-мистический аспект рассмотрения образа России как Жены, облаченной в Солнце, из Апокалипсиса. Как утверждает М.В. Яковлев в статье «Символика Женственности в поэзии Д. Андреева»: «Мифологема Вечной Женственности имеет широкий смысловой диапазон от нехристианских символов Праматери-Земли и Мировой Души до христианских образов Богородицы и Вселенской Церкви, Небесного Иерусалима как «Жены и Невесты Агнца» (Откр. 21:9), от гностического откровения Третьей Ипостаси, явленной в сочинении А.Н. Шмидт

«Третий Завет» (1886?) до национального эсхатологического мифа о России как Богоземле, как Пространстве Откровения о последних судьбах человечества» [10, с. 71]. Этот же образ возникает и у Поплавского, и у Шаршуна.

Тема России выступает как связующее звено между героями двух писателей, живущими в Европе, в обращении к которой прослеживается подражание гоголевской стилизованной манере. Как ад осознает жизнь Б. Поплавский. Напротив, рай облекает приметам России.

В поэме Шаршуна параллель ад–рай как отражение жизни в эмиграции и на родине не имеет прямого воплощения. Рай здесь больше осмысливается в прямом своем значении как Царствие Небесное: «Ковер облаков, занавешивавших рай, приоткрывал царские врата на одну золотую ступеньку осеннего бугра, подсказав путь за другую сторону горизонта» [с. 19]. Однако мотив обывательской жизни как ада в романе звучит отчетливо. Новый зал «Ротонды» назван «искусственным» [с. 77], «пуританским» раем [с. 85]. Долголиков не хочет устанавливать «сообщения с Адом» близрасположенных улиц [с. 75]. В святилище искусства не возможен «сад пыток», в который превратился дворовый садик благодаря жестокому обращению с птицами человека, свидетелем чего Долголиков был «на пороге своей комнаты нищенского отеля» [с. 102].

В поэме С. Шаршуна «Долголиков» показано разрушающее влияние действительности, человеческого мира, частью которого является и сам главный герой. Осознание этого и объясняет трагичность его образа.

В 6-й главе «Весенний улей» описывается идиллическая картина, за которой на этот раз равнодушно наблюдал главный герой: «Дикие голуби блаженно расхаживали в мокрой траве, задевая хлеб. Взлетали на верхушки деревьев сушиться, отдыхать» [с. 34]. К наблюдениям, рассмотренным в первом примере, добавляется замечание о том, что между Долголиковым и природой, которую олицетворяют в поэме птицы, есть тесная связь. Об этом говорит его другое (по сравнению с обычным) ощущение при наблюдении за птицами, которые вскоре подверглись нападению кота.

В описанном эпизоде обыгрывается символическая роль образа голубя. В библейской образной системе голубь является символом Святого Духа. Именно голубя выпускал из ковчега Ной после Потопа, чтобы узнать, существует ли жизнь за пределами ковчега.

Как отмечает В.Н. Бурлак в книге «Русский

Париж» (2008), по поверью парижских живописцев, «белоснежный голубь – судьба художника. Там, куда он приземлится, ищи ключ к своему будущему» [1: с. 268]. Шаршун делает читателя свидетелем сцены, где белого голубя безжалостно убивают на глазах «сотни людей, не сделавших ни жеста, ни издавших звука» [с. 34]. Так, в аллегорическом плане Шаршун показывает итог

жизненного пути русского художника-эмигранта на чужбине.

Итак, можно сделать вывод, что образная структура поэмы в прозе С. Шаршуна «Долголиков» выводит нас к проблематике произведения, где лейтмотивом проходит идея невозможности комфортного существования русского художника на чужбине в духовном смысле этого слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурлак В.Н. Русский Париж. – М.: Вече, 2008. – 416 с.: ил.
2. Грановская Л.М. Русский язык в «рассеянии». Очерки по языку русской эмиграции первой волны. – М.: ИРЯЗ, 1995. – 176 с.
3. Каспэ И. Искусство отсутствовать: Незамеченное поколение русской литературы. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 192 с.
4. Пестов Н.Е. Современная практика православного благочестия: в 2 т. – Т. 1. – М.: Братство святого апостола Иоанна Богослова, 2012. – 736 с.
5. Поплавский Б. Вокруг «Чисел» // Числа. – 1934. – № 10. – С. 204–209.
6. Ровская Н. Сергей Шаршун // Новый журнал. – 1986. – № 163. – С. 119–127.
7. Седакова О.А. Церковнославяно-русские паронимы: Материалы к словарю. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2005. – 432 с.
8. Шаповалова О.А. Этимологический словарь русского языка. – Ростов-н/Д.: Феникс, 2007. – 240 с.
9. Шаршун С. Долголиков. – Париж: Вопрос, 1961. – 164 с. В тексте цитируется это издание с указанием номера страниц в квадратных скобках.
10. Яковлев М.В. Гоголь в восприятии русских символистов // Литература в меняющемся мире: Сборник статей по результатам Всероссийской заочной научно-практической конференции. – Орехово-Зуево: МГОГИ, 2014. – С. 127–137.

Summary

ABOUT A ROLE EMIGRANT FIGURATIVE CONCEPTS IN DESIGNING OF ART SPACE OF THE S.SHARSHUN'S POEM IN PROSE «DOLGOLIKOV»

A.A. Ryukina

Moscow State Regional Humanitarian Institute

Abstract. In paper art possibilities figurative concepts «mirror» and «paradise-hell» in business of formation of the art world of the S. Sharshun's poem in prose «Dolgolikov» are investigated. Function of reflexions as forms of neomythological postulation of the protagonist in art space of a poem is revealed. Art reconsideration of a resistant to emigrant metaphor of «paradise-hell» as life reflexions in emigration and in the homeland in the text of the S. Sharshun's poem is shown.

Key words: metaphor, mask, native land theme.

ОДНОВРЕМЕННОСТЬ СОБЫТИЙ КАК СРЕДСТВО АКТУАЛИЗАЦИИ КАУЗАЛЬНОСТИ

Рафик Сантросян

ЕГЛУ им. В.Я. Брюсова (Армения)

Аннотация. В данной статье рассматривается каузальная связь между действиями в качестве доказательств в судебном деле с точки зрения времени и пространства. Языковое конструирование любого события уголовного характера играет важную роль в судебном процессе, и эта значимость заключается в применении абстрактно-правовых норм по отношению к конкретным неязыковым событиям, так как таким образом формулирование данного события превращается в важный текстообразующий фактор на лексическом, синтагматическом, синтаксическом и дискурсивном уровнях.

Ключевые слова: каузальность; синхронность событий; криминальное дело; правовая норма; языковая реконструкция.

Цель данной статьи – прагматический анализ причинно-следственных связей в судебно-правовом дискурсе. Учитывая тот факт, что правовой дискурс сам по себе является предметом обширного исследования, не укладывающегося в формат статьи, предметом анализа становятся тексты основных субъектов или акторов правового дискурса: подсудимый, защитник, истец, судья. Важно подчеркнуть, что как простые, так и сложные средства актуализации каузальности, равно как и другие лингвистические элементы, должны быть исследованы с прагматических позиций, что позволит выявить прагмалингвистические функции указанных средств выражения.

Причинно-следственная соотносительность действий, способная выступать в качестве доказательства либо иной основы для привлечения к уголовной ответственности, зависит как от времени, так и от пространства. Экспликация пространственно-временной соотносительности действия и события¹ предоставляет возможность указать на тот факт, что событие может являться результатом действия. В контексте судебного разбирательства тем не менее чрезвычайно распространены конструкции, оформленные при помощи средств-актуализаторов каузальности. Основная

функция подобных конструкций – экспликация одновременных или почти одновременных действий как основополагающего компонента причинно-следственной связи между действиями подсудимого и ущербом, нанесенным потерпевшей стороне. При этом, естественно, сторона защиты либо отрицает постулируемую обвинителем синхронность, либо пытается представить последнюю как стечение обстоятельств. Например, классическая модель детективного текста, начиная с XIX века, формируется именно на этом принципе относительной одновременности. Сюжет всегда строится с помощью сбора улик, следов, которые являются нанесенным ущербом, но каждый шаг следователя предполагает одновременное существование действий подсудимого (будущего, предполагаемого). Такая амбивалентность, уходящая корнями в судебно-правовой дискурс, позволяет авторам детективных рассказов создавать напряжённость (саспенс), игру с читательским ожиданием. Ожидание разоблачения преступления всегда говорит о предполагаемой выгоде преступника, которая раскрывается постепенно, по ходу реконструкции истории «нанесения ущерба» пострадавшей стороне. Последовательное собирание улик, раскрытие преступления в детективном нарративе заменяет собой судебно-правовой дискурс, репрезентация которого чаще всего отсутствует в детективном жанре. Однако некоторые образцы постмодернистского детектива и триллера в качестве эксперимента воспроизводят не классическое «расследование», а именно судебные и предсудебные процедуры: допрос, судебный процесс, привнося в фикциональное пространство документальность и «эффект реально-

¹ Согласно Дж. Пустейовскому, можно выделить три типа событий: а) состояние, которое предполагает одно событие безотносительно другого события S-e; б) процесс, который является последовательностью событий, обозначающих смыслопорождающие высказывания P-e1-en; в) переход как событие, обозначающее некоторое смылосодержащее высказывание, которое соответствует собственному отрицанию: T=P->S, где T – это переход, состоящий из P-процесса, который погашает S - состояние. [6: с. 56].

сти», усиливая рецептивные возможности текста. Среди постмодернистских текстов, вступающих в процесс подобной игры балансирования между «расследованием» и развертыванием судебно-правового дискурса, можно назвать, например, роман «Артур и Джордж» английского писателя Джулиана Барнса, где «судебный процесс», «допрос» заменяют собой классический детективный нарратив «поисков» частного детектива.

Как отмечают Харт и Оноре, «право преимущественно имеет дело не с последовательностью в философском или научном понимании, но с представлением обычного человека».

Рассуждая о причинности в представлении так называемого «обычного человека», в частности, упоминается тот факт, что когда два события следуют друг за другом, первое обычно представляется причиной второго [5].

Представление последовательности в качестве причинности является предметом философского рассмотрения еще со времен Юма, утверждавшего, что подобная процедура приводит к логически неправильной аргументации. Рассел же и вовсе отрицал причинность, считая ее бессмыслицей. Другие считали отождествление последовательности и причинности не только эффективным, но и оправданным и уместным.

Любой текст приобретает развертывающуюся структуру благодаря ряду речевых, синтаксических и лексико-синтаксических конструкций (средств актуализации каузальности), которые обеспечивают не только продолжительность дискурса, но и гомогенность его объекта.

В рамках данной работы анализируются только те языковые средства, которые либо способствуют актуализации каузальности, либо создают ее.

Азуель Атиас полагает, что «... основная цель криминально-правового дискурса (особенно в случае преступлений причинного характера) заключается в установлении причинных связей между действиями подозреваемого и их нежелательными последствиями» [1: с. 34]. Так, сторона обвинения (или истец) аргументирует неопровержимость причинных отношений, тогда как сторона защиты доказывает обратное.

Все средства выражения каузальности – лексические, грамматические, текстуальные – могут быть рассмотрены в пределах теории Грайса, согласно которой необходимо дифференцировать «буквальный смысл» и «имплицитруемый (предполагаемый) смысл». По Грайсу [2: с. 44; 3: с. 86-88, 117-137], если предложения могут выступать либо в их «буквальном смысле», независимо от контекста, либо в условном, дискурсивном, имплицит-

ном (при этом последний является производным от первого), то также могут функционировать все языковые средства, создающие семантический фон предложения. Так, Грайс говорит о двух координирующихся уровнях пропозиционального содержания – «сказанном» и «имплицитруемом».

Каузальные средства криминально-правового дискурса также могут быть рассмотрены в плоскости теории Грайса, так как они фактически функционируют в двух ипостасях:

Функционально они призваны отображать соотношение события, действия и цели. Все средства актуализации каузальности фигурируют в предложении со всей своей лингвистической «нагруженностью», реализуя аксилогические функции и функции верификации истинности.

С точки зрения интерпретации и восприятия текста данные средства обеспечивают релевантность конкретных явлений и правовых норм. Актуализация подобного рода обусловлена рядом прагматических факторов, которые обеспечивают возможность выхода на уровень предполагаемых пропозиций.

С точки зрения своих функциональных особенностей средства выражения причинности призваны отображать физическое воздействие на объект, тогда как на иллокутивном уровне говорящий выражает оценку относительно:

а) того, законно или противозаконно данное событие;

б) серьезности события – с точки зрения срока возможного лишения свободы. Логика судебного процесса предполагает предъявление иска, после изучения которого суд выносит решение, в рамках которого причинные связи представлены сквозь призму содержащихся в доводах требований и заключений, базирующихся, в свою очередь, на правовых и общественных нормах и ценностях.

Воспроизведение какого-либо события в рамках уголовного дела само по себе предполагает «событийную единицу», которая представляет собой «совокупность фактических данных, указывающих на наличие компонентов причинения ущерба» [4: с. 409]. Представление события в рамках уголовного дела, таким образом, моделирует возможное положение дел действительности, включая поступки, действия, поведение, мотив, последствия – ситуации, которые могут быть приписаны конкретным людям, в пределах конкретного времени и конкретного пространства.

Рассмотрим с этой точки зрения следующее предложение, представляющее собой выдержку из уголовного дела:

At one point while E.C. was struggling, SOTO pulled out a knife (...), held it inches from E.C.'s neck, and ordered her to stop fighting or he would kill her.

В какой-то момент, когда Е.С. продолжала оказывать сопротивление, SOTO достал нож, приставил к горлу Е.С. и приказал прекратить сопротивляться, иначе он убьет ее.

Рассмотренный пример показывает, что дискурс в общем случае предполагает физическую природу причинности, для создания физической каузальности говорящий (автор) оформляет одновременные или почти одновременные действия при помощи лексико-синтаксических средств.

Таким образом, для одновременности событий /E/, а также для создания подчинительной связи главным средством становится подчинительный союз *while*. Из этого следует, что на уровне употребления причинная связь актуализируется посредством лексико-грамматической категории. К упомянутым средствам актуализации могут быть причислены <<following>> (последующий), /, <<on account of>> (за счет..) <<because of>> (из-за), <<as a result of>> (как следствие) и другие.

На данном этапе рассуждений чрезвычайно интересным представляется упомянутое выше восприятие причинности «обычным человеком». Чтобы попытаться ответить на вопрос, является ли причинность самоочевидной и без ее экспликации посредством лексико-грамматических средств и возможна ли экспликация причинности при помощи одной лишь пунктуации, рассмотрим вышеупомянутый пример без подчинительного союза *while*:

At one point [while] E.C. was struggling, [.] SOTO pulled out a knife (...), held it inches from E.C.'s neck, and ordered her to stop fighting or he would kill her.

В какой-то момент, (когда) Е.С. продолжала оказывать сопротивление, [.] SOTO достал нож, приставил к горлу Е.С. и приказал прекратить сопротивляться, иначе он убьет ее.

Таким образом, $(E \Rightarrow (E_1, E_2, E_3)) = P. \Rightarrow T_{1,2,3,1}$, где обособленное точкой событие (P) в пределах теории Грайса на имплицативном уровне влечет за собой целую серию переходных событий: $T_{1,2,3}$, (pulled out, held it, ordered).

С одной стороны, каузальная связь между данными событиями за пределами текста может быть однозначно отвергнута, а с другой, – каузальность в тексте актуализируется в результате взаимодействия не только лексических, синтаксических, грамматических, но и текстуальных средств.

Таким образом, языковое воспроизведение криминального или криминогенного события в правовой плоскости представляется чрезвычайно важным, и эта важность заключается в применении конкретных правовых норм по отношению к соответствующим экстралингвистическим ситуациям. Языковое моделирование, воспроизведение данного события трансформирует его в текстобъединяющую единицу на синтагматическом, лексико-грамматическом, синтаксическом уровнях. А моделирование и оформление каузальности важно уже по причине одного лишь того факта, что любой институциональный дискурс носит многосубъектный характер, и эта многосубъектность, в свою очередь, предполагает плюрализм взглядов и подходов, а, следовательно, и интерпретаций каузальных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Azuelos-Atias, Sol. *A Pragmatic Analysis of Legal Proofs of Criminal Intent*. Edited by Greg Myers Ruth Wodak. Vol. 25. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins B. V., 2007.
2. Grice, H. P. "Logic and conversation." Edited by P. Cole and J. L. Morgan. *Syntax and Semantics III: Speech Acts* (Academic Press), 1975: 41-58.
3. Grice, P. *Studies in the Way of Words*. Cambridge: Harvard University Press, 1989.
4. Kadmi, J. *Criminal Law*. Vol. II. Tel-Aviv: Tel-Aviv University Press, 1993.
5. Michotte, A. *The Perception of Causality*. London: Publications Universitaires de Louvain, 1963.
6. Pustejovsky, J. *The Syntax of Event Structure*. Elsevier, 1991.
7. Russel, B. "On the Notion of Cause." *Mysticism and Logic*, 1986: 180-208.

Summary

**SIMULTANEITY OF EVENTS AS A LINGUISTIC MEANS
OF EXPRESSING CAUSATION**

Rafik Santrosyan

Yerevan State Linguistic University after V. Brusov

Abstract. The paper aims to explicate causal links between events as evidence for criminal responsibility from spatiotemporal perspective. Linguistic reconstruction of any criminal event is of utter significance in the legal process. This significance lies primarily in the application of an abstract legal norm upon non-linguistic events, since linguistic reconstruction construes the formulation of a given event as a factor of text unity at lexical, syntagmatic, syntactic and discursive levels.

Key words: Causality; simultaneity of events; criminal case; legal norm; linguistic reconstruction.

А.С. ПУШКИН НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ РОССИЯ»

Симачева И.Ю.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. Статья посвящена деятельности журнала «Иллюстрированная Россия» (Париж), отражавшего юбилейные торжества по поводу столетней годовщины гибели А.С. Пушкина.

Ключевые слова: Пушкин; юбилей; эмиграция; журнал «Иллюстрированная Россия».

Журнал «Иллюстрированная Россия» (1924–1939 г.) по преимуществу состоял из иллюстраций, но наряду с этим печатал романы и детективы, специальные материалы для женщин и детей. Он пользовался большой популярностью, как и его предшественница «Нива», журнал предлагал по низким ценам подписки на собрания русских классиков, справочники и так далее.

В 1937 г. издательская деятельность «И.Р.» прошла под знаком Пушкина: к столетию со дня смерти великого поэта вышло полное собрание его сочинений, отдельные тома писем, «Евгений Онегин», сказки. Большинство из фоторепортажей публиковалось на страницах журнала в течение года; можно было узнать, как прошел «Пушкинский вечер» М. Цветаевой (№ 12), как отмечали юбилей в экзотической Африке (№ 15), как идет работа над проектом зарубежного памятника поэту скульптора А.М. Гюрджана (№ 20).

По материалам устроенной С. Лифарем выставки «Пушкин и его эпоха» был выпущен большой иллюстрированный альманах.

«Последние новости» давали высокую оценку этому специальному пушкинскому номеру «Иллюстрированной России» (П.М. Пушкинский номер «Иллюстрированной России» // П.Н. – 1937. – № 5795. – 4 февр. – С. 3). Журнал вышел, чтобы напомнить публике об обстоятельствах жизни поэта и об окружающей его среде. Особенно удачно была составлена графическая сторона номера, дающая читателю обильный материал, иллюстрированный краткой биографией Пушкина, которой начинается номер. Здесь собраны с большой любовью и знанием многочисленные портреты Пушкина, его ближайших друзей-литераторов и декабристов, его жены, А.О. Смирновой. Снимки с картин Репина, Мясоедова, Ге, Наумова закрепляют в памяти знаменательные моменты жизни Пушкина; ряд иллюстрации посвящен его дуэли

и смерти, подробно рассказанных в заключительной статье И. Орешина. Кроме того, снимки с рукописей Пушкина иллюстрируют характер его работы, а многочисленные собственноручные рисунки на рукописях характеризуют игру его воображения. Ряд снимков посвящен местам, где проходила жизнь и деятельность поэта: лицей, Кишиневу, Крыму, Михайловскому, Малинникам, Болдину, последней квартире в Петербурге. Посмертная маска, скульптурное изображение Пушкина на памятниках, фотографии детей и внуков Пушкина заканчивают эту серию.

Интересно подобраны иллюстрации к сценам из различных произведений Пушкина, факсимиле музыки Глинки на один из его романсов, фото композиторов, использовавших произведения Пушкина для опер, симфоний, камерной музыки.

Помещены в номере отзывы современных писателей о Пушкине и обширные выдержки из статей Белинского – родоначальника русской критики.

Свой взгляд на юбилейные мероприятия высказывал в журнале

И.А. Бунин, подчеркивая скорбно-ироническое отношение к ним постановкой кавычек в названии заметки «Пушкинские торжества»: «Страшные дни, страшная годовщина – одно из самых скорбных событий во всей истории России, той России, что дала Его. И сама она, – где она теперь, эта Россия» (И. Л. – № 7. – С. 32).

Рядом с этим мнением соседствовало другое, это стихотворение Лоло «Золотая россыпь»:

Голова давно уж в серебре,
И не тешат праздничные трели,
Мы горим на беженском костре...
Но еще как будто не сгорели...

Спим – и видим общий дом, –
Из тюрьмы воздушной строим терем,
Все еще чего-то жадно ждем,
Все еще во что-то страстно верим...

Есть у нас любимый уголок,
Где храним минувшего осколки...
Книги в ряд стоят на книжной полке –
Золотая россыпь гениальных строк!

Это – Пушкин, наше утешенье,
Яркий светоч — в сумраке ночном!
С ним забудем горе и лишения,
Жить и мыслить сызнова начнем.

Наши речи, ветхие одежды
Засияют. Нет былой тоски...
Где-то там мерцают огоньки,
Воскресают старые надежды...

Созидают сказочный чертог,
Точно в милой детской сказке,
И пылают радостные краски, –
И во храме светлый реет Бог.

Верю, верю, близок час рассвета,
Верю, – край родимый не умрет,
Не умрет великий наш Народ,
Давший нам бессмертного поэта,
Нашей славы девственный исток, –
Золотую россыпь гениальных строк!
(ИЛ. – № 7. – С. 32).

Трудно назвать крупную газету или журнал, которые бы не откликнулись на юбилейные события. Периодика подводила итоги. Если в 1924 г., в честь 125-летия со дня рождения Пушкина, состоялось всего три юбилейных вечера, то в 1936–37 гг. количество встреч, посвященных поэту, исчислялось уже десятками: от Парижа и Ниццы до Шелля и Риоперу, от Сорбонны и Союза русских дворян до скаутских отрядов, от дня образования Парижского Пушкинского комитета под председательством В.А. Маклакова (26 февраля 1935 г.) и до показанной в рамках торжеств оперы Даргомыжского «Русалка» (13 февраля 1938 г.).

Выходило, что жители Зарубежной России становились как бы заочными слушателями постоянного пушкинского семинара, раскинувшегося по всем континентам. Никогда – ни до, ни после – знание о поэте не распространялось в народе так широко и глубоко.

Пушкиниана Зарубежья приобрела народный характер [1: с. 31]. Это была идеология выживания и спасения в отличие от идеологии борьбы. Она не противостояла официальной. Таким образом, взаимообусловленность и взаимовыручка двух идеологий и стали главным залогом долгой жизни Пушкинианы Русского Зарубежья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Филин М.Д. Пушкин как русская идеология в изгнании // «В краю чужом...» Зарубежная Россия и Пушкин. – М., 1998. – С. 19.

Summary

A.S. PUSHKIN ON THE PAGES OF ILLUSTRATED RUSSIA MAGAZINE

I.J. Simacheva

Moscow State Regional Institute of Humanities

Abstract. The article covers the work of the Paris-based Illustrated Russia magazine, which reported on the jubilee celebrations marking A.S. Pushkin's 100 years death anniversary.

Key words: Pushkin; jubilee; emigration; the Illustrated Russia magazine.

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКА ДЛЯ СОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО КОЛОРИТА В ПОЭМЕ-СКАЗКЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ «ЕГОРУШКА»

Трумпокаис Е.Д.

Электростальский медицинский колледж

Аннотация. Статья посвящена средствам создания национального колорита в поэме-сказке «Егорушка» М.И. Цветаевой. Используя эти средства выражения, автор заставляет читателя воспринимать данный конкретный текст как часть именно русского литературного и культурного наследия. Мелодика народных элементов языка вплетена с гармонической точностью мастером слова в музыкальную ткань всего произведения. Используя яркость народного образа, Цветаева показывает наиболее жизненные, живые и типичные национально-самобытные средства и приемы выражения, которые находятся в кровной связи языка писателя с языком общенародным.

Ключевые слова и фразы: лексико-стилистические аспекты; национальный колорит; поэма-сказка «Егорушка»; фольклорный языковой код; простонародная речь.

Одним из неиссякаемых источников, пополнявших традиции образного выражения в художественной литературе, является устное поэтическое творчество народа. Исследователь Гумбольдт полагает, что «на язык одного и того же народа воздействует субъективность одного рода, в каждом языке заложено самобытное мирозерцание и каждый язык в неразрывном единстве с сознанием создает субъективный образ объективного мира» [2: с. 80]. Ощущение «присутствия народного духа» в произведении создается автором при помощи знаков-образов национального языкового кода. Основной источник этих знаков – фольклор. Автор использует как прямое заимствование сюжетов и образов, так и характерные словообразовательные и синтаксические модели. В литературном же тексте огромную роль играют лексико-стилистические аспекты на различных языковых уровнях, которыми автор создает национальный колорит. Понятие «лексико-стилистические аспекты» широко употребляется в лингвистике.

Согласно Словарю-справочнику лингвистических терминов Д.Э. Розенталя «лексическая стилистика изучает стилистические свойства и возможности различных пластов лексики, функционально-стилистическую и эмоционально-экспрессивную окраску слов, целесообразное использование лексических средств языка» [6: с. 162]. Разработкой данного вопроса на протяжении многих лет занимались видные филологи и лингвисты: В.В. Виноградов, А.Х. Востоков, А.А. Потебня, Л.В. Щерба, А.И. Ефимов и многие другие.

К этой проблеме обращается С.Б. Адоньева в книге «Прагматика фольклора», исследуя фольклорные речевые акты. Исследователь подчеркивал, что диминутивы появляются тогда, когда речь идет о предметах и явлениях, имеющих непосредственное отношение к говорящему, к ситуации коммуникации, создающей зону общей оценки, общего поля зрения [1]. Известный исследователь языка художественной литературы А.И. Ефимов советовал изучать народную поэзию с ее простонародным характером. Он отмечал, что благодаря привлечению народных речевых средств, «создается блеск, чистота и бриллиантовая твердость слога литературных произведений» [3: с. 196]. Опираясь на фольклор, многие русские классики придавали выработке характерного слога серьезное значение. В их числе и талантливейшая поэтесса XX века Марина Цветаева.

Исследователь Ю. Иваск дает такую оценку лексике М.И. Цветаевой: «Поэзия М.И. Цветаевой – отталкивается от XVIII в., сохраняя традиции державинско-шишковской школы декламативной поэзии архаистов» [4]. Далее Ю. Иваск повествует о формуле одной из главных задач этой школы, которая гласит об умении смешивать «высокий Славянский» слог с «просторечивым Российским», где «обнимается» высокопарность с простотой. Эту формулу М. Цветаева называет основополагающей, где она «ощущает ее эпиграфом» ко всему своему творчеству. Продолжая эту традицию в своем творчестве, поэтесса очень умело владеет национально-самобытными средствами народного языка. Лексико-стилистический

аспект произведений М.И. Цветаевой неоднократно был предметом внимания исследователей. Несмотря на имеющиеся в этой сфере разработки, многое остается еще не проясненным.

В данной работе мы рассмотрим лексико-стилистические аспекты на всех уровнях языка, а также раскроем идею об инварианте (языке былинны, лирической песни) и варианте (трансформации речевых форм) в незаконченной и малоизученной поэме-сказке М. Цветаевой «Егорушка». В данной статье в этот термин входит описание разноуровневых языковых средств для создания былинной народной образности речи в произведении М.И. Цветаевой. В качестве важнейшего способа, с помощью которого автор создает «народность» речи в своей поэме, является **фонетический аспект**. На этом уровне автор воспроизводит в отдельных словах текста в слабой позиции не фонемы, а звуки (фоны), либо же заменяет слова литературного языка просторечными или диалектными. Исследуя текст поэмы, встречаем следующие разновидности употребления М. Цветаевой фольклорного языкового кода: замена «ч» на «ш»: «С хвостом ли ангел наш,/ Али с крылом – нам *што?*» [7: III, с. 358]; «*Хошь тот кувшин/ И прост на взгляд...*» [III, с. 392]; «*Да штоб тебя, ворчит, да штоб!*» [III, с. 395]; «*Ну што ж, ему Егор, как хошь!*» [III, с. 395]; «*Хошь в рай зови – наплюну!*» [III, с. 395]; «*Чуть – што башки не сшиб с винта!*» [III, с. 397]; «*Хошь волк-я-зверь,*» [III, с. 404]; «*Да што дубы! Да што пуды!*» [III, с. 404]; «*Да красным, кумашным-топлёск платком.*» [III, с. 363]; «*Скидаёт на паренька/ Шушунок свой ватошный.*» [III, с. 378]; «*- Ну, што, купец,/ Как жар-казна?*» [III, с. 382]; «*С колокольной – толкай – хошь кровли!*» [III, с. 383]. На фонетическом уровне можно отметить и замену безударных гласных в окончаниях существительных и прилагательных: «*На сапожки глядит: как стёклы!*» [III, с. 393]. Нередко в авторском тексте наблюдается одновременная подмена гласных и согласных фонем в одном слове: «*Размахнись по сваму медведстеу.*» [III, с. 404], «*Перва **цвова** была./ Сама матушка сплела*» [III, с. 352], «*Долго на **сваво** сына/ Воззирала матушка.*» [III, с. 378], «*Да как схватит **сваво** ребеночка.*» [III, с. 400]. Для имитации простонародной речи М.Цветаева в тексте употребляет эпентетические звуки, которые первоначально отсутствовали в слове, а затем появились в нем под влиянием определенных произношении: «*Уж с **энтоу** вохрой – и кровь не спорь!*» [III, с. 394], «*Уж **энтот** маляр малевать храбрец.*» [III, с. 394], «*А **энтот** пусть почухнет.*» [III, с. 395], «*Где **энти** прошли словно*

вражья рать.» [III, с. 356], «*Чтоб **энтот** сон.*» [III, с. 388].

Морфематический и словообразовательный аспекты лексики присутствуют в поэме-сказке «Егорушка». Автор использует характерные для просторечия традиционные словообразовательные модели: «*После пытки **такоевской** – **торгу.***» [III, с. 388], так же употребление в главе «Купечество» просторечного местоимения «нашенский»: «*По грехам, знать, **нашенским!***» [III, с. 376]. Анализируя морфематический и словообразовательный аспект лексики, можно отметить, что поэма-сказка изобилует речевыми средствами, которые широко представлены в жанре лирической народной песни, где слова со значением уменьшительности или ласкательности используются не только в речи действующих лиц, но и в языке авторского повествования: – «*Ой, вдовушка!*» [III, с. 375], «*А старшой: «Хороша присказочка!»*» [III, с. 375], «*А второй: «Не плоха присвисточка!»*» [III, с. 375], «*Придет серый волчок./ Схватит <Ерку> за бочок!*» [III, с. 352], «*Обронил орел залетный – перышко./ Родился на свет Егорий-свет-Егорушка.*» [III, с. 352], «*Подрастают наши крылышки – перушки!/ Три годочка уж сравнялось Егорушке...*» [III, с. 355], «*Побросали белочки/ Орешки-горошинки./ То на дудочке-сопелочке/ Пастушок хорошенький*» [III, с. 362] – так описывает Цветаева в главе «Пастушество» (в зачине) подрастающего Егорушку. «*Ранним утречком./ Ранним утречком./ Еще курочки спят да уточки./ На зеленый лужок на сборище/ Созывает в рожок Егорушка*» [III, с. 362].

Говоря о национальном колорите и исследуя стилистическую функцию языка, мы рассматриваем не только форму слова (фонетическую, морфемную), но и содержание – стилистическое значение этой формы. Так, уменьшительно-ласкательная форма имени собственного, вынесенная в заглавие поэмы, *Егорушка* содержит аллюзию. Это трансформированный в народном сознании Георгий Победоносец, ключевой символ русской былинной культуры, личностно значимый символ для поэта. Другие же диминутивы (*присвисточка, бочок, годочек и другие*), обращенные к народной речи, имеют не одну, а ряд стилистических функций (гендерная, экспрессивная, эмоциональная, образно-поэтическая, личностная, воздействия и другие).

Много в тексте поэмы глаголов совершенного вида с префиксами *вз-/вс-*, обозначающими резкое, внезапное начало действия: «*В большом смятенье двор./ Скворцы **всполохнуты!***» [III, с. 361], «*Как **взмашет!** Как **спляшет!** Как*

вспышет! Как вздышет!» [III, с. 364], *«Волком взвыть бы, да нельзя.»* [III, с. 353], *«Из плюсу-бархату – / Как плугом взрытые!»* [III, с. 357], *«Да как взгремит в упор»* [III, с. 360], *«Что живем обдери – не взропщет»* [III, с. 392], *«–Взрастай, Егор!»* [III, с. 392].

Автор использует образование новых слов от маркированной основы по модели «взвоят», не имеющей выраженной жанровой или стилистической принадлежности. Все остальные глаголы данного типа являются окказионализмами. Широко в поэме представлена архаизированная лексика. На **лексическом уровне** автор создает национальный колорит путем употребления старинных слов и оборотов для художественной выразительности: *«Черным словом <всех округ хает> – бронит»* [III, с. 355], *«И тычет ей перстом: Гляди!»* [III, с. 354], *«Московский блюдут черед»* [III, с. 356], *«Из одной лоханки трескают»* [III, с. 356], *«Спит, в зипун укутанный.»* [III, с. 366].

Ощущение присутствия народного духа в поэме-сказке М. Цветаева создает за счет обилия архаизмов, причем эти слова, сохранившие прежнее значение, имеют другое звуковое оформление вместо устаревшего: *«Где энти прошли: словно вражья рать»* [III, с. 356]. Интересно здесь и употребление русской народной байки: *«–Придет серый волчок/ Схватит няньку за бочок!»* [III, с. 352].

Говоря о **синтаксическом аспекте** в тексте поэмы, можно отметить, что в словосочетаниях с согласованием определение зачастую находится после определяемого слова, а предлог, относящийся ко всему словосочетанию, удваивается и повторяется и перед определением, и перед определяемым словом: *«И по тропе по той»* [III, с. 359], *«И голубочек над/ Правым над плечиком»*

[III, с. 359], *«Эх, по всем по красным-то/ Я устам – паломница!»* [III, с. 366], *«По следу злomu по темному»* [III, с. 370], *«По самому по личику.»* [III, с. 376], *«Ты звони, Свята, во все во звонницы!»* [III, с. 379]. В тексте имеются также конструкции с однородными сказуемыми, что характерно для синтаксиса фольклорных жанров (в данном случае – баллад): *«Да друг перед дружкою силой хвастать»* [III, с. 356], *«Д`ну обниматься, д`ну целоваться!»* [III, с. 357], *«А баба одна забрела во двор,/ Да к печке – а в печке-то – вой да ор»* [III, с. 357], *«Побагровел Егор, –/ Да как раскатится!/ Да как взгремит в упор»* [III, с. 360], *«Да красного страшного – толк-плечом/ Быка-то – да в лоб ему – щелк-бичом/ Да красным, кумашным-то – плеск-платком»* [III, с. 363], *«Не успела кресточку достать в доказ – / Да как дверью все хлопнут враз!»* [III, с. 376], *«Хороша, говорит, лавчонка,/ Да уж больно купец страшон-то!»* [III, с. 387]. Каждая следующая основа присоединяется при помощи союза «да», что тоже традиционно для баллад. «В поэме «Молодец» М. Цветаевой, по мнению О. Косенко, ощущение присутствия национального духа достигается за счет воспроизведения в тексте элементов не языка (инварианта), а речи (варианта)» [5: с. 86]. Нельзя не согласиться с О. Косенко, так как, исследуя поэму-сказку «Егорушка», можно отметить, что М. Цветаева пользуется видоизменением слов, отличающихся друг от друга в каком-либо отношении при сохранении тождественного морфемного состава. Таким образом, это и позволяет читателю воспринимать данный конкретный текст (поэму-сказку «Егорушка» М. Цветаевой) как часть именно русского литературного и культурного наследия, а также расширяет представление читателя о глубинных механизмах речевого воздействия художественного слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адоньева С.Б. Прагматика фольклора. – Изд-во: СПб ун-та, 2004. – 312 с.
2. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
3. Ефимов А.И. О языке художественных произведений. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во Министерства Просвещения РСФСР, 1954. – 288 с.
4. Иваск Ю. Цветаева // Журнал «Новь». – Таллин. – 1934. – № 6. – С.61–66.
5. Косенко О.В. Национальный языковой код: фонетический, морфематический, лексический, морфологический, синтаксический аспекты (на материале поэмы-сказки М. Цветаевой «Молодец»). Научные школы: новое в современной лингвистике: Сборник научных трудов / отв. ред.: Е.Ф. Киров; ред.-сост. Е.Ю. Геймбух. – М.: МГПУ, 2009. – 134 с.
6. Розенталь Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителей. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.
7. Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. - Т.3. – Кн.2: Драматические произведения./ сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. – М.: Издательский центр «ТЕРРА», 1997. – 480 с. Далее ссылки на тексты М. Цветаевой приводятся по этому изданию с указанием тома и страницы.

Summary

**LEXICAL AND STYLISTIC ASPECTS OF THE LANGUAGE
FOR CREATING NATIONAL COLOUR IN THE POEM-TALE
BY M. I. TSVETAeva “EGORUSHKA”**

E.D. Trumpokais

FMBA “Machines Medical College”, Elektrostal

Abstract: The article is devoted to the means for creating national colour in the poem-tale “Egorushka” by M. I. Tsvetaeva. Using these means of expression the author makes a reader to perceive this particular text as a part of specifically Russian literary and cultural heritage. Melody of folk elements of the language is interspersed with a harmonious precision into the musical texture of the whole poem. Using the vividness of a folk image Tsvetaeva presents the most vital, living and typically national means and methods of expression testifying the close relations of the language of a writer with a national language.

Key words and phrases: lexical and stylistic aspects; national colour; poem-tale “Egorushka”; folkloric language code; speech of the common people.

РОЛЬ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ (ДИНАМИКА МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ УСТАНОВКИ ПРИНИМАЮЩЕГО ЯЗЫКОВОГО КОЛЛЕКТИВА)

Чурюканова Е.О.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. В статье рассматриваются особенности процесса языкового заимствования в философском контексте. Затрагиваются вопросы языковых контактов и динамики мировоззренческой установки принимающего языкового коллектива.

Ключевые слова: мировоззрение; языковой контакт; заимствование; философия; картина мира; социум.

Философское осмысление процесса заимствования как результата контакта языков и наций является необходимым для понимания его лингвистической сущности.

Основная цель данной статьи – попытаться рассмотреть роль заимствований в трансформации мировоззренческой установки заимствующего языкового коллектива.

Вслед за А.Г. Егоровым мы понимаем мировоззрение как совокупность следующих компонентов:

- основание культуры человека;
- обеспечение ощущения бессмертия человека в бытии;
- духовная картина мира;
- система взглядов на объективный мир и место человека в нём;
- идеалы и ценности [7: с. 7-8].

Мировоззрение как духовное воззрение – это концентрическое выражение понимания реальности, духовный центр формирования человеческого представления о реальности.

Процесс трансформации мировоззренческой установки с её ориентацией на культурные идеалы и ценности, обоснованием духовной картины мира выливается и отражается в человеческом слове. М.М. Бахтин, разрабатывая теорию слова, полагает, что «слово в жизни явно не довлеет в себе. Оно возникает из внесловной жизненной ситуации и сохраняет самую тесную связь с ней. Более того, слово непосредственно восполняется самою жизнью и не может быть оторвано от неё без того, чтобы не утратить своего смысла» [1: с. 77]. Таким образом, слово не мыслится вне человеческой жизни, но может ли человеческая жизнь существовать без слова?

В. Гумбольдт, определяя язык как «орган внутреннего бытия», отмечает, что «человек думает,

чувствует и живёт только в языке, он должен сначала сформироваться посредством языка» [6: с. 378].

Язык, возникнув одновременно с человеческим обществом, всегда сопутствует ему на всём пути своего развития. В этом проявляется диалектическое единство языка и общества. О социальной сущности языка написано немало исследований, и все они подчёркивают, что язык nascitur «социально детерминирован» [2: с. 63].

Социальная детерминированность языка определяется не только взаимоотношениями языка с другими общественными институтами, но и природой самого языка. Слово, по М.М. Бахтину, – это «костяк, который обрастает живой плотью только в процессе творческого восприятия, следовательно, только в процессе живого социального общения» [1: с. 87].

М.М. Бахтин воспринимает идущую от В. Гумбольдта традицию, согласно которой язык – это миропонимание. По М.М. Бахтину, это специфичный для данной культуры способ словесного оформления осмысления мира. «Социальный кругозор» – определённая культурная установка, та область значений, которая отведена индивидуальному сознанию данной эпохой и культурной ситуацией. «Слово» – целостная смысловая позиция, индивидуальный взгляд на мир в рамках того или иного языка и социального кругозора.

Социальная сущность языка проявляется в его способности реагировать на изменения, происходящие в обществе. М.М. Бахтин называет это явление «социальным вездесущим» слова. «Ведь слово вкрадывается буквально во всякое взаимодействие и взаимосоприкосновение людей: в трудовое сотрудничество, в идеологическое общение, в случайные жизненные соприкосновения, полити-

ческие взаимоотношения и прочее... Вполне понятно, что слово будет наиболее чутким показателем социальных изменений.

Слово – та среда, в которой происходят медленные количественные накопления тех изменений, которые ещё не успели перейти в новое идеологическое качество... Слово способно фиксировать все переходные, тончайшие и мимолётные фазисы социальных изменений» [1: с. 362].

Живая языковая материя – не застывший продукт социальной жизни: она непрерывно движется в своём развитии за развитием общественной жизни.

С философской точки зрения, лексическая система выступает в качестве носителя философско-мировоззренческого значения; лексика – «фактор, отражающий, определяющий и формирующий национальное мировидение» [9: с. 81]. Семантически организованный лексический состав языка представляет собой не только (и не столько) словарь данного языка, но и словарное воплощение модели мира, существующей в языковом сознании данного народа.

Как писал В. Гумбольдт, различные языки являются различными мировидениями, так что специфику каждого конкретного языка обуславливает «языковое сознание народа», на нём говорящего: «Каждый язык вбирает в себя нечто от конкретного своеобразия своей нации и в свою очередь действует на неё в том же направлении» [6: с. 166].

Неразрывность и взаимосвязь языка и народа является базовым в концепции языка В. Гумбольдта. Язык трактуется им не просто как средство, выполняющее коммуникативную функцию, но как база, необходимая для развития духовных сил человека и формирования мировоззрения.

Язык – это работа духа и внешнее проявление духа народа. Как не похожи друг на друга нации, так не похожи друг на друга их языки: «Различия между языками суть нечто большее, чем просто знаковые различия, слова и формы слов образуют и определяют понятия, различные языки по своей сути, по своему влиянию на познание и чувства являются в действительности различными мировидениями» [6: с. 370]. Это особое мировидение, или, выражаясь современным языком, специфичная языковая картина мира, закреплена в грамматике, а именно: в семантически значимых грамматических категориях и в лексической системе языка, которая является наиболее открытой и способной отражать языковые, а, следовательно, и мировоззренческие изменения.

По мнению Л. Вайсгербера, каждый язык соз-

даёт свой понятийный мир, который служит как бы посредником между действительностью и человеком. Всё действительное бытие должно быть превращено в языковое бытие, после чего оно становится духовным миром человека: языковое бытие определяет миропонимание человека. Язык имеет решающее влияние на формирование духа народа, его национальную культуру. Родной язык, складывающийся столетиями, приобретает вещную духовную силу. Дух родного языка предопределяет основы восприятия реальности для говорящего на родном языке, идеи о языке как активном начале, стоящем между человеком и природой [4: с. 107].

Родной язык выступает у Л. Вайсгербера как основа существования всякого народного сообщества, как та нить, что связывает теперешних носителей языка между собой и с будущими, и с прошлыми поколениями. Передача языка включает и формы, и специфические понятийные средства, поэтому, обретая язык, члены сообщества обретают и закреплённое в нём определённое представление о мире. Родной язык создаёт основу для общения в виде выработки сходного у всех его носителей образа мышления. Причём и представление о мире, и образ мышления – результаты идущего в языке постоянного процесса мирозидания, познание мира специфическими средствами данного языка в данном языковом сообществе.

Для Л. Вайсгербера восприятие мира происходит опосредованно, через понятийную призму родного языка, который имеет большое значение в формировании и передаче «относительно естественного мировоззрения» [4: с. 118].

Действительная и объективная картина мира запечатлена в языках неодинаковым образом. При этом сам факт различия языков указывает на то, что не языки образуют различные «картины мира», но что неодинаковое отражение в языках объективного мира обуславливается главными действующими силами, посредническую деятельность в отношениях между которыми и выполняет язык, – человеческим сознанием в его познавательной деятельности и объективной действительностью, на которую и направлена эта деятельность.

В нашей работе мы понимаем познание как специфический вид духовной деятельности человека, процесс постижения окружающего мира. Результатом познания является знание – человеческая информация о мире, идеальный образ действительности. Таким образом, если рассматривать мировоззрение в качестве обобщённой системы взглядов на объективный мир, то необходимо включить в него познание и знание, поскольку они вносят определённый вклад в формирование

мировоззрения. Познание действительности, создающее «картину мира», опосредовано языком, при помощи которого человек формулирует свои знания. Следовательно, национальное мировоззрение находит своё выражение в национальном языке, являющемся охранителем и показателем изменений в мировоззренческой установке отдельного народа.

Языки различаются не только звуковыми, материальными оболочками смыслов и даже не этими смыслами как таковыми (то есть значениями лексем и граммем), но самим способом выделения значений, самим способом восприятия и осмысления мира.

Каждый естественный язык отражает определённый способ восприятия и организации, то есть концептуализации, мира. Выражаемые в нём значения складываются в некую единую систему взглядов, в своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка.

О.А. Корнилов связывает различные способы концептуализации действительности с «картинообразующей» функцией языка. Он отмечает, что каждый народ видит инвариант бытия в своей особой, неповторимой проекции. Специфика этой проекции запечатлевается в языке, образуя национальную языковую картину мира, и передаётся вместе с ней от поколения к поколению. Национальный язык играет роль важнейшего этногенного фактора, через овладение которым возможно приобщение к этническому самосознанию. Национальный язык в наибольшей мере отражает специфику национального характера и национального менталитета. О.А. Корнилов выделяет языковую картину мира (ЯКМ), которую он рассматривает в качестве «результата отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием того или иного общества», и национальную языковую картину мира (НЯКМ) – «результат отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием конкретного языкового общества, конкретного этноса» [9: с. 82-83].

Сущность языковой модели мира О.А. Корнилов рассматривает с позиции культурно-философского подхода к языку, в свете которого им анализируются соотношение языка и мировоззрения; языка, мышления и сознания, особенности национального менталитета и национальной культуры.

Отталкиваясь от сущности мировоззрения, О.А. Корнилов выделяет так называемую «узкую» и «широкую» трактовку понятия мировоззрения народа, которая соотносится с двумя подходами к сущности языка.

Первый подход – инструментальный, согласно которому язык рассматривается в качестве средства для достижения какой-либо цели, в качестве средства коммуникации, мышления или познания.

Второй подход – культурно-философский, в рамках которого язык понимается как «вместилище души, духа народа, это коллективный продукт национального творчества. Каждый этнический язык – это уникальное коллективное произведение искусства, неотъемлемая часть культуры народа, орган саморефлексии, самопознания и самовыражения национальной культуры» [9: с. 223].

Учёный придерживается компромиссной позиции в дилемме «язык определяет мировоззрение – мировоззрение не зависит от языка», что не означает отрицание одного из полюсов, а углубление и конкретизацию каждого из них. Выражение «мировоззрение народа» в контексте рассуждений о понятии «национальная языковая картина мира» следует понимать, по О.А. Корнилову, предельно широко: мировоззрение – это мироощущение, мирочувствование, мироосмысление, мирооценка. Мировоззрение народа наиболее полно и адекватно отражено в его национальном языке, который можно считать наиболее удобной «одеждой» национального мировоззрения, так как «позволяет обслуживать наиболее широкий спектр мыслей-чувств, включая абстракции» [9: с. 229].

На изменения языковой картины мира влияют не столько новые знания о мире, сколько изменяющиеся условия жизни, появление новых реалий, требующих своей вербализации, тем самым включения в языковую картину мира.

Ядро содержательной структуры языка составляет единая логико-понятийная база, совокупность ментальных универсалий, универсально-предметный код, которая является базовым интернациональным компонентом мышления и обеспечивает понимание друг друга людьми, принадлежащими разным культурам и разным языковым коллективам. Развитие же, детализация и конкретизация логико-понятийной основы каждым этносом осуществляется по-своему. Неповторимость мироосмысления, мирочувствования и мирооценки конкретным этносом предопределяется сферой внелогического восприятия действительности, что своеобразно и неповторимо и отражено в языке.

Таким образом, язык представляется не как формальная система, а как система, состоящая из значения и знака, и именно значения конституируют образ мира, присущий определённой культуре. Каждый язык является особым способом мировоззрения и интерпретации опыта.

Однако «разговор» между народами – носите-

лями языков – начался очень давно и продолжается до сих пор. Об этом свидетельствует длительная история языковых контактов.

Ранние языковые контакты имели необходимым условием своего возникновения и существования географический фактор, то есть они представляли собой непосредственное общение носителей языка. Это общение имело разный характер, но, как правило, происходило в обстановке насилия, завоеваний и порабощения одних народов другими. Каждый раз, когда завоевателем являлся менее культурный народ, нарушался ход экономического развития и подвергалась уничтожению масса производительных сил. Но при длительном завоевании менее культурный завоеватель вынужден был в громадном большинстве случаев приспособиться к более высокому «хозяйственному положению» завоёванной страны в том виде, каким оно оказывается после завоевания, он ассимилируется с покорённым народом и большей частью вынужден усваивать даже его язык.

Процесс ассимиляции сопровождается в большинстве случаев трансформацией мировоззренческой установки. Особенно чётко проявляется сущность процессов ассимиляции, когда соприкасаются группы народа, сильно отличающиеся своим происхождением и языком. В таких случаях отдельные представители или группы народа (а иногда и целый народ), находясь среди другого народа, в результате длительного общения с ним утрачивают свои особенности в области культуры и быта, происходит смена родного языка и этнического самосознания.

Процессы развития и сближения наций не могут не влиять на их языковое развитие. От характера взаимоотношений самих народов зависит и характер взаимодействия их языков. Национальные отношения складываются из разнородных компонентов, включающих экономические, социальные, идеологические и психологические явления. Каждый структурный элемент системы национальных отношений по-своему включается в процесс взаимовлияния и взаимообогащения наций. В производственной жизни, в материальной культуре этот процесс развивается быстрее, в духовной (особенно в языковой) – медленнее.

В связи с языковыми заимствованиями Б.М. Задорожный ставит вопрос о «невосприимчивости / восприимчивости» языка как способе реагирования на подобные новшества. В первом случае любое (зачастую физиологически обусловленное) отклонение от привычной нормы в реализации того или иного языкового элемента вызывает негативную реакцию говорящих. Только то, что не

укладывается в рамки привычного, противоречит установленной норме, вызывает, образно говоря, «зажигание красной лампочки» в сознании окружающих и, как следствие, соответствующую реакцию [8: с. 27].

Именно таким способом проявляется тенденция к осуществлению стабильности языка данной общности. Но возможен и противоположный случай, выражающийся в готовности к восприятию того или иного новшества. Это бывает, как правило, в первую очередь в случаях появления добровольно признанного авторитета. Низшие слои общества имитируют манеру речи высших слоёв, заменяя «неправильные» формы «правильными»; общественно признанный культурный центр (внутри или вне данного языкового ареала) оказывает своё влияние на периферию; побеждённые считают нужным (и в прошлом зачастую принуждались) говорить так, как победители. Эти процессы, обусловленные различными случаями иноязычного влияния, иррадиации, могут впоследствии оказать самое существенное влияние на пути дальнейшей эволюции того или иного уровня данного языка.

«Невосприимчивость» и «восприимчивость» как два противоположных вида отношения к новшествам являются, таким образом, по существу двумя сторонами одного и того же социолингвистического явления, заключающегося в восприятии языка как существенного элемента, характеристики, своего рода «визитной карточки» говорящего индивида, с одной стороны, и данной языковой общности (племени, народа, общественно-го слоя) – с другой.

Исследуя причины и пути взаимовлияния языков, необходимо учитывать различные варианты взаимоотношений между различными языковыми общностями. Контактующие языки могут занимать «слабую» и «сильную» позиции (термин Б.М. Задорожного), которые обуславливают направление и характер влияния. В большинстве случаев направление процессов заимствования идёт от ареала, характеризующегося «сильной» позицией, к ареалу со «слабой» позицией.

Заметим, что противопоставление «сильный – слабый» не обязательно всегда соответствует противопоставлению «с более высокой культурой – с более низкой культурой». Здесь нередко решающую роль играют различные факторы политического, экономического и, наконец, психологического порядка. Психологическая позиция самого заимствующего языка в отношении языкового материала в значительной мере обуславливает его восприимчивость к чужеродным словам. Вспомним, например, сложные взаимоотношения

между греческой и римской культурами, сложившиеся в результате включения Греции в Римскую империю. Здесь греческий язык (как носитель богатых культурных традиций) не сразу оказался в положении «слабой» позиции.

С философской точки зрения заимствования понимаются как очень специфичное явление. М.М. Бахтин видит в деятельности филолога, занимающегося проблемой иноязычных заимствований, особую миссию: «От глубочайшей древности и до сегодняшнего дня философия слова и лингвистическое мышление зиждутся на специфическом ощущении чужого, иноязычного слова и на тех задачах, которые ставит именно чужое слово сознанию – разгадать и научить разгаданному» [1: с. 410]. Он отмечает, что уже древнейшие умы (жрецы-филологи) бились над разгадкой «чужих» слов, создавая тем самым древнейшую философию языка: будь то ведийское учение о слове, учение о Логосе древнейших греческих мыслителей и библейская философия слова, – «философемы чужого слова». М.М. Бахтин сравнивает родное слово со «своим братом», в котором для обывателя нет никаких тайн, нет тех категорий, какие оно «порождает в лингвистическом мышлении и какие оно порождало в философско-религиозном мышлении древних».

Своё слово, по М.М. Бахтину, ощущается как своя привычная одежда, как та привычная атмосфера, в которой мы живём и дышим. Свои – «привычные» – слова формируют «свою» языковую картину мира, куда по разным причинам и разным обстоятельствам вклинивается чужое, иноязычное слово. «Своё» слово тоже может стать чужим в устах вождя или жреца; там оно изменяется внешне, становится уже другим словом, которое изъёмлется из жизненных отношений, превращаясь в табу для житейского обихода.

М.М. Бахтин подчёркивает, что тяга к познанию иноязычного слова не случайна и не является произволом со стороны лингвистики и философии. «Эта ориентация является выражением той огромной исторической роли, которую чужое слово сыграло в процессе создания всех исторических культур. Эта роль принадлежала чужому слову во всех без исключения сферах идеологического творчества – от социально-политического строя до житейского этикета. Ведь именно чужое иноязычное слово приносило свет, культуру, религию, политическую организацию (шумеры – вавилонские семиты; яфетиды – эллины; Рим, христианство – варварские народы и так далее).

Эта грандиозная организующая роль чужого слова, приходившего всегда с чужой силой и ор-

ганизацией, привела к тому, что чужое слово в глубинах исторического сознания народов срослось с идеей власти, идеей силы, идеей святости, идеей истины и заставило мысль о слове преимущественно ориентироваться на чужое слово» [1: с. 411].

Таким образом, заимствованному слову приписывается огромная сила и власть, которую, по М.М. Бахтину, готовому сознанию, готовому благодаря родному языку, остаётся только принять, в то время как родной язык людьми не принимается, в нём, как в колыбели, люди впервые пробуждаются.

Чужое слово – «кусочек» чужой (для заимствующего языка) картины мира. Преобразуется ли семантика заимствуемого, чужого слова в соответствии со способом концептуализации, свойственным данному (заимствующему) языку? Или же язык воспринимает чужой способ концептуализации, заимствует фрагмент иной модели мира? Другими словами, преобразуется ли чужое слово мировоззренческой установкой заимствующего языкового коллектива, или чужое слово способствует смене или изменению устоявшейся мировоззренческой установки? Может ли чужое слово подвергнуться изменению национально-специфическое языковое сознание?

Можно предположить, что возможны оба типа лексических заимствований. При этом не исключено, что одни языки предпочитают преобразовывать семантику чужого слова так, чтобы они более или менее соответствовали семантическому «раскрою» данного языка. В этом случае важнейшим показателем того, что иноязычное слово освоено принимающим языком, является не только формальная ассимиляция заимствования, но и приобретение им нового лексического значения, коннотации, эмоционально-оценочных сем, то есть преобразование семантики заимствованного чужого слова в соответствии с языковой картиной мира заимствующего языка.

Мировоззрение заимствующего языкового коллектива подчиняет себе чужое слово. Это становится возможным только после того, как «к рефлексивному слою чужой культуры мы пристроим бытийный слой своей» [10: с. 45].

Семантические сдвиги в структуре значения иноязычного слова свидетельствуют о доминировании мировоззренческой установки заимствующего языкового коллектива при его освоении и трансформации, с той целью, чтобы оно служило средством обозначения актуальных для данного общества явлений и понятий.

Отличительной особенностью современного процесса заимствования является в большинстве

случаев его опосредованный характер, что осуществляется чаще всего посредством печатного текста. Любой текст создаётся в расчёте на то, что у его потенциального получателя есть определённый запас фонового знания, как когнитивного, так и языкового, ибо без знания нет и понимания, и понимание будет различным в зависимости от уровня фонового знания воспринимающего. Известно, что социальный мир познаётся через структуру готового (фонового) знания. Эти «фоновые знания», или «фоновые ожидания», детерминируют интерпретацию любых действий. Фоновые знания – это тот социально-культурный фон, который характеризует воспринимаемую речь. Они включают экстралингвистические данные: предыдущий опыт коммуникантов, сведения, которыми они располагают об окружающем мире (культурные, материально-исторические, географические, общечеловеческие, региональные). Фоновые знания основываются на кумулятивной функции языка, на его способности выступать в качестве хранилища коллективного опыта и закреплять накопленный коллективный опыт непосредственно в языковых формах.

Правильное восприятие иноязычного текста предполагает наличие определённого багажа фоновых знаний для адекватной и успешной внешнекультурной коммуникации и характерно, в основном, для билингов, которые в социологии получили обозначение как «личности на рубеже культур» [5: с. 36].

Если общество в своём большинстве монолингвистическое, то восприятие и дальнейшая жизнь лексического заимствования могут отличаться от таковых в языке-источнике (например, сужение, расширение или изменение в заимствовании предметно-понятийной отнесённости). В этом случае мы говорим о приоритете мировоззренческой установки принимающего языкового коллектива в трансформации заимствования – фрагмента чужой языковой картины мира.

Другие языки в этом отношении не так устойчивы и могут заимствовать фрагменты чужой картины мира, то есть в принимающий язык вводятся концепты, заимствованные из других национальных языковых картин мира. В этом случае в заимствующем языковом коллективе должен наблюдаться высокий удельный вес фоновых знаний, которые обеспечивают лексическое заимствование «в чистом виде», то есть новая языковая единица поступает в распоряжение заимствующего языка без каких-либо семантических изменений. Она несёт в себе базовое значение, присущее ей в языке-источнике. Такое заимствование с полным приняти-

ем значения слова является результатом проницаемости чужой языковой действительности, а вместе с ней и чужого мироощущения и мировидения, то есть иного мировоззрения. Если заимствующий язык принимает «чистые» заимствования, то он принимает и чужие способы миропонимания, что неизбежно приводит к модификации национального мировоззрения в той или иной степени.

Заимствование второго рода должно быть поддержано лексической системой языка, то есть заимствованное слово должно подвергнуться лексико-семантическому и грамматическому освоению, характеризующемуся полной семантической самостоятельностью и способностью образовывать лексико-семантическую микросистему. Иноязычное заимствование занимает в принимающем языке свою нишу и начинает жить собственной жизнью. С течением времени только историк сможет определить этимологию того или иного слова, а говорящим на данном языке и в голову не придёт иноязычное происхождение столь знакомого и часто употребляемого слова.

Фрагмент чужой языковой картины в виде заимствуемого слова, некогда обособленный, чужеродный для исконной мировоззренческой установки, со временем перестаёт осознаваться как «не свой» и вливается в языковую картину мира принимающего языкового коллектива, подвергая изменениям национально-специфическое языковое сознание, что свидетельствует о динамике мировоззрения.

Таким образом, носители того или иного языка, с детства овладевая словарём, грамматикой, системой произносительных и интонационных средств данного языка, незаметно для себя, чаще всего неосознанно, впитывают и национальные формы культуры, материальной и духовной. Нередко эти культурные обычаи и традиции бывают связаны со специфическим использованием языка, его выразительных средств. Так создаётся национальная языковая картина мира.

Национальное своеобразие языковых средств, используемых тем или иным народом, оказывает существенное влияние на формирование мироотношения людей, их менталитета. Мы говорим не только о дуалистическом отношении языка и общества, но и о дуалистическом отношении языка и мировоззрения языкового коллектива, их диалектическом единстве. Мировоззренческая установка, будучи концентрическим выражением понимания реальности, духовным центром формирования представления о реальности, отражается в языке народа. С другой стороны, проблема чужого слова, иноязычного заимствования показывает, как под

его силой способно меняться языковое сознание и мировоззренческая установка языкового коллектива.

Иноязычные заимствования – результат языковых контактов, контактов наций, каждая из которых по-своему познаёт реальность, членит окружающий мир и имеет собственную систему языковых единиц, предназначенных для описания мира. Поведение языковых систем при столкновении двух и более национальных мировидений в ситуации «иноязычное слово – заимствующий язык» предопределено «слабой» или «сильной» позицией, или восприимчивостью / невосприимчивостью языка. В результате происходит перемещение лексики – фрагментов чужой языковой картины – из языка в язык. Такое перемещение не может пройти бесследно для самого языка и, следовательно, для языкового сознания народа. Два возможных типа лексических заимствований (с преобразованием семантики согласно семантическому «раскрытию» данного языка и с заимствованием фрагментов иной модели мира) свидетельствуют о наличии двух возможных вариантов реагирования миро-

воззренческой установки принимающего языкового коллектива на данный процесс: либо мировоззренческая установка подвергает заимствование семантическим изменениям, либо лексические заимствования в определённой степени изменяют картину мира, закреплённую в данном национальном языке, привнося в неё элементы иного мировидения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. – М.: Лабиринт, 2000. – 640 с.
2. Будагов Р.А. История слов в истории общества. – М.: Просвещение, 1971. – 270 с.
3. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования. – Киев: Вища школа, 1979. – 263 с.
4. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – 224 с.
5. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Русский язык, 1983. – 269 с.
6. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 440 с.
7. Егоров А.Г. История философии: схематика этапов, школ, идей : учебное пособие. – Орехово-Зуево: ОЗПИ, 1993. – 120 с.
8. Задорожный Б.М. История языка и экстралингвистические факторы // Вопросы языкознания. - 1975. - №1. – С. 27-39.
9. Корнилов О.А. «Языковые картины мира» как отражение национальных менталитетов (национальная специфика на трёх семантических уровнях: на уровне значения, обозначения и смысла) // Россия и Запад: диалог культур. Тезисы конференции. МГУ, ноябрь 1994 г. – М.: МГУ, 1994. – С. 81-83.
10. Уфимцева Н.В. Языковое сознание: стереотипы и творчество : сб. статей / под ред. Н.В. Уфимцевой. – М.: ИЯЗ, 1988. – 162 с.

Summary

THE ROLE OF BORROWINGS IN THE TRANSFORMATION OF WORLD OUTLOOK (THE DEVELOPMENT OF THE OUTLOOK SETTING OF THE BORROWING LINGUISTIC COLLECTIVE)

E.O. Churyukanova

Moscow State Regional Institute of Humanity

Abstract. The article studies the peculiar features of the linguistic borrowings in the context of philosophy. It touches upon the questions of linguistic contact and the evolution of the world outlook in the borrowing linguistic collective.

Key words: world outlook; linguistic contact; borrowing; philosophy; world picture (setting); society.

ОБРАЗ ЕВРОПЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ М. ВОЛОШИНА

Яковлев М.В.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. Статья посвящена исследованию произведений М.А. Волошина, в которых возникает образ Европы. Он рассматривается в системе апокалиптической неомифологии как Символ, имеющий культурологическое, мистическое, космологическое, историософское содержание. Эволюция образа Европы позволяет осмыслить художественное пространство Волошина в мифопоэтическом единстве.

Ключевые слова: Европа; символ; историософия; апокалипсис; Женственность.

В Автобиографии, написанной в 1925 году, разделяя свою творческую эволюцию на 7-летние циклы, в границах 4-ого семилетия М.Волошин отмечает важный рубеж: «1900-й год, стык двух столетий, был годом моего духовного рождения. Я ходил с караванами по пустыне. Здесь меня настигли Ницше и «Три разговора» Вл<адимира> Соловьева. Они дали мне возможность взглянуть на всю европейскую культуру ретроспективно – с высоты азиатских плоскогорий и произвести переоценку культурных ценностей. Отсюда пути меня ведут на запад – в Париж, на много лет, – учиться...» [2, с. 159]. Еще одно интересное мировоззренческое признание Волошина содержится в воспоминаниях Евгении Герцык. Она утверждает, что в начале творчества в близких ему типологически кругах символистов-современников он воспринимался как «нерусский» поэт. И однажды она спросила напрямик: «А Россия, Максимилиан Александрович, почему вы никогда не задумываетесь над ее судьбой?» Он поднимает брови, круглит глаза. «Как? Но я же для этого и жил в Париже, а теперь, чтобы понять Россию, мне нужно поехать на Крайний Восток, в Монголию». – Он в то время носился с этим планом» [3, с. 344].

Цель данной статьи заключается в определении специфики художественного воплощения образа Европы в поэтическом пространстве М. Волошина. Отдельные задачи связаны с исследованием различных аспектов решения темы Европы в конкретных произведениях. Объектом исследования являются поэтические тексты Волошина разных периодов его творческой эволюции.

Итак, по признанию самого поэта, Европа, прежде всего, была связана с необходимостью «учиться». Также Европа позволяла найти пер-

спективу в восприятии духовной истории России, и далее – русско-европейской истории в перспективе истории мировой. Точнее, пользуясь термином Вл. Соловьева, в перспективе «конца всемирной истории». На эту эсхатологическую перспективу и ссылается поэт, называя имена Ницше как автора книги «По ту сторону добра и зла» 1886 года, прочитанную им в Ташкенте, и Вл. Соловьева как автора «Трех разговоров». Полное название этой философской и историософской работы 1900 года – «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об Антихристе».

Остановимся на отдельных аспектах данной проблемы. Историко-культурная русско-европейская перспектива, осознанная в ранний период творчества, приоткрывается в статье 1908 года «Осколки святых чудес». Отвечая на знаковые для спора западников и славянофилов слова Версилова из романа Ф.М. Достоевского «Подросток» о том, что русский становится наиболее русским «именно лишь тогда, когда он наиболее европеец» [5, с. 268], Волошин, в свою очередь, подчеркивает и другую черту русского универсализма. Он утверждает, что национальная способность «перевоплощения» сводится к «таланту широких исторических обобщений, скорее даже сокращений». «Обобщение, – пишет поэт, – которое представляет для европейского ума один из наиболее трудных и ответственных актов, для нас является естественным, инстинктивным движением мысли, которое мы совершаем со всей дерзновенностью детского неведения» [5, с. 269].

В первый период творчества таким обобщающим культурно-историческим символом для М. Волошина становится образ Парижа. *Париж* был для поэта не только «столицей» Франции, мировым центром культуры, куда он ехал «учиться»

достижениям европейской цивилизации. Париж становится *Городом-символом*. В его метапространстве аккумулируются целые пласты самопознания человечества. Русский поэт сообщает, что на Запад ехал учиться: «...художественной форме – у Франции, чувству красок – у Парижа, логике – у готических соборов, средневековой латыни – у Гастона Париса, строю мысли – у Бергосна, скептицизму – у Анатоля Франса, прозе – у Флобера, стиху – у Готье и Эрредиаана...» [2, с. 159]. Все эти «уроки» войдут в творческую лабораторию поэта.

По отношению к *античным* пластам Париж был символом «*новой*» европейской культуры, духовным образом, преломляющим в себе целую *историческую эпоху*, своеобразным магическим кристаллом, окном в Вечность Культуры. В стихотворении 1904 года «Письмо» находим: «Для нас Париж был ряд преддверий / В просторы всех веков и стран, / Легенд, историй и поверий. / Как мутно-серый океан, / Париж властительно и строго / Шумел у нашего порога» [4, с. 52]. Показательно в данном контексте и упоминание океана. Образ моря как символа Вечности войдет и в культурологическое, и в биографическое пространство Волошина в связи с образом Коктебеля-Киммерии.

В стихотворении «Письмо» эта неомифологическая линия самоопределения уже намечена. Рассматривая скульптуру Родена «Кентавр», поэт формулирует собственное антиномичное, универсалистское самосознание: «Но мне понятна беспредельность, / Я в мире знаю только цельность, / Во мне зеркальность тихих вод, / Моя душа как небо звездна, / Кругом поет родная бездна, – / Я весь и ржанье, и полет!» [4, с. 58]. На «стыке» двух столетий *антиномизм* и *универсализм* осознаются как творческое задание. В 17-ой, предпоследней строфе стихотворения под влиянием символической скульптуры Родена и парижского ученичества поэт создает свой провокационный неомифологический автопортрет: «Стихии мира: Воздух, Воды, / И Мать-Земля и Царь-Огонь! / Я духом Бог, я телом конь. / Я чую дрожь предчувствий вещей, / Я слышу гул идущих дней...» [Там же].

Это антиномичное, хотя отчасти и самоироничное определение своей сущности повторяется позже в религиозном самоопределении поэта. В.П. Купченко приводит знаковое письмо Волошина 1905 года, адресованное М.В. Сабашниковой: «Христианство мне из всех религий дальше всего. Мне буддизм и Олимп ближе» [7, с. 30]. В 1925 году Волошин уточнял: «...прошлое моего духа представлялось мне всег-

да в виде одного из тех фавнов или кентавров, которые приходили в пустыню к св. Иерониму и воспринимали таинство Святого Крещения» [Там же]. Как личность поэт осознавал себя носителем именно такой «земной» мистики и духовности, однако это «язычество», так же, как и в художественных интуициях Блока, было не анти-христианским, а *после-христианским*. «Я язычник по плоти, – пишет Волошин, – и верю в реальное существование всех языческих богов и демонов, и в то же время не могу его мыслить вне Христа» [Там же]. Такое после-христианское «язычество» имело «историческое» значение и связывалось с *апокалиптическим* откровением о земле. Оно получало телеологический смысл в мистериальной *теодицеи земли*, земной сферы Всеединого Бытия. Вместо языческого *пантеизма*, то есть почитания *божественности земли*, земли как божества, апокалиптические интуиции земного пространства в новом сознании выявлялись как *панпневматизм*. Новозаветное сошествие Святого Духа *преображает* весь земной мир.

Ранний цикл «Париж» (1901–1909) в общей телеологии творчества М. Волошина интересен тем, что воплощает в себе особый дар духовного *проникновения* в чужое. В очерке «Живое и живом» 1933 года Марина Цветаева о Париже Волошина писала так: «Париж XIII века или нынешнего, Париж улиц и Париж времен был им равно исхожен» [9, с. 309]. Городской пейзаж становится в художественном пространстве Волошина отправной точкой для лирической медитации, является пространством расширения сознания лирического субъекта.

Импрессионистская образность стихотворений в творчестве русского поэта начала века была не погоней за европейской модой, а именно тем *ученичеством*, о котором Волошин не стыдился говорить, а наоборот, подчеркивал как условие творческой свободы и индивидуализма. Такова статья 1906 года «Индивидуализм в искусстве». В усвоении *традиций* обнаруживалось то знаковое свойство русской души, которое Достоевский называл «всемирной отзывчивостью» [6, с. 533].

Характерным образцом лирического произведения, основанного на парижских впечатлениях, является стихотворение 1909 года «Парижа я люблю осенний, строгий плен...» [4, с. 44]. Образный мир произведения строится как система зрительных восприятий и ассоциаций в духе французской импрессионистической живописи. Форма так называемого французского сонета «подключала» автора к ресурсам европейской поэтической традиции. В статье «Индивидуализм в искусстве»

Волошин утверждает, что, принимая эстетический канон, художник «приобщается к народному творчеству и раскрывает родники своего бессознательного» [5, с. 259].

Первый катрен стихотворения формирует пейзажную картину. Чувство осени создает одновременно грустную «строгую» тональность, и в то же время вызывает яркие цветовые впечатления: «ржавая позолота», «небо серое», «чернильно-синие переплеты веток», которые сравниваются с «темными венами». Замкнутость образного пространства усиливается кольцевой рифмой сонета. Это переживание развивается во втором катрене, где возникает образ многолюдной парижской улицы. Социальные детали городского пейзажа – «тяжкое дыхание работы», «жизни будничные заботы» – оживляются эпитетом «крикливые», создающим колорит темпераментного южного города. Четвертый стих второго катрена вводит образы импрессионистического пространства: «зелень черная», «дымный камень стен». Эпитет «дымный» по отношению к материально весомому существительному «камень» и неопределенная цветовое словосочетание «зелень черная» размывают образ улицы до живописного «пятна».

Образы технической городской цивилизации, появляющиеся в терцетах, также лирически размываются, передают грустное созерцательное настроение: мосты, рельсы, дома, дым поезда, Большое Колесо (аттракцион, построенный для Всемирной выставки) и Эйфелева башня (ставшая современным символом Парижа, – которую, по воспоминаниям М. Цветаевой, Волошин рифмовал с «тейфелева», т.е. «чертова», и считал уродством и безвкусицей) создают общую импрессионистическую картину. Она включается в ощущение осеннего неба, дождя, ветра и расширяется до образа далекого морского пространства. Это образное расширение формирует общее движение лирического переживания: «И ветер рвет огни и гонит облака / С пустынных отмелей дождливого Ла-Манша» [4, с. 44]. Образный мир, детализированный катренами и соединенный терцетами, замкнулся в единое импрессионистическое целое – лирическую картину души.

Образцом проникновения в дух чужой культуры в первый период творчества М. Волошина становится не только цикл «Париж», в котором развивается импрессионистское «ясновидение» города, но и цикл 1907 года «Руанский собор». В нем воплощается художественное погружение в мистическую символику католического храма. Она закрепляется в системе символов мо-

литвенно-медитативного цикла *Розарий*, посвященного прославлению *Девы Марии*, Пресвятой *Богородицы*.

Первоначально такие знаки оказываются включены в культурологическую образность Европы. Таково, например, стихотворение 1904 года «Дождь», входящее в цикл «Париж»:

И на груди сокровищ,
Разлитых по камням,
Смотрят морды чудовищ
С высоты Notre-Dame... [4, с. 35]

Notre-Dame – «Наша Дама», «Наша Госпожа» – Собор Парижской Богородицы – мистический центр, *сердце* Парижа, которое напоминает поэту, «мистическую Розу» (статья «Город в поэзии Валерия Брюсова» 1903) [5, с. 418]. Это не только зрительная ассоциация. Молитвенному циклу «Розария» соответствуют «розетка» – центральный витраж собора – и молитвенные четки, также именуемые «венчик» – то есть «венец», «корона», «венок».

Ту же многозначную образность находим и в цикле «Руанский собор», в котором, по словам Б. А. Лемана, Волошину удалось выразить опьянение «мистикой католицизма» [8, с. 29]. Поэтика произведения строится на развитии архитектурной и цветовой символики собора, освещенного при помощи оконных витражей:

Дымится кровь огнем багровым,
Рубины рдеют винных лоз,
Но я молюсь лучам лиловым,
Пронзившим сердце вечных Роз. [4, с. 78]

В журнале «Перевал» (1907, № 8–9) между 3-ми 4-м стихотворениями цикла был помещен прозаический фрагмент «Крестный путь», где поэт раскрывает смысл «семи ступеней христианского посвящения». Среди них обнаруживаются и восходящие к «Розарию» богородичные символы, которые получают софийный, космический характер: «Вторая ступень – бичевание. Это ощущение острой физической боли, сердца Богородицы (мн. число у Волошина – М. Я.), пронзенные семью мечами скорбей. (...) Пятая ступень – это смерть на кресте. «Мировая душа распята на кресте мирового тела». Распятие – это символ божества, воплощающегося в материи. (...) Шестая ступень – погребение, причащение земле. Плоть, себя познавшая, глаголящая и видящая, возвращается к темной и страдающей праматери. Седьмая ступень – воскресение из мертвых» [4, с. 344–345]. Душой Европы, так же как и Душой России, является интуиция Женственности, религиозное почи-

тание Святой Матери и Святой Девы. Это *Одна и Та же – Общая Душа!*

Поэтому так болезненно русским лирическим героем переживается катастрофа войны, разрушающей религиозные святыни Франции. Образ знаменитого католического собора Notre-Dame de Reims в стихотворении 1915 года «Реймская Богоматерь» становится основой для религиозного созерцания Образа Самой Реймской Мадонны: «В минуты грусти просветленной / Народы созерцать могли / Ее – коленопреклоненной / Средь виноградников Земли» [3, с. 107]. Образ Святой Девы в произведении мистически сливается с пейзажем, растворяется в картинах французского ландшафта: «Она несла свою печаль, / Одета в каменные ткани, / Прозрачно-серые, как даль / Спокойных овидей Шампани» [Там же]. Так же, как в ряде других стихотворений Волошина, посвященных Богородице, Личность Царицы Небесной, становится олицетворением земного мира, Божьей Земли в ее Живом воплощении: «Земными создана руками, / Она сама была землей – / Ее лугами и реками, / Ее предутренними снами, / Ее вечерней тишиной» [Там же]. Этим символическим соответствиям посвящена наша статья «Образ Богоматери в поэзии М.А. Волошина» [12]. В стихотворении, передающем реальность Мировой войны, это символическое сближение формирует образ Страдающей Женственности. На трагическом несоответствии Души Франции, воплощенной в соборе Парижской Богоматери, Notre Dame de Paris, «Нашей Дамы», и образа военного дирижабля построена композиция стихотворения 1915 года «Цеппелины над Парижем». Для образа Города, Мистическим Сердцем которого является Роза Notre Dame de Paris, военный корабль в небе кажется уродливым апокалиптическим монстром, техногенным демоном. Католическая символика придает городскому пейзажу духовную многослойность и глубину.

Религиозно страстная, мистически напряженная душа «старого света» и вечно *юной Европы*, отраженная в мистическом порыве католицизма, запечатленная в готических соборах и дерзновениях человеческого ума, определила антиномическое прочтение ее образа. В стихотворении 1927 года «Четверть века» этот опыт Волошин передает так: «Я со ступеней тысячелетий, / С этих высот незапамятных царств, / Видел воочью всю юность Европы, / Всю непочатую ярь ее сил» [3, с. 248].

Современная «юная» Европа раскрывалась через символы прошлого. Перспективная точка зрения на европейскую цивилизацию во многом формировалась жизнью в Крыму. Метагеография

Крыма осознавалась как мифологическое пространство. Таким мифом стала для поэта *Киммерия*.

Топоним «Киммерия» упоминается в «Одиссее» Гомера как рубеж культурного мира, граница Ойкумены. В статье 1912 года «Константин Богаевский» Волошин пишет: «Земля Богаевского – это «Киммерии пачальная область». В ней и теперь можно увидеть пейзаж, описанный Гомером. Когда корабль подходит к обрывистым и пустынным берегам этих унылых и торжественных заливов, то горы предстают повитыми туманом и облаками, и в этой мрачной панораме можно угадать преддверье Киммерийской ночи, какую она представлялась Одиссею» [5, с. 314]. В стихотворении 1907 года «Одиссей в Киммерии» герой древнегреческой эпопеи становится символическим персонажем – странником, обращенным к духовному познанию. Образы «ночи», «тьмы» получают гностический смысл, связанный с библейской космогонией. В первой главе книги «Бытия» возникает важная для поэта оппозиция тьмы и света: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою» (Быт. 1: 2). Тот же символ премирной тьмы как тайны возникает в названии книги «SELVA OSCURA» (1910–1914) – «Сумрачный (или темный) лес». С этого символического образа начинается «странствие» по мирам иным в еще одном общеевропейском мировоззренческом и историко-литературном шедевре – «Божественной комедии» Данте Алигьери.

Образу тьмы в Библии противопоставляется свет: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош; и отделил свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один» (Быт. 1: 3–5). В Евангелии от Иоанна этот творческий акт связан с символом Логоса – Творящего Слова: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1:1). В художественном самознании истинного Поэта символы Света и Слова неразрывно связаны в Едином акте Познания, Озарения, Воплощения.

С концептуальным для европейской цивилизации мифом о Прометее так или иначе связано итоговое самоопределение Волошина. Многозначный теургический Символ Огня, так же, как и символ Солнца – Небесного Огня и Света, – пронизывает все его творчество. В стихотворении 1919 года «Китеж» (1919) он заявляет: «Я сам – огонь. Мятаж в моей природе, / Но цепь и грань нужны ему» [3, с. 131]. А в поэме «Путями Каина» (1915–1926) поэт говорит об огненной природе

как Сущности Человека вообще: «Чтобы не дать материи изникнуть, / В нее впился сплавляющий огонь, / И наименовался человеком» [3, с. 292]. Огненная символика творчества Волошина выражает его *пневматологическую* неомифологию. Данная проблематика рассматривается нами в статье «Символика огня в поэзии М. Волошина» [13]. Образ Божественного Огня, жертвенно принесенного Прометеем людям, прочитывается в христианском, богочеловеческом контексте. Отсюда эволюционное движение от образа Европы к образу России.

Мессианское призвание России для поэта заключается не в созидании форм и объектов Культуры, а в выявлении духовной первоосновы мироздания. Этот процесс может быть как эволюционным, так и революционным – апокалиптически запредельным. В финале поэмы 1924 года «Россия» автор обобщает специфику разных метаисторических путей Европы и России: «Европа шла культурой огня, / А мы в себе несем культуру взрыва» [3, с. 200]. За созидательной европейской «культурой огня» поэту открывается метакультура откровения Духа, ставящая в центр эсхатологического очага всемирной истории Россию.

Знаковый для себя топоним «Киммерия» Волошин объясняет древнееврейским корнем «KMR», то есть «мрак», предполагая, что и слово «Крым» – это искаженное татарами «имя Киммерия» [5, с. 314]. Мир, озаренный Солнцем, Знанием и творческим Светом Логоса, стал основой его киммерийского мифа. Не случайно в очерке «Живое о живом» М. Цветаева называла Волошина «поэтом полдня»: «В полдень, когда солнце в зените, то есть на самом темени, в час, когда тень побеждена телом, а тело растворено в теле мира – в свой час, в волошинский час» [9, с. 237]. В таком контексте «киммерийский» пейзаж восточного Крыма, где поэт построил дом, ставший символом «усыновления землею», также включается в единое европейское пространство. Циклы «Киммерийские сумерки» (1907) и «Киммерийская весна» (1910–1916), стихотворение «Дом Поэта» (1926) художественно преломляют интуицию духовного родства человека и земли.

Киммерия была неразрывно связана не только с географическим, но и с эзотерическим самосознанием Волошина. Здесь написаны два венка сонетов «Corona astralis» – «Звездная корона» или «Звездные венки» (лат. название созвездия) 1909 года и «Lunaria» («лунник», лат. название растения) 1913 года. Сам этот традиционный жанр является символическим, реализуя инту-

ицию софийного Всеединства. Вспомним также «венчик», «венец» и «корону» «Розария».

В сонетном цикле «Corona astralis» развивается астральная телеология *индивидуальной души*. В этом смысле произведение оказывается более романтическим, чем символическим. Его образное цветение более «музыкально» – более иррационально-эмоционально, чем онтологично. Повторы венка воспринимаются через музыкальную актуализацию ассоциаций, дающих опыт Иного, и в то же время связанных с земным через мистику земной любви. «Lunaria», основанная на различных источниках, решающую роль среди которых играет антропософская концепция [10, с. 122], обращена непосредственно к небезземному метапространству, к *космологическому мифу*, в центре которого оказывается образ Луны.

З.Д. Давыдов и В.П. Купченко приводят пояснение автора под рукописью венка: «"Lunaria" – начаты 16 июня, окончены 1 июля 1913. Коктебель. Воспаленные дни гроз и ветра между июньским ущербом и июльским полнолунием» [3, с. 435]. Неомифологическое построение венка начинается с ночного морского пейзажа, подобно створкам раковины, открывающего две бездны. В первом сонете Луна именуется «жемчужиной небесной тишины / на звездном дне овьюженной лагуны» [3, с. 86]. Образ Жемчужины-Луны сближается с образом Афродиты, на знаменитой картине «Рождение Венеры» С. Боттичелли помещенной в символическую раковину. Афродита-Жемчужина включается в многозначную мифологию Женственности – от античных богинь до Маргариты (лат. «Жемчужина») И.Ф. Гете и Маргариты-Церкви как Откровения Женственности в трактате А.Н. Шмидт «Третий Завет» (1886). Отсюда же такая магически притягательная сила имени героини в романе Булгакова «Мастер и Маргарита». Вспомним, что и топоним «Европа» изначально был именем женского персонажа из греческого мифа, и Европа так же, как и Россия, символизирует Женственность.

«Lunaria» представляет из себя своеобразный *мистический диалог* с Луной, в котором раскрывается уже не только судьба отдельного человека, но и планетарная судьба Земли, всего околоземного астрального пространства. Астрономическая символика в поэзии М. Волошина исследуется в нашей одноименной статье [11].

В самосознании и мировосприятии Волошина Киммерия парадоксальным образом была неотделима и от Парижа как «школы» культуры. В 3-ем семилетии Автобиографии 1925 года «Юность» он писал: «Историческая насыщен-

ность Киммерии и строгий пейзаж Коктебеля воспитывают дух и мысль» [2, с. 159] Евгения Герцык вспоминает признание поэта: «Коктебель моя родина, мой дом – Коктебель и Париж, – везде в других местах я только прохожий» [3, с. 335]. В стихотворении 1918 года «Коктебель» Волошин художественно преломляет свой автобиографический миф как обретение *духовной родины* на границе между мирами, как миф жизнетворческого слияния с миром: «И Коктебеля каменная грива:/ Его полынь хмельна моей тоской, / Мой стих поет в волнах его прилива, / И на скале, замкнувшей зыбь залива, / Судьбой и ветрами изваян профиль мой» [3, с. 71]. Явление *парейдолии* (парейдолической иллюзии), хорошо известное в рельефе некоторых туристических маршрутов, действительно нашло «портретное» воплощение в облике поэта. А могила Волошина стала местом не только литературного, но и молитвенного паломничества в форме буддийских молитвенных ленточек с просьбами, которые привязываются к ветвям священного дерева. Такое молитвенное дерево есть рядом с местом его погребения на Карадаге. Из художественного киммерийский миф Волошина, на самом деле, стал онтологическим. Внутренний текст личности осуществился во внешней реальности, духовно слился с географическим пространством.

С неомифологическими образами Европы и ее пограничной области Киммерии во многом связаны и подходы к восприятию русской катастрофической современности, художественно воплотившейся в книге о «войне и революции» «Неопалимая Купина» 1923 года, в поэмах «Россия» 1924 года, «Путями Каина» 1915–1926 годов (которую поэт определяет как «трагедию материальной культуры»), историософском стихотворении «Четверть века» 1926 года.

Начало Первой мировой войны было воспринято и художественно осмыслено как наступление апокалиптической эпохи. 1914 год застал поэта в Дорнахе, в Швейцарии, на строительство антропософского храма Гетеанума. Духовное братство строителей казалось откровением духовного братства преображенного человечества, Богочеловечества, по терминологии Вл. Соловьева. В посвященном Андрею Белому стихотворении «Пролог» 1915 года, входящем в цикл «Война» книги «Неопалимая Купина», будущее раскрывается как видение. Апокалиптический ангел сообщает поэту-визионеру: «Смотри, / В той чаше – мир; в сей чаше – гири: / Все прорастающее в мире / Давно завершено внутри» [3, с. 101]. А в стихотворении «Четверть века» война пара-

доксальным образом осознается как катастрофическое стремление к единению народов. Поэт признается: «Я прозревал не разрыв, а слиянье / В этой звериной грызне государств, / Смутную волю к последнему сплаву / Разъединенных историей рас» [3, с. 240].

Тот же «плавильный котел» переживался и в огне Революции. В этом же историософском стихотворении, подводящем итог 25-летия XX века, находим: «В шквалах убийств, в исступленьи усобиц / Я охранял всеединство любви, / Я заклинал твои судьбы, Россия, / С углем на сердце, с кляпом во рту» [Там же].

Одним из образцов этого «всеединства любви», наряду с русским святым преподобным Серафимом Саровским (поэма «Святой Серафим» 1919 года) и некоторыми другими духовными подвижниками, был для Волошина знаменитый католический монах – святой Франциск Ассизский. В стихотворении «Святой Франциск», входящем в цикл «Возношения», образ Франциска раскрывается через интуицию духовного родства человека и мира, человека и Бога. Используя текст святого Франциска «Гимн брату Солнцу», Волошин выражает идею благословляющей богочеловеческой любви к творению. «Братом» человека оказывается Солнце, Месяц, Ветер, Огонь, Тело, Волк. «Сестрами» монаха являются Вода, Смерть, Птицы. Общей «Матерью» именуется Земля. В ответ на проповедь Христа птицам и животным они сами окружают блаженного человека трепетной любовью: «И монашка звери окружали, / Перед ним колени преклоняли, / Ноги прободенные лизали. / И синели благостные дали, / По садам деревья расцветали, / Вишеньем дороги устилали...» [3, с. 185]. Та же благословляющая и спасающая любовь раскрывается в стихотворении «Хвала Богородице» 1919 года, следующим в цикле сразу за стихотворением «Святой Франциск», но первоначально входившим в поэму «Святой Серафим» как ее отдельная часть. Отметим, что преподобный Серафим более всего чтит икону Богородицы «Умиление», которую называл «Всех Радостей Радость». Лик этой православной иконы практически идентичен знаменитой католической иконе «Отсробрамская», хранящейся в Вильнюсе. На этой чтимой и католиками и православными иконе Образ Богородицы вписан в детали апокалиптического видения «Жены, облеченной в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд» (Откр. 12:1). Солнце, Луна и Звезды на католической иконе становятся астрономическими символами откровения мира иного. Лик Богородицы, погруженной в

молитву, воплощает Небесную Красоту и Любовь.

Не менее катастрофичные, чем Первая мировая война, события Русской Революции (написание с заглавных букв у Волошина) эзотерически намечаются в статье 1906 года «Пророки и мстители», посвященной исследованию масонских корней французской революции. Заканчивается статья стихотворением «Ангел мщеника», написанным в жанре пророчества. Апокалиптический ангел, «кровавый Ангел тамплиеров», восстал и обращается к новому адресату: «Народу Русскому: Я скорбный Ангел Мщеника, / Я в раны черные, в распаханную новь / Кидаю семена. Прошли века терпенья... / И голос мой набат, хоругвь моя, как кровь» [3, с. 293].

В статье-докладе «Россия распятая» 1920 года, комментирующей произведения из книги «Неопалимая Купина», Волошин сравнивает русскую революцию с явлением стигматизации. Подобно святому Франциску, Россия принимает на себя крестные муки «будущей революции Европы», тем самым спасая ее от назревающей социальной и духовной катастрофы, грозящей «полной и безвозвратной гибелью всей европейской культуры» [3, с. 322]. И заключает следующее: «Русская Революция — это исключительно нервно-религиозное заболевание» [3, с. 323].

В стихотворении 1918 года «Европа» образ Европы как символа Женственности раздваивается между образами Афродиты и апокалиптической Блудницы: «Ее провидели в лучистой сфере / Блудницею, сидящую на звере / На водах многих с чашкою в руке, / И девушкой, лежащей на быке» [3, с. 122]. А в стихотворении «Русская

Революция» 1919 года, входящем в цикл «Пути России», находим: «Не нам ли суждено изжить / Последние судьбы Европы, / Чтобы собой предотвратить / Ее погибельные тропы...» [3, с. 137]. Измена Богу преодолевается покаянием, подвигом веры, жертвенной любовью. В этом духовном перерождении, «преосуществлении» (одноименное стихотворение 1918 года), по Волошину, заключается метаисторическая миссия России — «Неопалимой Купины» [12, с. 219]. Душа Европы и Душа России оказываются связаны общностью Судьбы, апокалиптическим видением Единой Христианской Церкви как Жены, облеченной в солнце (Откр. 12: 1).

Таким образом, центральный символ 7-го семилетия (1919–1926) Автобиографии — историко-философский символ России «во всем ее историческом единстве», апокалиптический символ России как Неопалимой Купины, имеющий концептуально знаковое богородичное прочтение, — получает не только национальное, но и универсальное значение. Общая Душа Европы и России, забывшая Бога, потерявшая Логос и пораженная блудным грехом, но по-прежнему осознаваемая как Женственность, обретает себя в Лицах Святой Матери и Святой Девы. Духовное постижение истории России как части Европейской цивилизации и Европейской цивилизации как Общей Души Богочеловечества переживается в художественном пространстве Максимилиана Волошина как религиозное откровение, как поэтический апокалипсис.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. С параллельными местами. — Издание Московской Патриархии. — М., 1990. — 1376 с.
2. Волошин М. А. Путник по вселенным / сост., вступ.ст., коммент. В.П.Купченко и З.Д.Давыдова; худож. Т.Сиротина. — М.: Сов. Россия, 1990. — 384 с.: с 1 л. портр., 16 л.ил.
3. Волошин М.А. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников / Вступ. ст. З.Д.Давыдова, В.П.Купченко; Ил. Н.Г.Песковой. — М.: Правда, 1991. — 480 с., ил.
4. Волошин М. А. Избранные стихотворения / сост., вступ.ст. и примеч. А.В.Лаврова. — М.: Сов. Россия, 1988. — 384 с.: ил.
5. Волошин М.А. Лики творчества. — Л.: Наука, 1988. — С. 418.
6. Достоевский Ф.М. Дневник писателя: Избранные страницы / авт. вступ. статьи и коммент. Б.Н.Тарасов. — М.: Современник, 1989. — 557 с.
7. Купченко В.П. «В вечных поисках истоков...»: Максимилиан Волошин — поэт-окультист // Наука и религия. — 1990. — № 2. — С. 29–31.
8. Письмо Лемана Б.А. цитируется по статье Купченко В.П. «В вечных поисках истоков...»: Максимилиан Волошин — поэт-окультист // Наука и религия. — 1990. — № 2. — С. 30.
9. Цветаева М.И. Цветаева М.И. Живое о живом // Автобиографическая проза. — М.: Советская Россия, 1991. — 352 с. — С. 237–322.
10. Штейнер Р. Очер тайноведения. — Ер.: Ной, 1992. — 156 с.
11. Яковлев М.А. Астрономическая символика в поэзии М.Волошина // Вестник Московского государственного об-

ластного гуманитарного института. Филология, лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 2. – Орехово-Зуево: МГОГИ, ISSN 2227-8966. – 108 с. – С. 75–81.

12. Яковлев М.В. Образ Богоматери в поэзии М.А.Волошина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24): В 2-х ч. Ч. II. ISSN 1997-2911. – 222 с. – С. 216–221. – 0,5 п.л.

13. Яковлев М.В. Символика огня в поэзии М.Волошина // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2006. – № 3. – М.: Издательство МГОУ. ISBN 978-7017-1016-8. – 374 с. – С. 68–72.

Summary

THE IMAGE OF EUROPE IN VOLOSHIN'S ARTISTIC SPACE

M.V. Yakovlev

Moscow State Regional Institute of Humanity

Abstract. This article is devoted to the research of M.A. Voloshin's works in which the image of Europe appears. It is considered in the system of apocalyptic neomythology as Symbol which has culturological, mystical, cosmological and historiosophical content. The evolution of the image of Europe makes possible to comprehend Voloshin's artistic space in mythopoetical unity.

Key words: Europe; symbol; historiosophy; Apocalypse; Femininity.

ЭВОЛЮЦИЯ ЗНАЧЕНИЙ ВЕТХОЗАВЕТНЫХ БИБЛЕЙСКИХ АНТРОПОНИМОВ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Яковлева Э.Н.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. В статье рассматривается ряд библейских ветхозаветных имён собственных, ставших интернациональными символами. Основное внимание автор уделяет вопросу эволюции значений этих антропонимов во французском и русском языках. Некоторые из них перешли в разряд имён нарицательных и активно функционируют в современных языках, во многом утратив связь с первоисточником.

Ключевые слова: библейские имена собственные; имена-символы; эволюция значения.

Большинство ветхозаветных имён собственных не характерно для антропонимических систем французского и русского языков, но сохраняются в качестве «живых архаизмов» во многом за счёт значительности своего источника. Они относятся к той группе имён-фактов, которые четко привязаны к конкретной, в данном случае мифологической личности и не теряют эту связь, даже находясь в составе фразеологизмов [5, с. 138]. Даже в составе фразеологизмов они сохраняют назывную, индивидуализирующую функцию имени собственного: франц. *vieux comme Mathusalem* – букв. «стар как библейский патриарх, проживший 969 лет, о котором упоминается в книге Бытия 5, 21–27» – то есть «очень старый» [8, с. 168].

В современных языках имена собственные не имеют значения, хотя в принципе и могут развивать определённые коннотации в связи с изменением их общественной значимости. Так, имена Ветхого Завета, в основном древнееврейского происхождения, имели определённый денотат, который нередко был созвучен содержанию библейского мифа. Классическим примером тому может служить имя первого человека: *ādām* в переводе с древнееврейского значит в единственном числе «человек», во множественном числе – «род людской» [10, с. 21].

Интересным, на наш взгляд, является наблюдение французских исследователей, что во второй главе Бытия текста оригинала слово *ādām* ещё не является именем собственным, а становится им лишь в четвёртой главе, когда для обозначения мужчины вводится слово *ish* и производная от него *ishshah* – «женщина». Во французском языке, также как и в русском, имя

Адам выступает символом общих корней рода людского: франц. *Nous sommes tous enfants d'Adam* – букв. «все мы – адамовы дети» [10, с. 21].

Заметим, что во французском языке более четко выражены ассоциации имени с первобытным «невинным» состоянием человека. Свидетельством тому целый ряд устойчивых выражений: *période adamique* – «доисторический период», *race adamique* – «первобытная раса» [11, I, с. 108]. Во французском литературном контексте об употреблении библейского имени в метафорическом значении, как правило, свидетельствует присутствие неопределённого или определённого артикля перед антропонимом. Заметим, что у французского варианта библейского антропонима *Adam* активно функционируют в языке лексические дериваты. Так, прилагательное *adamique*, неполным соответствием которому будет русское краткое прилагательное адамов, употребляется ещё и в значении «примитивный», доисторический», а прилагательного, подобного французскому *adamite* в значениях «нетронутый, заповедный», вообще нет в русском корпусе библеизмов. Исключение составляют совпадающие термины *adamites* и адамиты (название религиозной секты, проповедовавших возвращение к состоянию невинности, в котором пребывал Адам) [10, с. 21].

Рассматриваемые нами ветхозаветные антропонимы перешли в разряд французских имён нарицательных в составе художественной терминологии: например, *un adam et une ève du XVI siècle* – «изображение Адама и Евы, датированное XVI веком» [11, I, с. 108].

В целом символика библейских имён интернациональна, хотя в некоторых случаях

возможны некоторые конфессиональные несоответствия. Возьмём для примера имя собственное Ева – одно из самых значимых имён. Не случайно даётся его изначальное значение во всех текстах переводов Ветхого Завета: *Ḥawwâh* (в древнееврейском) – «жизнь», «живая». Христианская символика столь противоречивого образа первой земной женщины складывалась во многом под влиянием греческого перевода Библии – Септуагинты и латинского текста Вульгаты. С одной стороны Ева – наша мать по плоти, поддавшаяся искушению, с другой стороны, она является прообразом нашей «духовной матери» Девы Марии. Но в системе конкретного национального языка, на уровне «обыденного», в данном случае не религиозного в чистом виде сознания, за именами-символами закрепляются, как правило, обобщённо единичные представления. Имя собственное Ева, например, выступает символом любопытства и греховности женской природы. Так, во французском языке есть оборот, сохраняющий именно эти нюансы значения, которые иногда сглаживаются долей иронии или шутки: *fille d’Eve* – «евина дочка (внучка)» – «о женщине» [10, с. 109; 4, с. 279]. Французский фразеологизм в определённом контексте может выступать и в качестве резко отрицательной характеристики: *fille d’Eve* – «вероломное создание, готовое поддаться любому искушению» [10, с. 109].

Апеллятивы, обладающие негативной оценочностью, возникают, как правило, из имён собственных персонажей Священного Писания с отрицательными коннотациями. Так, перворождённый сын Адама и Евы стал и первым убийцей на Земле (Бытие 4, 1–24). Имя Каин имеет нейтральный денотат: в переводе с древнееврейского *Qayin* означает «кузнец» [8, с. 270], чему есть подтверждение и в других семитских языках.

По другой версии имя Каин произошло от древнееврейского глагола *qanah* – «приобретать» и значит «приобретение» [9, с. 374]: «(Ева) родила Каина (зд. *qayin*) и сказала: приобрела (зд. *qanah*) я человека от Господа» (Бытие 4, 1). Подобное столкновение фонетически близких, но не обязательно родственных лексем в узком контексте – «игра слов, типичная для ветхозаветных текстов в подлиннике» [2, с. 8]. Традиционно у древних народов братоубийство рассматривалось как худший из грехов, поэтому не случайно, что имя Каин стало нарицательным для преступника, изверга, братоубийцы, а в русском языке ещё и употребляется как бранное

слово [3, с. 155; 10, с. 167]. Интересным фактом своего рода «освоения» библейского имени в народной среде будет исконно русский апеллятив Ванька-Каин – «буян, отчаянный сорванец» [4, I, с. 93]. Что касается французского *Caïn*, то о полной его апеллятивации речь идти не может, таких данных нет и в словарях. Библейское имя активно функционирует в языке на уровне библейских аллюзий. Знаменитый вопрос Господа Каину, убившему своего брата (Бт. 4, 3) «*Caïn, où est ton frère?*» известен во французском языке в качестве своеобразного обвинения в предательстве своего ближнего [10, с. 59], правда в речи и литературных контекстах цитата нередко видоизменяется: «*Caïn, où est Abel?*», «*Caïn, qu’as-tu fait de ton frère*».

Ещё одно ветхозаветное библейское имя стало одним из самых выразительных апеллятивов русского языка и не развило подобных коннотаций во французском языке: Хам (в древнееврейском *Chāme* – «жар»).

Отправной точкой в развитии отрицательной коннотации у имени собственного Хам послужил следующий эпизод библейской истории: за неблагоприятный поступок Хама, который не постеснялся увидеть «наготу отца своего». Первоначально и в русском апеллятиве Хам и во фразеологизме, обозначающем его потомков, Хамово отродье (колена, дети) актуализировалось значение «раб, холоп» [4, II, с. 475]. В современном языке данное значение находится на периферии, уступая место коннотациям, связанным с грубостью, наглостью, неуважением установленных моральных норм.

Национальное своеобразие семантического развития русских библеизмов обнаруживается во многом при сопоставлении с французским выражением *fils de Cham* – «сыны, потомки Хама», являющегося лишь формальным эквивалентом русскому фразеологизму Хамово отродье (колена, дети). Интересующий нас французский фразеологизм логически связан еще с двумя библеизмами: *fils de Sem* – «сыны, потомки Сима» и *fils de Japhet* – «сыны, потомки Иафета». Сим, Хам, Иафет (во французском *Sem, Cham, Japhet*) – имена сыновей библейского патриарха Ноя. В Бытие перечисляются 70 народов, являющихся потомками библейских братьев (Бт. 10, 1–32). Сыны Иафета заселили Малую Азию, потомки Хама поселились на юге (в Африке), а дети Сима обосновались в Месопотамии и на Ближнем Востоке. Соответственно сложилась традиция, хотя об этом и не говорится в Священном писании, считать сыновей Ноя прародителями

трех основных рас: белой – от Иафета (*Japhet*), черной – от Хама (*Cham*), еврейской и арабской наций – от Сима (*Sem*). Так, к XVI веку относят появление иконографической темы в Европе, согласно которой волхвы, пришедшие на поклонение к Спасителю, изображались представителями именно этих трех рас [10, с. 80]. Данная классификация отразилась во французском языке: *filz de Sem* – «евреи, иногда арабы»; *filz de Cham* – «представители черной расы (негры)»; *filz de Japhet* – «представители белой расы, иногда европейцы». Эти устойчивые словосочетания относятся к перифрастическим единицам французского языка, функционально близким к терминологии. Они не несут положительной или отрицательной коннотации, а лишь называют этнические группы, народы не прямо, а иносказательно. Однако надо отметить, что при индивидуальном авторском употреблении возможно появление некоторых нюансов значения. Некоторые исследователи видят в версии происхождения рас от трех библейских братьев истоки расизма. Так, предположение о происхождении черной расы от проклятых потомков Хама является, по их мнению, попыткой оправдания расизма [10, с. 60].

Имя Сима (франц. *Sem*; из др.-евр. *Šēm*, восходит, возможно, к имени древнего божества Шем, традиц. перевод – «слава»), старшего из благословлённых Богом сыновей Ноя, напрямую апелляции не подверглось, однако стало очень продуктивной основой для образования целого ряда научных терминов. Согласно Книги Бытия [11, с. 21–31]. Сим прожил 600 и стал родоначальником многочисленного потомства, которое традиционно именуют семитами (зд. группа народов, населявших или населяющих часть Передней Азии, Северной и Восточной Африки, к которым относятся древние вавилоняне, ассирийцы, финикийцы, иудеи и др., а также современные народы: арабы, эфиопы, евреи и др.; [6, IV, с. 76]. Если интересующая нас терминология русского языка, возможно, отчасти носит явно заимствованный характер, то аналогичная французская, по данным словарей, является исконной, датируемая в основном серединой XIX и началом XX века, она восходит к французской транслитерации библейского имени: *Sem* (русск. Сим) → *sémite* (-s, n. et adj.) аналогично русским существительным семиты, семит, семитка и прилагательному семитский. Французские существительное и прилагательное нередко ошибочно употребляются в значении «еврей, израильтянин», «еврейский», отсюда и термины

antisémitisme – русск. антисемитизм – «расизм по отношению к евреям» и *antisémite* – русск. антисемит – «последователь антисемитизма».

Во французском языке функционирует существительное *sémitisme* (n.m.) – 1. «совокупность черт, характерных для семитской цивилизации, свойственная их языку», 2. «семитское влияние (например, в языке, культуре)» [12, с. 1796]. Для сравнения в русском языке семитизм – «слово или оборот речи, заимствованный из какого-либо семитского языка» [6, IV, с. 76]. Французскому прилагательному *sémitique* соответствует в русском прилагательное семитский (язык). Французскому слову *sémitisant* (-e, adj. et n.) как прилагательному соответствует русское прилагательное семитологический, как существительному – термин семитолог – «специалист по семитологии» [12, с. 1796; 6, IV, с. 76]. Во французском нет термина, аналогичного русскому семитология – «совокупность наук, изучающих языки, литературу, культуру и историю семитоязычных народов».

Одной из самых продуктивных антропонимических основ в этнической и богословской терминологии стало имя ветхозаветного Иуды (*Juda*), родоначальника «колена Иудина», одного из самых многочисленных и могущественных израильских племён, получившее первый удел по жребию при разделе земли Обетованной (Числ. 1, 27). Четвёртый сын патриарха Иакова от Лии, Иуда был удостоен особого пророческого благословения от своего отца: «Не отойдёт скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не придет Примиритель, и Ему покорность народов» (Бт. 49, 10). Земля колена Иудина стала называться Иудеей (нередко так именовали Палестину). Первоначально иудеями (евр. *jēhūdi*) назывались только жители Иудеи, позднее наименование стало использоваться для обозначения всего народа израильского. В церковнославянский, а затем и древнерусский язык слова иудей, иудейский попали из греческого (ср.: *ἰουδαῖος*). Но заимствование не прижилось в народном языке, в котором гораздо активнее функционировали в данном значении слова еврей и жид. Народ Авраама, известный под именем евреев (др.-евр. *ibrī*), пришёл в Ханаанскую землю через Евфрат и поэтому естественно, что местные жители назвали их евреями, т.е. «пришельцами с той стороны», букв. «потусторонними» (предположительно от глагола *eber* – «переходить через», либо существительного *ebher* – «та сторона, заречье»). По другой версии слово еврей восходит к имени

собственному патриарха Евера (с денотатом «пришелец, странник» (Бт 10, 21; Лк 3, 35), сына Салы, одного из предков Авраама. Если в русском языке для нейтрального стиля характерными будут слова еврей, еврейка, евреи, то, например, во французском по частотности употребления им будут соответствовать слова *juif* (n.m.), *juive* (n.f.), *juifs*. Заметим, что во французском есть аналогичное русскому заимствование *hébreu* (n. et adj., из лат. *hebraeus*; зд. еврей, еврейский), что в принципе означает то же самое, однако соответствует скорее русскому «древние евреи, древнееврейский (язык)». Во французском бытует выражение *C'est de l'hébreu!* буквально означающее – «это невозможно понять» – «настоящая китайская грамота». Французское же слово *juif* представляет из себя последовательную переработку всё того же древнееврейского слова *jēhūdi* в греческом (*ioudaios*), затем в латинском (*iudaeus*) и, наконец, в старофранцузском (*judew*, X век, → *juieu*, XII век) [PRLF, 1054]. Заметим, что характерные для русского разговорного языка слова жид (жида), жидовка имеют с французским *juif* общий латинский прототип. Как замечает А. Преображенский, «слово это интересно в том отношении, что уже с XI века засвидетельствовано с романским произношением». По его мнению, слово проникло в славянский через германское посредничество, «именно через тех германцев, которые усвоили его от романского населения, жившего к северу от Альп» [7, с. 232]. Однако это далеко не общепринятая версия проникновения слова в старославянский, а затем и в русский через посредничество церковнославянского (ср.: др.-русск жидъ, жидинъ, жидовинъ). Так, в словаре Фасмера кратко изложены ещё четыре: сторонники первой (Иречек, Младенов, Мейе) предполагают, что заимствование произошло через балканороманские языки из итальянского *giudeo* (от лат. *iudaeus*), Бóгач говорил о ретороманском посредничестве, Брандт предполагает, что слово является заимствованием (IX века) из немецкого *Jüd*, Шахматов настаивал на кельтском посредничестве [8, II, 53]. Первоначально слово жид (жидин) было, подобно французскому *juif*, относительно нейтральным, однако впоследствии у него развились отрицательные коннотации, сохраняющиеся и в современном языке: жид – «уничижительно о евреях» «презрительное, бранное название еврея», с переносным значением «о скряге» [8, II, с. 53]. К имени ветхозаветного Иуды восходит и название одной из древнейших мировых религий, распространённой среди евреев в разных странах

мира – иудаизма (франц. *judáisme*). Само это название очень древнее. Появилось оно ещё во II-м веке до Р.Х. в Вавилонской диаспоре евреев с целью своего рода обособления религии иудеев от эллинизма. Впоследствии в языках мира появилась соответствующая терминология. Например, *judáiser* – «исповедовать иудаизм» (во франц. с середины XVI века), *judáïcité* (во французском фиксируется с 1965 года) – «факт исповедования тем или иным лицом иудаизма». В середине XX века во французском появился новый социологический термин *judéité* (n.f.) – букв. «совокупность социологических, психологических и биологических характеристик представителя еврейской национальности» [12, с. 1053].

Французское слово, о котором пойдёт речь, никогда не входило в общенародный язык, но на его примере можно убедиться, что корпус библейских имён собственных в определённой мере «осваивался» и в жаргонах. Так, термин средневекового воровского жаргона *le David* в значении «отмычка» восходит к имени библейского царя Давида и даже связан с конкретным эпизодом I-ой книги Царств (в катол. традиции: *Le livre de Samuel I* – букв. «I-я книга (пророка) Самуила»). Молодой пастух Давид был приглашён из Вифлеема усладить игрой на музыкальном инструменте слух царя Саула, когда его тревожил злой дух. Примечательно, что в большинстве французских переводов Давид играл для царя на арфе (*harpe* n.f.), а в русском синодальном, например, – на гусях, в новом 1989 года французском переводе – на лире (*lyre* n.f.). Своей игрой Давид заслужил благосклонность царя, женился на его дочери, а затем и сам стал царём. В средневековой живописной традиции арфа стала неизменным атрибутом царя Давида. В то время во французском языке существовал пароним слову *harpe* (n.f.) глагол *harper* в значении «воровать». В результате такой своеобразной игры слов оборот *harpe de David*, а затем и просто *un David* в воровском жаргоне стало обозначением отмычки, а сам злоумышленник нередко именовался *le cousin (le parent) du roi David qui joue de la harpe* (букв. «родственник царя Давида, играющий на арфе») [10, с. 129]. Сейчас всё это уже стало достоянием истории языка.

По другой версии, изложенной всё в той же I-ой книге Книге Царств, Давид стал приближённым царя Саула благодаря своей победе над знаменитым филистимлянским богатырём Голиафом (*Goliath*) просто потрясающих размеров: «...ростом он – шести локтей и

пяди ...и вес брони его – пять тысяч сиклей меди. И древко копья его как навои у ткачей; а самое копье его в шестьсот сиклей железа...». Видимо из-за столь впечатляющего описания гиганта, его имя стало нарицательным как в русском, так и во французском языках по отношению к «человеку высокого роста и большой физической силы, великан» [3, с. 80; 13, с. 322]. Слово употребляется иносказательно по отношению к «признанным авторитетам в той или иной области, например, искусства, литературы и т. п.»

Заметим, что во французском языке символом силы является ещё и знаменитый ветхозаветный герой книги Судей Израилевых – Самсон (ср.: *fort comme Samson* – букв. «силён как Самсон»).

Трансформировав значение, в активный словарный запас французского языка вошли и другие ветхозаветные антропонимы. Так, имя собственное младшего из двенадцати сыновей патриарха Иакова Вениамина (франц. *Benjamin*), перейдя в состав имён нарицательных, стало одним из наиболее употребительных слов современного французского языка. В русском же с аналогичным значением это имя функционировало скорее на уровне библейских аллюзий. Так, в словаре М.И. Михельсона имеется краткая справка об этом персонаже Ветхого Завета [2, с. 98]. Прежде всего, знаменателен сам факт именованья героя, описанный в Книге Бытия (Бт., 43–45). Рождение Вениамина стало роковым для его матери Рахили, умирая, она дала ему имя *Ben-Oni* – «сын моего несчастья». Отец переименовал своего любимого сына в Вениамина – «сына правой руки», иносказательно в «сына любимой жены». Во французском языке переход этого имени в разряд имён нарицательных датируется уже XVIII веком. Примечательно, что апеллатив имеет как форму женского, так и мужского рода. В процессе семантической эволюции слово стало многозначным: *benjamin, benjamine* – «любимчик или любимица родителей»; «самый младший ребёнок в семье или в любой группе детей»; «самый младший человек в любой группе людей»; «возрастная категория юных спортсменов 10–11 лет» [11, I, с. 935].

Вне всяких сомнений, что французское слово *balthazar* появилось в результате процесса семантической отфразеологической деривации. Во французском языке есть фразеологизм *festin de Balthazar* – «валтасаров пир», из которого имя собственное выделилось и перешло в разряд апеллативов. Определённым образом, аккумулировав в себе всю семантику библейского выражения, слово гораздо активнее

функционирует в современном языке. Заметим, что на основе ветхозаветного текста книги Пророка Даниила за именем этого последнего вавилонского царя халдейской династии закрепляются исключительно отрицательные коннотации, связанные, прежде всего со святотатством на нечестивом пиршестве, устроенном во время осады города персами. Отразилось это и в значении фразеологизма *festin de Balthazar*, который служит далеко не лестной характеристикой застолья. Однако же в значении самого слова *balthazar* негативных нюансов оценки практически нет. В современном французском языке так нередко называют «шумный и весёлый праздник с обильным угощением», «банкет», «дружескую пирушку» [10, с. 114].

В лексике современного французского языка функционирует слово, имеющее ветхозаветные библейские корни, но реально утратившее связь со своим источником: *jé roboam* в значении «большая бутылка шампанского, содержащая 3,2 литра напитка» или «трёхлитровая бутылка бордо» [4, 5, с. 804]. Восходит оно к имени собственному ветхозаветного царя Иеровоама – *Jé roboam* (во французском языке), о царствовании которого рассказывается в III Книге Царств (Католическая Библия: I Roi 11, 26–14, 20). После смерти царя Соломона, он получил власть над десятью коленами израильскими, но не сумел достойно воспользоваться ею. Вводя в грех свой народ, «царь лично священнодействовал при совершении идолопоклоннических обрядов». По мнению французского лингвиста Ж-К. Болоня, закрепление наименования *jé roboam* за бутылкой столь впечатляющих размеров не лишено логики: «зелёный змий», под власть которого попадает человек, выпив много вина, подобен демоническому искусителю, из-за которого Иеровоам отверг истинную веру [10, с. 142]. Во французском языке слово является заимствованием из английского, датируемым началом XX века. Однако данное заимствование было столь удачным, что легло в основу традиции французских производителей шампанских вин давать имена ветхозаветных персонажей бутылкам, содержимое которых превышает 0,75 литра – «стандартную бутылку вина» [10, с. 142]. Так, в языке появилась целая серия наименований: *le jé roboam* – «бутылка, вмещающая четыре стандартных»; *le roboam* (от имени сына царя Соломона Ровоама, III Цар.) – «шесть стандартных бутылок»; *le mathusalem* (от имени библейского патриарха Мафусаила, Бт. 5, 21–27) – «восемь стандартных бутылок»; *le salmanzar* (Салманассар – царь Ассирийский, IV

Цар. 17, 3–5; 18, 9) – «двенадцать»; и, наконец, *le balthazar* (Валтасар – царь Вавилонский, Дан. 5) – «шестнадцать стандартных бутылок».

Таким образом, все перечисленные в этой статье примеры эволюции значений ветхозаветных антропонимов являются ярким подтверждением тому факту, что между именами собственными и именами нарицательными в языках происходит обмен и постоянное взаимодействие. Одним из ключевых условий апеллирования антропонимов является общеизвестность денотата имени, которую в данном случае обеспечивает источник – Библия (ветхий Завет). Другими словами любые широко известные библейские имена собственные имеют шанс стать базой для появления в языках

активно используемых имён нарицательных. Как правило, это имена собственные с определённой семантической репутацией, основанной на экстралингвистических предпосылках, которые порой одному народу кажутся существенными как, например, в случае с активно используемым французским словом *benjamin*, не имеющим аналога в русском языке. Значительное число ветхозаветных библейских антропонимов, благодаря яркому контексту, обладают подобными свойствами, но лишь единицы из них перешли в разряд имён нарицательных, в определённой мере потеряв тесную связь со своим первоисточником. Номенклатура этих слов в сравниваемых языках совпадает лишь частично.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. С параллельными. – Издание Московской Патриархии. – М., 1990.
2. La Bible, traduction de Lemaître de Sacy. – Paris: Robert Laffont, 1990.
3. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г., Крылатые слова. – 4-е изд., доп. – М.: Художественная литература, 1987. – 156 с.
4. Михельсон М.И. Русская речь и мысль. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии // Сборник образных слов и иносказаний : В 2 т., Т. 1. – М: ТЕРРА, 1994. – 279 с.
5. Мокиенко В.М. О собственном имени в составе фразеологии // Перспективы развития славянской ономастики. – М., 1980. – 57 с.
6. Словарь русского языка : В 4 т. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1982.
7. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка : В 3 т. – Репринтное издание, 1949.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : В 4 т. / Перевод и дополнения О.Н. Трубачёва. – 2-е изд., стереотип. – М.: Прогресс, 1987.
9. Шифман И.Ш. Комментарии к переводу / Учение. Пятикнижие Моисеево. – М.: Республика, 1993. – 335 с.
10. Bologne J.-Cl. Les allusions bibliques // Dictionnaire commenté des expressions d'origine biblique. – «Larousse», 1991. – P. 241.
11. Le Grand Robert de la langue française. // Dictionnaire alfabétique et analogique de la langue française. II-ème édition. – P., 1984. – Vol. I. – P. 935.
12. Le Petit Robert, Dictionnaire alfabétique et analogique de la langue française. – Paris: 1979. – P. 2172.
13. Trésor de la langue françaises, Dictionnaire de la langue du XIX-e et du XX-e siècles, vol. 1–17. Paris: 1971–1986.

Summary

THE EVOLUTION OF OLD TESTAMENT BIBLICAL PERSONAL NAMES IN MODERN FRENCH AND RUSSIAN

E.N. Yakovleva

Moscow State Regional Institute of Humanity

Abstract. The paper studies some Old Testament biblical proper names, which have become international symbols. The author pays the main attention to the question of the evolution of meanings of these anthroponyms in the French and Russian languages. Some of them have passed into the category of common nouns and now they are actively functioning in modern languages, having largely lost their links with the primary source.

Key words: Bible proper names; symbol names; meaning evolution.

ОБРАЗНАЯ СЕМАНТИКА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ НОМИНАЦИИ КОНДИТЕРСКИХ ИЗДЕЛИЙ

Яковлева А.М.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. В статье рассматриваются вербальные товарные знаки, входящие в концептосферу «кондитерские изделия». Англоязычные названия сладостей осмысляются в аспекте их ассоциативной семантики. Номинация рекламы и маркетинга кондитерских изделий строится как актуализация образного восприятия лексики.

Ключевые слова: концептосфера; концепт; кондитерские изделия; номинация; товарные знаки.

Кроме образов визуальных, к концептосфере «кондитерские изделия» относятся так называемые вербальные товарные знаки. Целью данной статьи является исследование ассоциативных образов, которые вызывают данные лексемы. Конкретные задачи связаны с осмыслением ряда выражений, которые выполняют рекламно-маркетинговую функцию.

Словесные товарные знаки входят в область ономастического исследования, однако при этом ономастика торговли подчиняется не столько задачам номинации, сколько лексического продвижения товара, созданию привлекательного имиджа продукта. Ученые используют разные термины для обозначения данных слов. В работе Ван Мяо, посвященной названию русский и китайских кондитерских изделий в прагмалингвистическом аспекте, используется термин «прагматоним» [1, с. 25].

В настоящей статье материалом для лингвистического изучения стали наименования кондитерских изделий, которые были собраны из разных источников: этикетки, журналы, рекламные каталоги и каталоги сладостей в интернет-магазинах. Мы можем выделить несколько условных групп названий сладостей, которые рассмотрим ниже.

В изучаемой концептосфере наиболее часто встречаются наименования сладостей, включающие в себя названия ингредиентов, либо входящих в состав кондитерского изделия, либо имеющих соответствующий этим ингредиентам вкус.

Конфеты, включенные нами в данную тематическую группу «ингредиенты», мы условно можем разделить на фруктовые и ягодные, а также конфеты, содержащие в рецептуре травы, семена и корни растений; конфеты с орехами и другими наполнителями.

К фруктовым и ягодным сладостям относятся: «fruit pastilles» (фруктовая пастилла), «apple bonbons» (яблочные конфеты), «lemon bonbons» (лимонные конфеты), «peach bonbons» (персиковые конфеты), «strawberry bonbons» (клубничные конфеты), «apple and blackcurrant bonbons» (яблочно-черносмородиновые конфеты), «sour apples sweets» (конфеты со вкусом кислого яблока), «cherry jelly» (вишневый мармелад), «pineapple fizz» (дословно «ананасовая шипучка»), «tamarind» (тамаринд).

Конфеты, содержащие травы, семена и корни растений: «mint cream» (мятный крем), «mint cracknel» (мятное печенье), «spearmint chews» (мятная жвачка), «ginger cream» (имбирный крем), «aniseed sticks» (анисовые палочки), «liquorice sticks» (лакричные палочки), «liquorice comfits» (засахаренный лакричник), «clove balls» (гвоздичные шарики), «vanilla fudge» (ванильная помадка).

Помимо этих традиционных растений в английской кондитерской концептосфере, необычными для нашего восприятия становятся конфеты, в рецептуру которых включаются такие многолетние травы, такие, как мать-и-мачеха – «coltsfoot rock» (леденцовая карамель из мать-и-мачехи), одуванчик и лопух – «dandelion and burdock sweets» (конфеты из одуванчика и лопуха), ревень – «rhubarb and custard» (ревень и заварной крем).

Отдельную подгруппу в классе «ингредиенты» составляют орехи. Сами орехи являются отдельным угощением: «buttered brazils» (ириска с бразильским орехом), где «buttered» – это сокращение от «butterscotch» (ириска), а «brazils» – название ореха. Образуется словосочетание, в котором «орех» является главным словом и в буквальном смысле получается «ирисковый орех». В английском языке есть лексема «nutty» (дословно «имеющий вкус ореха»), которая употребляется

как название конфеты. Также и миндаль часто используется как составляющая рецепта и названия кондитерского изделия – «sugar almond» (сахарный миндаль).

По той же лексической модели построены названия кондитерских изделий с другими ингредиентами. В изучаемой концептосфере представлены такие лексические единицы, как «chocolate bonbons» (шоколадные конфеты), «cola bars» (батончики со вкусом колы), «cola fizz» (шипучка со вкусом колы).

Отдельная группа словосочетаний связана с лексемой «ириска». Таковы «toffee bonbons» (ириска), «toffee crumble» (пудинг с ирисом), «toffee slabs» (ириски прямоугольной формы), «butterscotch gum» (жвачка со вкусом ириски) и упомянутый ранее «battered brazils» («ирисковый» орех или ириска с орехом). Слово «ириска» обладает продуктивным свойством к образованию новых словосочетаний в силу популярности этого кондитерского изделия. Сама по себе ириска вызывает сложный ряд сенситивных ассоциаций. Она тянется, прилипает к зубам, медленно растворяется. Тем самым ириска является и отдельным кондитерским изделием, и эпитетом в номинации других сладостей, формируя новые лексемы.

Как видим, названия, включающие в себя ингредиенты, универсальны. Они указывают на рецептуру, а кроме того, формируют определенную вкусовую, чувственную ассоциацию. Прочтение или произнесение такого словосочетания вызывает рефлекторную реакцию у человека, и, как следствие, желание купить данный продукт. Данная психолингвистическая закономерность и используется в маркетинге и рекламе товара.

Интересным для нашего исследования является группа конфет, в рецептуре которых используется алкоголь. Данный вид сладостей рассчитан исключительно на взрослых людей, у которых есть вкусовой опыт, связанный с употреблением спиртного. Очевидно, что алкогольный ингредиент в кондитерском изделии может быть столь же многообразным как ассортимент самих алкогольных напитков. К группе наименований этого класса относятся такие названия как «whisky fudge» (помадка со вкусом виски), «gum and raisin fudge» (помадка со вкусом рома с изюмом), «gum truffles» (трюфели с ромом), «wine gums» (жвачка со вкусом вина).

Отметим, что концептосфера «кондитерские изделия» пересекается с концептосферой «алкоголь» не только в аспекте ингредиентов. Мы можем наблюдать подобное слияние в области

алкогольных коктейлей. Очевидно, что коктейль может восприниматься как разновидность «десерта». Обычно он является слабоалкогольным напитком. И даже если в его основу входят крепкие спиртные напитки, они разбавляются и перемешиваются с ингредиентами, имеющими кондитерское происхождение. Так называемые «лонг дринки» (от английского «long drink» – прохладительный напиток или коктейль в высоком стакане) часто готовятся с использованием сладких сиропов, взбитых сливок, сахара, корицы и прочего [2].

Визуально многие десертные коктейли по оформлению похожи на пирожные. Верх стакана часто покрывают взбитыми сливками и украшают фруктами. Десертная составляющая напитка, именуемого «коктейль», подтверждается параллельными рецептами, когда один и тот же напиток может быть алкогольным и безалкогольным, что делает его доступным даже для детей. Таков популярный коктейль «Мохито». Возможно, именно рецептурно-психологическим фактором объясняется популярность коктейлей, так как они включаются в концептосферу «детство» и вызывают радостное ощущение праздника. Вспомним детский молочный коктейль. Само слово «коктейль» чаще всего ассоциируется с чем-то сладким.

Культура употребления коктейля имеет свои традиции. Обычно этот напиток является частью «светской» встречи. Часто коктейль завершает публичное элитарное мероприятие и подается в виде фуршета. Эстетика его употребления построена на подчеркивании изящества. Традиционно коктейльные встречи предполагают определенный костюм для мужчин и женщин. Вспомним знаменитое короткое платье Коко Шанель, которое предназначалось именно для фуршета, во время которого гости ходят или стоят. Сидеть в коротком платье не совсем прилично. С другой стороны, коктейльное платье является сдержанно-откровенным – строгим и открытым одновременно.

Эротическая составляющая фуршетов подчеркивается и соответствующей посудой. Коктейльная посуда представляет собой широкую, конической формы рюмку на ножке, либо высокий стакан из тонкого стекла. Обычно такие стаканы бывают из гладкого стекла, чтобы было хорошо видно напиток, его цвет и его кондитерские добавки – вишенка или ломтик цитрусового плода. Многие десертные коктейли являются напитками, состоящими из слоев, разного цвета и плотности. Вспомним знаменитый коктейль Джеймса Бонда, знаменитого супергероя романов Яна Флеминга и голливудских фильмов. Заказывая коктейль из водки и мартини, Бонд просил бармена «взбол-

тать, но не смешивать». В широкой коктейльной рюмке водка и мартини не «смешиваются», а плавно извиваются, расходятся изгибающимися линиями-слоями.

Показательно, что для несладких алкогольных смесей в английском языке используется другая посуда и другое слово. Вместо высокого стакана или широкой рюмки для коктейля применяются «shot», то есть «короткий», маленький стакан. В русском языке такой маленький стаканчик для крепких напитков «стопка» [2].

Классическим крепким алкогольным коктейлем такого типа является напиток «Кровавая Мэри», состоящий из водки и томатного сока, которые также наливаются в маленькую стопку не перемешиваясь (для чего барменом применяется специальная техника). Как видим, даже крепкие (мужские) коктейли предполагают определенную эстетическую традицию в приготовлении и потреблении. Тем более это касается сладких коктейлей, которые обычно употребляют женщины и дети.

Десертная составляющая коктейля приводит и к обратной ассоциативной связи. Холодные десерты иногда подаются в бокалах. Заметим, что так называемая «креманка» – небольшая вазочка для крема, варенья или мороженого напоминает по очертаниям коктейльный бокал или широкую рюмку, правда из более толстого стекла.

Являясь частью элитарной культуры, кондитерские изделия часто сравниваются с украшениями. Это стало источником метафорического использования образа золота в наименованиях сладостей. Так мы встречаем лексему «Eldorado» (страна сказочных богатств) в качестве названия мороженого. Ряд жевательных резинок имеют названия, связанные с лексемой «Gold» (золото), а именно «Gold nuggets» (дословно золотой самородок) и «Gold rush» (золотая лихорадка), которые сделаны в форме золотых слитков. Термин «золотая лихорадка» возник в связи со страстью к золотоискательству. Метафорическое название жевательной резинки также подчеркивает чувственный, страстный характер человека, однако при этом возникает и иронический подтекст. Одержимость золотой лихорадкой представляется пустой забавой, так же как и потребление жевательной резинки. Заметим, что в данном случае также важен размер продукта, так как в европейской традиции ювелирное украшение обычно воспринимается как нечто изящное и небольшое, но имеющее большую ценность.

Считается, что золото является символом солнца. Отсюда в кондитерской концептосфере

возникает необычная форма переноса значений: золото – солнце – апельсин. Сходство по цвету с золотом послужило основой для номинации апельсинового конфитюра – «Golden shred» (золотая стружка).

Лингвистически интересной является двойная метонимия в названии сладости «Spanish Gold» (испанское золото), которая также имеет и второе название «Sweet tobacco» (дословно «сладкий табак»). В конкретном случае нас интересует не происхождение, а комплекс значений и ассоциаций, вызываемых данным выражением. Возможно, это связано с визуальным сходством данных продуктов. У фабричного табака часто бывает форма плитки, которая напоминает традиционную форму шоколада. К тому же и цвет табака сопоставим с цветом шоколада. Кроме того, слово «табак» также встраивается в еще одну цепочку ассоциативных значений, связанных с употреблением этих «растительных» продуктов: табак – кофе – какао – шоколад. Возникает образно-ассоциативный ряд между табаком и шоколадом. Вероятно, важную роль здесь играет не только внешнее сходство, но и запах. Такой ассоциативный ряд связан с дегустацией: когда покупают трубочный, сортовой табак, его нюхают. Поэтому выстраивается система психологически близких ощущений и образов, связанных с запахом: пахнет табак, пахнет кофе, пахнут кондитерские изделия.

Предположим, что данное смысловое гнездо также связано с понятием колониальных товаров. Табак, кофе, какао, шоколад ассоциируются с концептом «южные колонии». В этот же ряд включаются важные кондитерские элементы: ваниль, корица, мускатный орех и т.п. Стоит заметить, что кофе является связующим элементом в данной образно-языковой области. Этот напиток подавался в кофейнях, где сигара для мужчин являлась неотъемлемым дополнением. Женщины обычно пьют горький кофе в сочетании со сладкими кондитерскими изделиями. В данном случае кофе также становится связующим звеном не только между табаком и кондитерскими изделиями, но также и между мужской и женской картиной мира.

В мужской картине мира, связанной с употреблением кофе, также присутствует и спиртной напиток, обычно это бывает коньяк. Отсюда же специфический алкогольный продукт «кофейный ликер» и конфеты с ликером или коньяком. Можно предположить, что сладкое в такой смысловой модели выступает заменой табака, помогает избавиться от пагубной привычки.

Мы не настаиваем на высказанных этимологических предположениях, но они отчасти объясня-

ют ассоциативный комплекс названий, являющихся предметом нашего исследования. Очевидно, что употребление сладкого, так же как и курение, и алкоголь, связано с выделением эндорфинов, с чувством удовольствия, с «наслаждением». Характерно такое медицинское замещение для никотинозависимых людей, как употребление конфеты или мятной жевачки вместо курения.

В изучаемой концептосфере часто используется метафора, основанная на аналогии «мята – лед». Данное сравнение возникло в результате особенностей вкусового восприятия. Эфирное масло, получаемое из перечной мяты, обладает приятным освежающим вкусом и запахом, что легло в основу сравнения мяты со льдом. В концептосфере «кондитерские изделия» ряд продуктов содержит в названии лексему «ice» (лед). Однако речь идет не о замороженных продуктах, а об освежающем вкусе: «Ice Bombs» (ледяные бомбы) – мятная карамель с жевательной резинкой в центре; «Ice breaker» (разрушитель льда) – освежающие мятные конфеты.

Также мы встречаем сравнение сахара со льдом, основанное на визуальном восприятии – кристаллы льда похожи на кристаллы сахара. «Iced Caramels» (дословно «карамель, покрытая льдом») – на самом деле, это карамель, покрытая сахарной глазурью. Не случайно, одним из значений лексемы «iced» является «покрытый сахарной глазурью, глазированный» [2]. В русском языке существует аналогичная лексическая группа, связанная со словами «сосулька» и «леденец». Этимология первого слова, очевидно, предполагает глагол «сосать», а так как сосулька состоит из льда, сосательная конфета получила название «леденец». Обычно такая конфета имеет мятный вкус, но может соединяться и с фруктовыми наполнителями, что закрепляется в названиях «фруктовый» или «ягодный» леденец в различных конкретизирующих значениях типа «лимонный» или «клубничный» леденец.

Активным средством кондитерской номинации является аллитерация. Как стилистический прием, она употребляется в устно-поэтической и литературной художественной речи, подчеркивая ее ритмику. В рекламной лексике, которая входит в концептосферу «кондитерские изделия», повторение одинаковых или однотипных согласных также используется для усиления вербального эффекта. Этот языковой эффект выполняет функцию привлечения внимания покупателей, которыми часто являются дети. В детской литературе, в частности, в стихах, скороговорках или считалочках, также встречается упомянутый сти-

листический прием, что воспринимается детьми как родственное вербальное явление, как языковая игра.

Рассмотрим номинацию кондитерских изделий с аллитерацией. Аллитерационных стих был древней формой англосаксонского стихосложения, но в последствии англоязычная поэзия, так же как французская, германская и русская, в сознании людей чаще всего стала отождествляться с явлением рифмы, созвучием. Но и здесь сохраняется «фонетическая» аллитерация, которая усиливается, ассонансом — созвучием гласных, в результате чего и образуется рифма. Рифмованные слова, кроме привлечения внимания, легче запоминаются и надолго остаются в памяти.

Популярная во всем мире жевательная резинка «Hubba-bubba» является ярким примером аллитерации и рифмы. Возможно, выражение произошло как результат слияния слов «hubba-hubba», которые используются как возглас восхищения, восторга и ободрения, и видоизмененной лексемы «bubble» (пузырь) [2]. Поэтому название «Hubba-bubba» можно дословно перевести как «великолепный пузырь». На эту семантику также повлияла такая детская забава, как надувание из жвачки реальных «великолепных пузырей». Иногда они бывают довольно большими по размеру, а затем громко лопаются.

Другая кондитерская компания также обращает внимание на пузыри, которые можно надуть, употребляя жевательную резинку. Лексема «Dubble Bubble» называет жвачку, которую мы можем интерпретировать как «двойные пузыри». Для большего сходства «создатели» бренда заменили в слове «double» (двойной) 2 буквы – «ou» – «ub», что не повлияло на звуковое восприятие данной лексемы.

Шоколадные конфеты с карамельным попкорном и арахисом называются «Nanky-Panky». Данная лексема в разговорном языке имеет значение «мошеничество, обман, надувательство, проделки» [2]. Возможно, данное слово, используется для того, чтобы подшутить над тем, что внутри шоколада находится не шоколад, а «неожиданная начинка». Да и само употребление попкорна, который изготавливается из кукурузы напоминает «надувательство». Сама технология приготовления «воздушной кукурузы» иронически выражает идею надувательства, так как люди платят деньги за сомнительное удовольствие. Тот же самый иронический подтекст возникает и в связи с приготовлением и продажей «сахарной ваты», которая «раздувается» и «накручивается»

на палочку». В русском языке этот процесс созвучен с выражением «обвести вокруг пальца», то есть «обмануть», обычно обмануть «простака».

На первый взгляд, можно подумать, что название леденцов «Wally lollies» переводится на русский язык как «прекрасные леденцы»: от «wally» – устаревшее шотландское слово со значением «хороший, прекрасный, превосходный» и «lolly» – сокращение от lollypop – «леденцы на палочке» [2]. Однако семантическая задумка названия «Wally lollies» выявляется в слогане к кондитерскому изделию – «don't be wally, suck a lolly», который переводится как «не будь болваном, соси леденец». Здесь используется разговорное значение слова «wally» – «болван, тупица, придурок» [2].

Взрывающиеся во рту конфеты называются «fizz wizz», что мы дословно можем интерпретировать как «классная вырывающаяся штука». Чтобы достичь аллитерации и рифмы в названии, была изменена лексема «whizz», со значением «классная штука» на «wizz». Словарь дает различные варианты написания и произношения лексем, с данным значением: «wiz» (вариант написания слова «whiz») – «whiz» (американский вариант лексемы «whizz») – «whizz» (британский вариант многозначной лексемы, используемой в данном названии) [2]. Возможно, замысел создателей данного кондитерского изделия и названия к нему был другой, так как слово «whizz» также переводится на русский язык как «просвистеть, пронестись со свистом, пролететь, промчаться (с шумом, грохотом), делать (что-л.) очень быстро, в бешеном темпе, кружиться (о голове), свист (рассекаемого воздуха), движение со свистом» и разговорное значение «классная штука» [2].

В анализируемой концептосфере присутствует лексема «wiz fizz», которая используется для наименования шербета. Заметим, что здесь присутствуют те же слова, что и в примере, разобранным выше, однако они используются для обозначения совершенно другого десерта. Очевидно, что шербет это принципиально другое кондитерское изделие.

В современном маркетинге такие названия часто применяются компаниями, «паразитирующими» на известном товарном знаке. Такие пары можно встретить у производителей техники: SONY – Sanyo, Honda – Hyundai и т.п. Это лексическое явление связано с конкуренцией.

В концептосфере «кондитерские изделия» зафиксированы названия сладостей с антропонимами. Так, название популярной конфеты «Mars» связано не с планетой Марс, и не с античным бо-

гом войны Марсом, а с фамилией кондитера [3]. Однако в наименовании конфеты запоминается именно это хорошо известное слово, уходящее корнями в мифологию. Заметим, что кондитер Френк Марс также назвал кондитерскую фабрику – («Mars LLC» – компания с ограниченной ответственностью «Марс»), которая выпускает большой ассортимент сладостей. Компания становится своеобразной «планетой сладостей». Тем более что, традиционно эта планета связана с красным цветом, что характерно для многих кондитерских изделий, включающих ягодные ингредиенты красного цвета.

Символический антропоним «Марс» используется и в названии шоколадных конфет «M&M» (эм-энд-эмс). Эта номинация – результат сокращения двух фамилий – Марс и Мьюрри до первых букв [4]. Не случайно, в рекламе этих сладостей главными героями выступают две шоколадные конфеты, желтая и красная, которые, подобно человеку, умеют ходить и говорить. На их «животах» присутствует буква «M», что есть первая буква фамилий из изготовителей и показатель уникальности торговой марки. Заметим, что один и тот же человек – Френк Марс увековечил свою фамилию в названии двух кондитерских изделий.

«Snickers» (сникерс) – товарный знак другого популярного шоколадного батончика с начинкой из нуги и карамели, нуги из арахисового масла и арахиса. Он также выпускается вышеупомянутой шоколадной фабрикой «Марс». Есть предположение, что данное название произошло от клички любимого в семье кондитеров Марсов коня по кличке Сникерс [4]. В английском языке присутствует лексема «snicker», одним из значений которой является «тихо ржать (о лошади)» [2]. Это дает нам основание полагать, что предположение о происхождении названия шоколадного батончика «Snickers» от клички любимого коня семьи Сникерс можно считать убедительным. Также глагол «ржать», возможно, имеет иронический рекламный подтекст: от нее вы будете «ржать» от удовольствия.

По одной из версий шоколадный батончик «Kit Kat» приобрел свое название от названия клуба Kit Kat, в который входили знаменитые политики, писатели и художники XVIII-го столетия. Заседания данного клуба проходили в доме Кристофера Кэтлинга (Christopher Catling), имя которого сокращали до Kit-Cat [2]. Мы не можем с уверенностью утверждать, что этимология этого названия имеет такое содержание, однако она также интересна как образец аллитерации в изучаемой концептосфере.

«Rowntrees» (Раунтриз) – фирменное название различных сортов конфет компании «Rowntree Mackintosh Ltd» (Раунти Макинтош Лимитед). Данную номинацию можно отнести к антропониму по двум причинам. Так, возможно, это фамилия основателя данного производства. Помимо того, в истории Великобритании был филантроп и социальный реформатор Benjamin Seebohm Rowntree (Бенджамин Сибом Раунтри), который оказал значительное влияние на становление государственного благосостояния в послевоенной Великобритании; продемонстрировал, что причины бедности находятся в структурных особенностях устройства общества, а не в особенностях поведения бедных или богатых. Возможно, и компания и конфеты были названы в его честь как свидетельство и символ его правоты. Еще одно название с входящим в него антропонимом – это фирменное название шоколадных изделий «Elizabeth Shaw» (Елизабет Шо). Заметим, что компания, выпускающая эти конфеты, также называется «Elizabeth Shaw». Это дает нам основание полагать, что данный антропоним – имя основателя кондитерского производства.

Переход имен собственных в имена нарицательные, в названия – явление, свойственное

для маркетинга в целом. В таких наименованиях выражается фамильное право собственности и продвижения торгового бренда. Собственное имя человека закономерно превращается в источник номинации. Впоследствии такое название соединяется с определенным продуктом, которое оно называет, обрастая различными ассоциативными значениями. Нейтральная лексема оказывается источником образности.

Итак, мы рассмотрели группу лексем, связанных с ассоциативными значениями разного типа. Нами было установлено, что источником образности становятся кондитерские ингредиенты, визуальные и вкусовые ощущения, предметные детали, элитарные формы употребления сладостей, имена собственные. Важным стилистическим средством маркетинга являются аллитерация и рифма. Рассмотренные в статье лексические единицы оказываются не столько понятийными в смысле предметной номинации, сколько образно ассоциативными. Этим достигается эффект психологической привлекательности данных лексем, связанных с задачами рекламы и маркетинга. Это позволяет сделать вывод о том, что лексика концептосферы «кондитерские изделия» функционирует по законам психолингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Мяо «Названия русских и китайских кондитерских изделий в прагмалингвистическом аспекте» диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук Волгоград 2010.
2. АБВУУ Lingvo 12 European [Электронный словарь] Выпуск: 12.0.0.442 Артикул: 5124.
3. Mars Chocolate [Электронный ресурс] <http://www.mars.com/netherlands/en/brands/chocolate.aspx> (Дата обращения 22.11.2014).
4. M&Ms chocolate [Электронный ресурс] <http://www.mms.com/us/nascar#character> (Дата обращения 22.11.2014).
5. Snickers [Электронный ресурс] <http://www.snickers.com/Product/Snickers> (Дата обращения 22.11.2014).

Summary

FIGURATIVE SEMANTIC IN ENGLISH NAMES OF CONFECTIONERY

A.M. Yakovleva

Moscow State Regional Institute of Humanity

Abstract. In this article verbal trademarks, which are the part of conceptsphere “pastry and confectionery” are considered. English names of confectionery are comprehended in the aspect of their associative semantic. Advertising names and trademarks of confectionery are formed as actualization of figurative perception of the vocabulary.

Key words: conceptsphere; concept; confectionery; nomination; trademarks.

НАШИ АВТОРЫ

Астафьева Ольга Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Московский государственный областной гуманитарный институт, г. Орехово-Зуево.

E-mail: olga.astafeva.71@mail.ru

Блохин Александр Викторович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Московского государственного областного гуманитарного института, г. Орехово-Зуево.

E-mail: avb6767@mail.ru

Буланкина Надежда Ефимовна – доктор философских наук, заведующий кафедрой гуманитарного образования, профессор Новосибирского института повышения квалификации и переподготовки работников образования (ГАОУ ДПО НСО НИПКиПРО), Почетный работник образования РФ.

E-mail: nebn@yandex.ru

Громова Алла Витальевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы ГБОУ ВПО города Москвы «Московский городской педагогический университет».

E-mail: gromovaav@mail.ru

Кияшко Людмила Николаевна – кандидат филологических наук, руководитель отдела учебно-методического обеспечения ГБОУ УМЦ ПО ДОгМ (Учебно-методический центр профессионального образования).

E-mail: ludmila.n.k@yandex.ru

Колоскова Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Московский государственный областной гуманитарный институт, г. Орехово-Зуево.

E-mail: koloskova_tak@mail.ru

Латышко Оксана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы, Московский государственный областной гуманитарный институт, г. Орехово-Зуево.

E-mail: oklatyshko@yandex.ru

Мильруд Радислав Петрович – доктор педагогических наук, профессор Тамбовского государственного технического университета, г. Тамбов.

E-mail: rad_millrood@mail.ru

Рюкина Анастасия Александровна – аспирант кафедры русской литературы, Московский государственный областной гуманитарный институт, г. Орехово-Зуево.

E-mail: ryunanastasiya@yandex.ru

Сантросян Рафик – преподаватель кафедры английской коммуникации и перевода, ЕГЛУ им. В.Я. Брюсова (Армения).

E-mail: info@brusov.am

Симачева Ирина Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы, Московский государственный областной гуманитарный институт, г. Орехово-Зуево.

E-mail: simiramira@yandex.ru

Трумпокаис Екатерина Дмитриевна – учитель русского языка и литературы, ФМБА «Электростальский медицинский колледж», г. Электросталь.

E-mail: trump.ok.04.75@mail.ru

Чурюканова Елена Олеговна – доцент кафедры английского языка и переводоведения, Московский государственный областной гуманитарный институт, г. Орехово-Зуево.

E-mail: edellvise@yandex.ru

Яковлев Михаил Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы, Московский государственный областной гуманитарный институт, г. Орехово-Зуево.

E-mail: mihaelramblerru07@rambler.ru

Яковлева Элина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный областной гуманитарный институт, г. Орехово-Зуево.

E-mail: mgopi@list.ru

Яковлева Александра Михайловна – аспирант кафедры английского языка, Московский государственный областной гуманитарный институт, г. Орехово-Зуево.

E-mail: yakovleva1301@rambler.ru

OUR AUTHORS

Astafeva Olga Alexandrovna – candidate of philology, associate professor of Russian language chair, Moscow State Regional Humanitarian Institute, Orekhovo-Zuevo.

E-mail: olga.astafeva.71@mail.ru

Blokhin Alexander Victorovich – candidate of philological science, associate professor of Russian language chair, Moscow State Regional Institute of Humanities, Orekhovo-Zuevo.

E-mail: avb6767@mail.ru

Bulankina Nadejda Efimovna – Ph.D., head of the department of humanities education, professor of Novosibirsk Institute of Advanced Training and Retraining of Education (SPE GAOU NIPKiPRO VAT), Honored Worker of Education of the Russian Federation.

E-mail: nebn@yandex.ru

Churyukanova Elena Olegovna – associate Professor, Department of English Language and Translation Moscow State Regional Humanitarian Institute, Orekhovo-Zuevo.

E-mail: edellvise@yandex.ru

Gromova Alla Vitalevna – PhD, associate professor, professor of Russian literature Medical University of the city of Moscow «Moscow City Teacher's Training University».

E-mail: gromovaav@mail.ru

Kiyashko Lyudmila Nikolaevna – Candidate of Philology, head of the educational-methodical support of educational development department GBOU UMC PO DOgM (Educational-methodical center of professional education).

E-mail: ludmila.n.k@yandex.ru

Koloskova Tatyana Aleksandrovna – candidate of Philology science, associate professor of Russian language Chair, SEI IN MO «Moscow State Regional Humanitarian Institute», Orekhovo-Zuevo.

E-mail: koloskova_tak@mail.ru

Latyshko Oxana Vladimirovna – candidate of Philology, associate professor of Russian Literature Chair, Moscow State Regional Humanitarian Institute, Orekhovo-Zuevo.

E-mail: oklatyshko@yandex.ru

Milrud Radislav Petrovich – Doctor of Education, Professor of Tambov State Technical University.

E-mail: rad_millrood@mail.ru

Riukina Anastasia Aleksandrovna – post-graduate student of the chair of Russian literature, Moscow State Regional Humanitarian Institute, Orekhovo-Zuevo; E-mail: ryunanastasiya@yandex.ru

Santrosyan Rafik – lecturer, Chair of English Communication and Translation Yerevan State Linguistic University after V. Brusov.

E-mail: ludmila.n.k@yandex.ru

Simacheva Irina Jurievna – candidate of philological science, associate professor of Russian literature chair, SEI IN MO «Moscow State Regional Humanitarian Institute», Orekhovo-Zuevo.

E-mail: simiramira@yandex.ru

Trumpokais Ekaterina Dmitrievna – a teacher of Russian language and literature, FMBA «Machines Medical College», Elektrostal.

E-mail: trump.ok.04.75@mail.ru

Yakovlev Mikhail Vladimirovich – candidate of philological sciences, associate professor of Russian literature chair, Moscow State Regional Humanitarian Institute, Orekhovo-Zuevo.

E-mail: michaelramblerru07@rambler.ru

Yakovleva Alexandra Mikhailovna – postgraduate student of English language department, Moscow State Regional Institute of Humanities, Orekhovo-Zuevo.

E-mail: yakovleva1301@rambler.ru

Yakovleva Elina Nikolaevna – candidate of philology, associate professor, Vice-rector on scientific work, Moscow State Regional Institute of Humanities, Orekhovo-Zuevo.

E-mail: mgopi@list.ru

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
ГУМАНИТАРНОГО
ИНСТИТУТА

**СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЛИНГВИСТИКА
И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ**

Научный журнал

№ 2 (2014)

Подписано в печать 26.12.2014.
Формат 60x84/8.
Усл. печ. л. 10,7. Тираж 100 экз.

Редакционно-издательский отдел
Московского государственного областного гуманитарного института.
142611, Московская область, г. Орехово-Зуево, ул. Зеленая, д.22.